ПИОНЕР 5

МАЙ ● 1975 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

9 МАЯ—
ДЕНЬ
ПОБЕДЫ

1945—
1975 годы

Единым
строем
сегодня
стоят
солдаты—
герои
и внуки
солдат

Клятва у Знамени Победы

Знамя Победы! Символ нашей победы над фашизмом.

...Уже десять дней шли на улицах Берлина жестокие бои. Гитлер засел за толстыми бетонными стенами бункера, глубоко под землей. Он требовал продолжать сопротивление до последнего солдата, в то время как советские воины квартал за кварталом освобождали Берлин от фашистов.

Утром 30 апреля, накануне Первого мая, начался штурм рейхстага. Наши бойцы окружили рейхстаг, ворвались в здание.

Ранним первомайским утром красное Знамя Победы развевалось над поверженным рейхстагом. Его водрузили разведчики Михаил Егоров и Мелитон Кантария.

Тысячи лучших комсомольцев страны, ударников пятилетки накануне праздника 30-летия Победы над фашизмом удостоились высокой чести сфотографироваться у Знамени Победы, которое хранится сейчас в Музее Вооруженных Сил СССР.

Все они родились после войны. Их отцы и деды воевали, матери и бабушки, не зная отдыха, работали на заводах и в колхозах, делали все для победы.

Комсомольцы приехали в Москву, побывали на Красной площади, в Мавзолее В. И. Ленина, возложили цветы у Вечного огня Неизвестному солдату. Минутой молчания почтили память тех, кто погиб, завоевывая счастливую, мирную жизнь для всех нас.

У юношей и девушек открытые, добрые лица, натруженные руки. Руки, которые выращивают хлеб, водят тракторы и комбайны, шьют одежду, выпускают сложнейшие машины, продают игрушки...

У многих на груди ордена и медали, почетный знак «Ударник 1974 года». Здесь и Игорь Скриник — делегат XVII съезда комсомола, рабочий обувного производственного объединения «Буревестник», один из инициаторов патриотического движения в честь 30-летия Победы «За себя и за того парня».

Здесь и Слава Тарарухин, электрослесарь Московского завода автотракторного оборудования номер один. Славина бригада одной из первых откликнулась на этот призыв.

Лучшие комсомольцы страны, удостоившиеся чести быть сфотографированными у святыни нашей Родины Знамени Победы, пришли к памятнику Неизвестному солдату, чтобы вспомнить тех, кто отдал жизнь, защищая Родину.

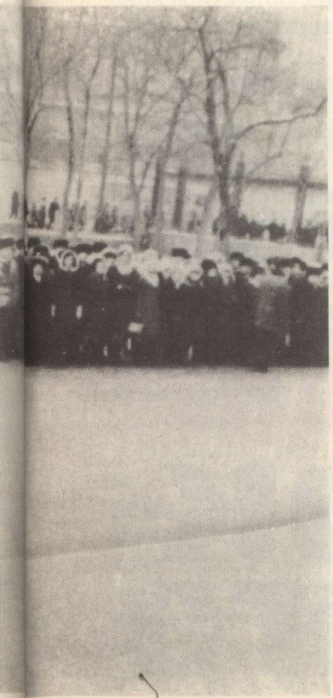
И Татьяна Федина — одна из лучших пионервожатых Москвы. И Алексей Никольский, машинист Московского метро. Наташа Ленкова, стюардесса, Зигит Сальманов, наладчик автоматических линий Уфимского моторостроительного завода... Тысячи лучших комсомольцев страны.

«У героического Знамени, в год 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, мы, наследники бессмертного подвига старших поколений, перед светлой памятью павших, перед лицом ветеранов войны и труда торжественно клянемся достойно продолжать славные революционные, боевые и трудовые традиции Коммунистической партии и советского народа...

Каждым прожитым днем клянемся утверждать на земле коммунизм, трудиться по-стахановски, по-гвардейски, как в бою!

Наш лозунг: «Пятилетке — победный финиш! Все — для трудовой победы!»

Эту клятву комсомольцы Москвы дали Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза, товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Это клятва всего Ленинского комсомола, всей молодежи нашей Родины.

ПИОНЕР

Выходит с 15 марта 1924 г.

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Издательство «Правда»
Москва 1975 г.

Стихи о войне и победе • Стихи о войне и победе • Стихи о войне и победе

Александр ТВАРДОВСКИЙ

Я убит подо Ржевом

Я убит подо Ржевом,
В безыменном болоте,
В пятой роте,
На левом,
При жестоком налете.
Я не слышал разрыва
И не видел той вспышки,—
Точно в пропасть с обрыва —
И ни дна, ни покрышки.
И во всем этом мире,
До конца его дней,
Ни петлички, ни лычки
С гимнастерки моей...
...Братья, в этой войне
Мы различья не знали:
Те, что живы, что пали,—
Были мы наравне.
И никто перед нами
Из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя
Подхватил на бегу.
Чтоб за дело святое,
За Советскую власть
Так же, может быть, точно
Шагом дальше упасть.
Я убит подо Ржевом,
Тот еще под Москвой.
Где-то, воины, где вы,
Кто остался живой?
В городах миллионных,
В селах, дома в семье?
В боевых гарнизонах
Не на нашей земле?
Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль в снегу...
Я вам жить завещаю,—
Что я больше могу?
Завещаю в той жизни
Вам счастливыми быть
И родимой отчизне
С честью дальше служить.
Горевать — горделиво,
Не клонясь головой,
Ликовать — не хвастливо
В час победы самой.
И беречь ее свято,
Братья, счастье свое —
В память воина-брата,
Что погиб за нее.

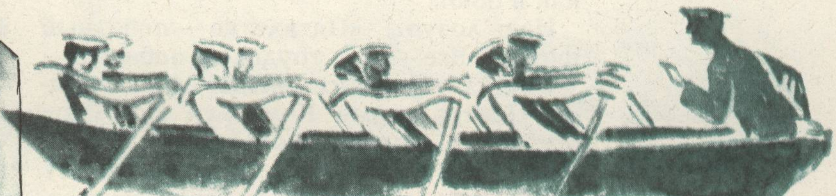
1945—1946 год.

И. АНДРЕЕВА

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

МАЛЬЧИКИ СОРОК ПЕРВОГО

Посмотрите на фотографию. Сразу видно: сделана она давно, бумага от времени пожелтела, снимок похож на любительский. Фронтовой фотограф в сорок втором щелкнул мальчишек из роты юнг. Очень уж день для них был значительный: только что им — каждому! — прикрепили к форменке орден Красного Знамени. Видите, на груди слева у каждого — орден.

В лица, в лица вглядитесь повнимательней. Они такие разные, даже на этой стершейся фотографии: серьезные, смущенные, улыбающиеся, мужественные — и совсем мальчишеские. Некоторым из них — да вот хоть Виктору Шишкину, он самый правый в среднем ряду — едва семнадцать исполнилось, когда они приняли свой первый бой с фашистами. И где! На «пятачке» у Невской Дубровки. Все, кого вы видите на фотографии (а скольких нет здесь!), за Невскую Дубровку первый орден получили.

Ленинградцы, услышав слова Невский «пятачок», тут же представят это легендарное место. А теперь и я вижу высокий берег и землю с пристывшими осенними листьями так близко, будто это я вжималась лицом в мокрую красную глину. И правда — пятачок. Всего несколько сот метров тут от Невы до бетонной дороги, а за бетонкой — лесок. В леске уже были фашисты. И в длину, вдоль Невы — немногим больше двух километров. Этот «кусочек» невской воды, песчаный берег, капустное поле, отрезок дороги, ничем не примечательные, кроме того, что земля была наша, вода — наша, советские войска удерживали двести восемьдесят пять дней и ночей без передышки.

Чтоб вы смогли представить, какие бои здесь шли, я только скажу вам: перед войной на левом берегу Невы были поселки Московская Дубровка и деревня Арбузово. После боев не стало поселка Московская Дубровка и деревни Арбузово — только названия остались.

Военные историки подсчитали: пятнадцать пуль падало здесь на квадратный метр в час, пятьдесят тысяч снарядов, мин и бомб в сутки. Плавились от огня камни, горела трава, земля вздымалась, ревела, гудела. Много лет земля не могла опомниться от войны: трава не росла на «пятачке». А все это неистовое железо, что земля приняла в себя, посылалось в людей, в мальчишек, которых вы видите на фотографии. Рассказывать об этом трудно. И я рада, что могу убежать в такое далекое от войны лето, к началу нашей истории, в солнечный мирный день сорокового года.

I

Ну и ветер несется по набережной! Взлохмачивает воду на Неве, раскачивает фонари, облепляет плечи и грудь крепыша, что шагает по самой середине тротуара. Ну и ветер!

Паренек идет, лобасто нагнув голову, ему нравится не поддаваться ветру, не сворачивать в затишье, в переулок. (Все-то он забывает, что здесь, на Васильевском острове, никакие не переулки — линии, весь остров расчерчен на линии, как тетрадка. Чудно́!)

Он идет вдоль Невы, мимо барж и судов, что стоят на реке почти вровень с улицей, мимо замечательных ленинградских мостов — печатает по тротуару свой твердый шаг. В Ленинграде Виктор Шишкин — гость, но он не робеет и не теряется: для него светит солнце, и несет воду река, а мостовые — нарядно одетых людей. Разве не плавает один его дядя на Черном море и разве не работает другой его дядя на судостроительном заводе? К нему и приехал погостить Виктор Шишкин.

Бывают среди мальчишек такие, которых в любой компании выделяет гордая уверенность: «А у меня старший брат есть!»

Не было у Виктора старшего брата, но были четверо дядей — высоких, надежных, крепкоплечих. С ними, среди них он рос. Да и мама Виктора не просто мама — первая комсомолка на селе. Мама помогала своему отцу, деду Вик-

Повесть печатается с сокращениями.

тора, когда он организовывал коммуну «Равенство и Братство». Коммуна была бедная, рассказывала мама, только бедняки в нее заходили, и лошадей-то ни у кого не было. Несколько тощих верблюдов — вот и все достояние. Но и это достояние пришлось от белых защищать. Мама рассказывала, как партизанили дед и дяди в гражданскую, как белые настигли деда в степи, истязали его, а потом порубали саблями. Его и еще пятерых коммунаров. Там в степи их и похоронили. Мамины рассказы заставляли Виктора верить, что и ему, как деду, предстоит совершить что-то на земле, что его ждет необыкновенная судьба. «Равенство и Братство!» — звучало как пароль...

...У Военно-морского училища имени Фрунзе Виктор остановился. И кто бы не остановился, увидев тяжелые якоря у входа, медлительные цепи, к которым так и хочется прикоснуться рукой, пошевелить. Тут внимание Виктора привлекло объявление: в школу боцманов набирались мальчики-юнги не младше пятнадцати лет.

В эту минуту жизнь Виктора Шишкина сделала крутой поворот. Бегом помчался он на Полозную, где жил дядя, работавший на судостроительном заводе, собрал документы, отвез в училище и стал ждать. Но до чего трудно ждать, когда перед тобой засияло призвание! Каждый день Виктор прибегал к училищу, спрашивал: когда же повестка, скоро ли?

И наконец — повестка! Ее долго читал, вернувшись с завода, дядька, ею любовалась тетка, ее передавали друг другу, вытирая руки о фартук, соседи большой коммунальной квартиры, а Виктору не терпелось поскорей разгладить и спрятать ее в карман. Повестка — это же пропуск в будущее!

Они собрались на набережной задолго до часа, назначенного в повестке. В десять часов ноль-ноль минут вышел моряк с бело-синей повязкой на рукаве и кинжальным штыком у пояса — рассыльный, показал, как пройти в приемную комиссию.

— Вы думаете, на флоте служить — клешами бульвары подметать? — хитровато спросил у Шишкина комиссар школы боцманов Карп Федорович Зеленков. — Мол, «мы матросы — морей альбатросы»? Морское дело дерзкое, тяжелое и упорное.

Только голову упрямей нагнул Шишкин. Пусть дерзкое, пусть упорное. С таким делом и хочет помериться Виктор Шишкин. На меньшее он и не согласится.

— ...Но я и сам ни на какое другое его не променяю, — сказал комиссар.

II

Еще раз посмотрите, пожалуйста, на фотографию: самый левый в том же среднем ряду — Леонид Перепеч.

Виктор Шишкин роста невысокого, в плечах широк, костью крепок. Леня — худой, долговязый, руки нелепо болтаются мимо тела, кисти тяжелые; кажется, они и оттягивают Ленины руки книзу. Но стоит им обхватить гармонь — всякий увидит: тут они на месте. Ловко, часто работают пальцы. Падает на лоб чуб. Улыбка навсегда, кажется, прорезала Ленькино лицо. Где Ленька, там песни и смех. Частушек знает пропасть. Рот раскроет — все хохочут.

Но Леня — человек самостоятельный, на заводе работает, живет в общежитии. Сосед Лене попался, по его понятиям, пожилой — лет под тридцать, после флота на завод пришел. Жили они душа в душу.

— Хороший ты парень, Ленька, — говорит однажды сосед, — на флот тебе надо, честно говорю.

— Так это бы бесподобно... — отвечает Ленька (он и тогда уже любил говорить: «Это бы бесподобно...»). — А кто меня возьмет?

— Тебя да не взять! — возмущается флотский. — В школу боцманов пацанов набирают, сам объявление видел. А боцман на флоте кто? Главная фигура! Неужели счастья не попытаешь?

Настоящим другом был флотский. Вместе заявление составили, вместе в училище документы отвезли. И всякую свободную минуту Леня мчался на набережную за новостями. Однажды приезжает, а группа ребят стоит от всех особняком. И беспорядочное мальчишеское движение вокруг них, как вокруг магнита, организуется. Поведут глазами, перемигнутся — и еще один из толпы к ним прибивается. В общем, стало известно, что этим счастливцам повестки прислали идти завтра на медкомиссию в военно-медицинский госпиталь имени доктора Гааза.

Ну что ж, все ясно, как белый дым! И мечта Лени рассеялась, как белый дым. Но он еще повоюет, голыми руками его не возьмешь! Утром Леонид Перепеч прибежал к училищу. Будущих курсантов в колонну построили. «Головы выше!» — командует старшина, а они глазами в мостовую уперлись, к тем, что идут впереди, приноравливаются, сбиваются. Ленинградцы вслед улыбаются, а Леня Перепеч с черной завистью глядит, и щекочет у него в горле от напряжения: уходит, уходит судьба его по мостовой. И вдруг — как рванет, как припустит за ними!

В строю идет Виктор Шишкин, а рядом по тротуару Леня Перепеч. Одному кажется: вот он, самый счастливый день, другой думает: не было у него дня несчастливее. Перед теми, кто по мостовой шагал, ворота госпиталя широко растворились. Леня попытался прошмыгнуть — перед его носом ворота сомкнулись. Реветь он себе не разрешал, только сухой комок в горле глотал: ничего, думает, поглядим! И рысцой вокруг госпиталя, а сам рысьим взглядом высматривает, где бы через стенку перемахнуть.

Представьте, нашел!

Ребята раздеваются — и он тоже. Их взвешивают, вымеряют, осматривают — и Леню не обошли. Рост — 182 сантиметра, вес — 70 килограммов. Как в аптеке.

После медосмотра военный врач спрашивает у Перепеча:

— Где твоя повестка?

— Не знаю, старшине отдал.

— Что такое! — возмущается врач. — Четвертый без документов. Порядочки!

А Лене и страшно: откроют обман — не быть ему юнгой, не плавать в море. И теплее от того, что не он один, выходит, через забор маханул: будто родственников двоюродных нашел, такое у него чувство.

Как там с другими тремя, не знаю и вам рассказать не могу, но Леня был вознагражден за упорство. Вот он среди других идет в экипаж обмундирование подбирать: форменку, бушлат, даже бескозырку выдали с ленточками, чтоб по Ленинграду ребята в полном параде прошли. Вот уже свернуты Ленины вещи в кису́ — так флотская сумка называется. Вот он в строю курсантов шагает к Большому Охтенскому мосту на Озерную пристань. Законно шагает. Он, Леонид Перепеч, зачислен юнгой в школу боцманов и поедет на остров Валаам, где находится школа. Но, как вспомнит он тот час, вечность ту, когда все они шли по мостовой, а он один бежал по тротуару, страх сдавливает ему горло.

...Колонна будущих курсантов проходила мимо дома Алексея Белоконя. (Алексея вы тоже можете увидеть на фотографии: он в третьем ряду, сразу за Виктором Шишкиным. Этого соблазна Алексей преодолеть не мог: когда еще приведется увидеть маму! Тенью он скользнул в подъезд, одним махом взял лестничный пролет, нетерпеливо тренькнул, и сразу вместе с полоской света появилась мама, будто прислушивалась, за дверью ждала. Алексей обнял ее, подержал крепко-крепко, уткнувшись в мамину макушку. Смущенно спросил: «Ну, я пошел?» И побежал, перескакивая через две ступеньки. Теперь они увидятся через год. Мама разыщет Алексея в госпитале. Под окном палаты он услышит ее неправдоподобно мирный голос: «Алеша!» Он уже дрался на «пятачке», пережил смерть друзей, он тяжело ранен в поясницу, а страшно ему стало в эту минуту: страшно испугать маму. Товарищи Алексея по палате поднимут его, поднесут к окну, он ухватится за подоконник и поговорит с мамой.

Ничего этого не знает юнга Белоконь, вылетевший из темноты прохладного парадного в летний день сорокового года: ему не терпится поскорее занять свое место в строю. Ему весело идти в строю, он может идти сколько угодно, хоть до самого Валаама!

...Дядя разыскал Виктора Шишкина на Озерной пристани. Виктор обрадовался, что может показаться дяде в морской форме. Свой коверкотовый костюм Виктор дяде передал: мать перед отъездом сшила. А дядя Виктору напутствие дал, чтоб служил честно, семью не подвел, потому что семья их и Советский Союз — одно.

Автобусы перестали ходить. Отзвенели трамваи. Погасли фонари. И зачем фонари? Белая ночь над Ленинградом. Ветерок заметно посвежел. А судна все нет и нет.

К четырем часам пришлепал «Володарский» — колесный пароход. Леня Перепеч взбежал на палубу одним из первых. Тут только страх оставил его, ноги сделались легкими, хоть сейчас в пляс. Лицо распустилось в улыбке. Снова он стал насмешливым, большеротым Ленькой. Он завопил: «Не имей сто друзей, а имей нахальную морду!»

И они заснули до самого утра.

Утром высыпали на палубу. Вокруг сверкала Ладога. Огромные гранитные валуны сползали с отвесных берегов, из трещин пробивались легкие деревца, плясали на ветру. А по берегам — прохладный, неслышно шумящий зеленый лес.

Впереди, по носу корабля, над голубой толщей воды поднялся белый Никольский скит — посланец Валаама. Словно кто платочком махнул. И в ответ взмахнули ленточками десятки бескозырок. Кто-то в отчаянном восторге швырнул свою бескозырку в воду, и уже стая бескозырок плывет-качается в блистающих водах Ладоги.

Так рассказывал мне Леонид Перепеч. Так запомнилась ему встреча с Ладожским озером, с островом Валаам. Было ли так на самом деле или хотелось мальчишке, чтоб встреча была отмечена праздничным салютом, и так привиделось ему, когда он стоял на палубе старого колесного парохода и кричал «Земля!» во всю силу молодых легких.

А если даже и не было, не плыли за «Володарским» бескозырки? Наши юношеские мечты приобретают такие живые черты, так тесно переплетаются с реальностью, прорастают в нее, что порой невозможно отделить воображаемое от сбывшегося. И я прошу свидетелей, что остались в живых: не оспаривайте, не разрушайте мальчишескую мечту!

Заведены на берег швартовые, приближая, притягивая сизо-голубой, зеленый, ослепительно белый остров к широко раскрытым глазам, нетерпеливо горящим ступням. Сейчас затопают по трапам сотни ног. Сотни ртов и жадных ноздрей втягивают, хватают, глотают запахи незнакомой земли, неведомой жизни.

Никто из них не знает, что на Валааме предстоит провести огромный, счастливый, молодой год. Даже командиры не знают, что год этот — последний год довоенной жизни.

«Володарский» вошел в Монастырскую бухту, и запах воды перекрыл крепкий смоляной запах развешанных на берегу сетей.

III

От довоенной жизни школы сохранилось мало фотографий, но в памяти юнг жив чудо-остров, отданный в полное владение мальчишкам, и множество историй, серьезных и забавных. Стоит мне прикрыть глаза, и история Валаамской школы проходит передо мной в коротких эпизодах-воспоминаниях, их можно перебирать, как фотографии, одну за другой.

Я вижу мальчишек в жестких робах перед толстостенным зданием бывшей монастырской гостиницы. Юнги сами перестраивали гостини-

цу, превращая тесные кельи в просторные аудитории и кубрики. Потом робы зацвели пятнами краски. Так с первого дня началась для курсантов морская практика, и, прежде чем они увидели маховые и перьевые кисти на страницах учебника, они успели поработать ими на славу.

А вот, кажется, новый персонаж — среди ведер с красками и носилок с цементом прыгает веселая черная дворняга, перепачканная от ушей до кончиков хвоста. Дворняга встретила юнг на берегу заливистым добродушным лаем, тут же получила кличку Монах и носится за ребятами по всему острову.

Передо мной двор школы: ветер раскачивает канаты и шторм-трапы, по которым юнги взбираются с ловкостью обезьян, а точнее, с ловкостью, необходимой юнгам на парусных кораблях. Вот под руководством бывшего боцмана капитан-лейтенанта Емельяна Лаврентьевича Костюченко юнги осваивают морские узлы, плетут маты, и Монах треплет концы старого троса, называемого «шхимушкой». Им пришлось узнать столько слов! И выучить столько языков, на которых переговариваются между собой корабли: азбуку Морзе, семафор, сигналы боцманской дудки.

С утра до вечера их день разбит ударами склянок, и они, словно бы по канату, взбираются к вершинам морской науки, все вверх и вверх, от узла к узлу: морская практика, такелажное дело, военное дело, стрельбы, тактика сухопутного боя. Самых опытных моряков прислал Балтийский флот, чтоб они передали новому поколению морские традиции.

Я вижу, как повалила на остров зима. Юнги уходят в лыжный поход. Впереди политрук Лапин. Во время войны с белофиннами Даниил Лапин водил разведчиков по тылам врага. Он поставил перед юнгами задачу: «На лыжах — как на ногах!»

Трудно передать, кем был для них политрук Лапин. Из винтовки он бил, как снайпер, приемы борьбы знал, как разведчик, владел ножом с искусством фокусника. Юра Корчагин, который во время финской кампании воевал в батальоне Лапина, рассказывал чудеса о его храбрости. Мальчишки так хотели во всем быть похожими на политрука, что незаметно для себя присваивали его жесты, привычки.

А вот и весна взбежала на ступени собора пышными кустами сирени. Закричали в садах соловьи — нахальные, палкой не разгонишь. Защелкали над озером сухие команды: «Отваливай! Весла разобрать! Легче грести!» Началась практика на шлюпках. Ладони стали жесткими, почернели шеи от молодого весеннего загара. А в бухте ребят ждали шхуны «Учеба» и «Практика», ждали «кругосветные» путешествия вокруг Валаама.

Что фотографии! Разве сохраняют они вечерние тихие разговоры, смешные словечки и прозвища, неуемные мальчишеские дружбы вроде той, что соединила с первого дня Виктора Шишкина и Бориса Воробьева, тоску неутоленной дружбы, которая заставляет Семенова всюду ходить вслед за Шишкиным и Воробьевым, заставляет выкидывать нелепые поступки, лишь бы обратить на себя внимание людей, которых сам он считает лучшими в мире. Он и книги читал, чтоб поразить друзей, и получил прозвище «Всезнайка», он мечтал проснуться однажды самым сильным, как боцман Белоголовцев, богатырем или вдруг совершить подвиг. Очень скоро он совершит подвиг. Мне расскажет о Семенове Шишкин. Виктор Шишкин вспомнит, что он был лучшим в роте гранатометчиком, в минуту мог расщелкать любую задачку и что вовсе не в насмешку звали его ребята Всезнайкой.

Удивительно, как много вмещает в себя человеческая память. В памяти каждого — хотя юнги рассказывают об одном — дни, события, люди оставляют разный след, а если сложишь все рассказы вместе, выходит история школы, счастливая, мирная, довоенная, которую разом оборвал день 22 июня 1941 года.

IV

Ну, почему, почему им так не повезло! Война, а они потрошат штыками чучела и разбивают мишени. Стреляют по мишеням в то время, как фашистские орды захватывают наши села и города. Дядя написал Виктору Шишкину, как дерутся черноморские моряки: за камни севастопольские будут держаться, но врага не пустят. А что Виктор может дяде написать? Что они проходят науки, отсиживаются на Валааме? А война как раз и кончится! Снова и снова подавали юнги рапорты, они грозили удрать на фронт самовольно.

Между тем Валаам вовсе не был в тылу и безопасности, как казалось юнгам. Фронт напоминал о себе сначала далеким погромыхиванием канонады. С каждым днем грохот нарастал и приближался. Все чаще воды Ладоги полыхали багровыми красками пожаров.

14 дивизий бросили финны на Карельский перешеек. В узких южных шхерах Ладожского озера уже месяц бьются с врагами «бондаревцы», 168-я стрелковая дивизия под командованием полковника Бондарева.

Юнкерсы и мессершмитты стали появляться над островом. Опасность вражеского десанта нависла над Валаамом. Жизнь школы необходимо было подчинить военной дисциплине.

Вопрос о дисциплине обсуждался на комсомольском собрании школы. Алексей Белоголовцев, член бюро, запомнил это собрание, которое крайние мнения выступавших растянули далеко за полночь. Одни доказывали, что надо немедленно идти на фронт, другие столь же горячо предлагали сажать на гауптвахту тех, кто бесконечными рапортами об отправке на фронт срывает учебу. Когда собрание охрипло от споров, встал комиссар Зеленков. Он говорил медленно, весомо, отделяя одно слово от другого клубами дыма, словно с силой выталкивая слова.

— Война предстоит длительная и тяжелая, — сказал он. — Фашисты поработили всю Европу, у них много техники, боеприпасов. У них опыт

На колокольне установили крупнокалиберный пулемет. По всему острову сидят в засаде юнги и боцманы.

двухлетней войны. Навоеваться вы успеете. Командование знает, что есть школа боцманов на Валааме. Мы писали рапорт в штаб флота с просьбой направить боцманов и юнг на фронт. Пока нам отказали. Мы получили приказ укреплять оборону острова. Нам предстоят грозные бои. Мы должны к ним подготовиться. Помните: дисциплина сейчас — все.

И вот по всему острову сидят в засадах юнги и боцманы. У круглой лужайки в кустах — Николай Бар и Юрий Корчагин. Такие лужайки теперь называют десантоопасными. Несколько дней юнги забивали в землю колья, ставили проволочные заграждения. Прыгнет парашютист — в проволоке запутается, а тут они — из засады! В кустах замаскирован шалаш. Пыльно и сухо пахнут неубранные стожки сена. Изредка ветер доносит слова, разносимые репродуктором. Черная «тарелка» репродуктора прикручена проволокой к столбу. До них доносится твердый торжественный голос Левитана, хриплые фразы: «От Советского Информбюро»... «ожесточенные бои».

Ночью раздаются какие-то странные, шлепающие звуки, легкий шелест листьев. «Стой! Кто идет?» — окликает часовой темноту. На лужайку ложится тень лошади, она вырастает, густеет, тень всадника плывет по кустам. Это политрук! Лапин объезжает посты.

Укрепляется здание школы. Борис Воробьев и Виктор Шишкин (они теперь составляют боевой расчет: Воробьев — первый номер, Шишкин — второй) лежат за пулеметом на колокольне. С колокольни по всем правилам морской на-

уки боцманы сняли колокола. Знаменитые валаамские колокола, малиновый звон которых плыл над озером в туманные дни, предупреждая суда об опасности, и доносился до Шлиссельбурга. Сейчас металл нужен для войны. Только один колокол оставлен на колокольне: если фашисты высадят на остров десант, колокол ударит сигнал боевой тревоги.

Крупнокалиберный пулемет — на крыше школы. Борис Кондратьев и Алексей Белоконь устанавливали его, когда над ними, низко, совсем низко пролетел вражеский самолет. Летчик выглянул из кабины, они видели его лицо, закрытое, словно маской, черными очками. Он сделал руками крест: хана, мол, вам, ребята! А они возились с пулеметом, они не успели собрать его и ничем не могли ответить фашисту. Зато через полчаса они били и били по вражеским самолетам, надеясь, что утренний разведчик тоже прилетел и слышит их ответ.

В середине сентября все боевые корабли, учебные суда и баркасы покинули Валаам, чтоб снять «бондаревцев»: получен приказ об эвакуации дивизии на остров. Дивизия участвовала еще в советско-финской войне, 22 июня 1941 года, через час после сигнала «боевой тревоги», она вышла на прикрытие государственной границы. Сорок пять дней бойцы вели тяжелые оборонительные бои. Почти месяц люди не спали, каждый третий из них ранен.

Они высадились на берег из транспортов и с песней направились к зданию школы.

Алексей Белоконь вспоминает, с какой гордостью и восхищением смотрели юнги на истощенные голодом, черные лица, на грязные бинты. Бойцы шли с такой выправкой и молодцеватостью, что никто не видел грязных и порванных шинелей, только лица.

«Это был урок на всю жизнь!» — вспоминает Алексей Белоконь.

16 сентября 1941 года генерал-майор Ненашев и полковой комиссар 4-й морской бригады Вайдо подписали приказ о создании из юнг и курсантов боцманов 1-й роты. Командиром роты назначен Павловский, политруком — Лапин.

Ночью в полной темноте началась погрузка на суда. С острова снимали школьное имущество, монастырские колокола, запасы продовольствия. По трапам поднимались уже в пехотном обмундировании: в гимнастерках, обмотках. Но с тельняшками и бескозырками юнги не могли, не хотели расстаться. В мягкой материи, в полосках и ленточках, которые ничего не говорят непосвященным, овеществлены история морского флота, его традиции, честь и гордость моряка. И в поздние дни сентября, когда юнгам по восемь раз придется подниматься в атаку и идти на вражеские окопы, занемевшими от усталости руками они упорно будут натягивать на голову бескозырки.

Пестрый караван судов, состоящий из грунтовозных шаланд, парусников, тральщиков, канонерских лодок, под прикрытием темноты и тумана вышел из Монастырской бухты. Но долго еще видна была огненная рыжая точка — причал и подходы к бухте подорвали, горела нефть. И долго не спускали глаз юнги с этого рыжего, расплывающегося в тумане костра.

На палубах всех кораблей слышен шепот: «Слушай, а куда мы, ты как думаешь?»

Мы с вами знаем куда — на Невскую Дубровку.

V

Теперь нам без карты не обойтись. Только забудьте запах мела и пыли, который несет с собой школьная карта, лохматый веревочный треугольник, на котором она висит, гвоздь с толстой шляпкой, толчею вокруг карты во время короткой перемены. Забудьте, прошу вас! Сколько в моей школьной жизни было карт! Физические, желто-коричневые, как шкурка созревающего ореха; пестрые, похожие на лоскутное одеяло политические карты мира; грозные немые карты, созданные для того, чтоб мучить учеников во время экзаменационных испытаний, а также в снах, когда тычешься в пустоту указкой и чувствуешь, что язык у тебя онемел, и не можешь назвать ни одной низменности и возвышенности. На все эти карты смотрела я равнодушно, скучая, не понимая их полного чудес языка.

Совсем другое дело — карты военных лет! Я не помню ни одного дома без карты, хотя бы маленькой, бережно вырезанной из учебника. И мне подарил карту, уезжая на фронт, наш сосед. Я чувствовала ее, как живую. Подолгу стояла я перед ней, забравшись на стул и передвигая красные флажки. Сосед мой смотрел на много месяцев вперед, он оставил полную коробочку красных флажков. Дело шло к концу войны, флажки победно шли на Берлин.

Но мы-то с вами попали в самые тяжелые месяцы войны. Перелистайте несколько страниц и найдите карту. Она самодельная: вычертил ее бывший юнга Василий Кодин для Виктора Шишкина. Рассматривая эту карту, вы должны помнить: в каждой ее точке — в лесу, на берегу реки, на улицах деревень бьются с фашистами люди, идут против танков, против минометов, под бомбами, и бой этот смертельный, не все вернутся домой.

Старательно начертил Кодин Ленинград, Петропавловскую крепость. Вокруг Ленинграда фашисты стягивают войска, одну за другой перерубая шоссейные, водные, железные дороги — нити, связывающие город со страной.

21 августа им удалось взять Лугу, таким образом была перерезана шоссейная дорога Ленинград — Луга.

29 августа фашисты захватили Мгу, порвалась последняя железная дорога, соединявшая Ленинград со страной.

От Мги идите к Неве, увидите поселок Ивановское. 30 августа в штабе фронта в Смольном отчаянный девичий голос закричал в телефон: «Немцы в районе Ивановских порогов вышли к Неве! Я комсомолка! Больше говорить не могу...» И связь оборвалась.

Долго смотрели женщины вслед юнгам.
— Мальчики наши,— услышали они,— помогите отцам разбить врагов.

8 сентября в руки фашистов после жестоких боев перешел Шлиссельбург, они вышли к южному берегу Ладожского озера, стали у истоков Невы. Вместе со старинной крепостью мы потеряли линию телефонно-телеграфной связи, проложенную по подводному кабелю через Неву. Ленинград оказался в кольце, и фашисты тешили себя надеждой в несколько дней завершить блиц-криг, молниеносную войну. Перейти на правый берег Невы, соединиться с финнами — и прекрасный город с крылатыми мостами, старинными дворцами, фотографии которых с интересом разглядывали германские офицеры, просто упадет в подставленные ладони. Уже назначен немецкий комендант города, детально разработан парад победы на Дворцовой площади, высшим офицерам группы «Север» разосланы спецпропуска для проезда по улицам Ленинграда. Даже обед в гостинице «Астория» продуман тщательным образом.

Мы с вами знаем исход битвы, знаем, как просчиталось фашистское командование, и все-таки, когда видишь, как близко к Ленинграду подошел враг, делается страшно. Трамвай шел на фронт! Обыкновенный трамвай — «девятка»! Шел через центр, мимо Нарвских ворот, на подножку вскакивали люди в гимнастерках. Окна забиты фанерой, впереди — автомат. У трамвайного парка кондуктор объявляет: «Выходите все. Здесь фронт. Конец пути».

Фронт — вокруг города, на городских окраинах. И главное, Ленинград отрезан от страны. Когда подсчитали запасы продовольствия, выяснилось, что муки в городе осталось на четыр-

надцать дней (если считать зерно и сухари — на 35), а горючего — на десять суток. Вот почему в сентябре сорок первого года командование решило попытаться разорвать кольцо блокады сразу с внешней и внутренней стороны: войска Волховского фронта — 54-я армия — ударят на станцию Мга, а войска Ленинградского фронта должны прорваться от Нарвской Дубровки в сторону Синявино и соединиться с 54-й армией.

С начала сентября в поселке Невская Дубровка стоит 115-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора В. Ф. Конькова. По другую сторону Невы, у поселка Московская Дубровка, закрепились отборные войска СС — десантники, те, что завоевывали Крит, победоносно шагали по Европе. Они превратили в непробиваемую крепость здание 8-й ГЭС, в деревне Арбузово поставили минометы, в лесу замаскировали артиллерийские орудия. Они шлют на правый берег мины, снаряды. Тяжко приходится бойцам 115-й дивизии: не хватает людей, не хватает снарядов.

Но уже спешат им на помощь по дорогам ополченцы, саперы, понтонеры, идет морская пехота и среди них юнги. Пятьдесят километров осталось пройти им до поселка Невская Дубровка. На станции Мельничный Ручей юнги получили сухой паек — хлеб и концентраты. Получили боезапас. Им неведом еще страх голода, когда пересчитываешь мысленно, сколько крупинок перловки пристало к стенкам миски, и каждую собираешь неповоротливыми, распухшими пальцами. Они еще ничего не знают о войне. Они только думают, что знают. Но все они мечтают о подвигах. Они торопливо выбрасывают в канаву коробки с консервами и набивают карманы и противогазные сумки гранатами и патронами. Они еще не умеют воевать. Но умеют любить — каждый по-своему — землю Валаама, дома, в которых они выросли, матерей и сестер, каждый день жизни, прожитый до войны. И это немало. И тогда можно было с уверенностью сказать, что, встретившись с врагом, они не дрогнут, не отступят. И будут драться до последней капли крови. Какие это ребята!

Они идут по дороге в полной выкладке: на головах каски, за плечами винтовки, в карманах бескозырки. Который час шагают по раскисшей от дождя дороге. У Шишкина два ящика с пулеметными лентами через плечо, два — в руках. Борис Воробьев тащит пулемет. Леня Перепеч несет ствол «Максима», вместо противогаза у бедра его вздыхает гармонь. Обмотки мешают им идти, разматываются, наступаешь на концы, спотыкаешься — беда да и только. Старый ополченец, что шел рядом с Николаем Баром, отозвал его в сторону: «Сынок, иди-ка покажу, как закрепить их надо, так не дойдешь».

Пот глаза заливает, дождь смывает пот с лица. Подошли к селу Малое Манушкино, там женщины противотанковый ров копают. На бровку высыпали, стоят, на лопаты опираются. Наши молодцы приосанились, ножку тверже, попытались даже запеть: «Что белеет на просторе? Там белеют паруса...», — а из сухих глоток — один рев. Женщины стоят молча, не шутят, не смеются. Только одна сказала:

— Мальчики наши! Помогите отцам разбить врагов.

В балке — привал.

Ополченец — Гаврилычем его звали — советует Бару:

— Не садись, постой лучше. Вот к дереву прислонись — и постой. Сядешь — идти тяжелей будет.

Кухня щи сварила. Повар чумичкой помахивает, а Шишкин с Воробьевым переглядываются: котелка-то у них нет!

Всем им еще на Валааме котелки выдали. У Воробьева с Шишкиным славный такой котелок был, вместительный, на литр восемьсот емкостью. А когда шли по дороге: котелок бренчит да бренчит. Надоела эта музыка! Борис взял да и зашвырнул его подальше, чтоб не бренчал. Подумаешь, дело — котелок! На фронт идем!

А над поляной запах лаврового листа, капусты. Борька каску снял и подставил. И Шишкин за ним.

К ночи пришли в поселок Невская Дубровка. Подошли к зданию школы. Школа одноэтажная, из белого кирпича, кто в классах разместился, кто соорудил шалаши, нарезал еловых лап. В сентябре в этих местах сыро: клюкву брали по болотам. А Шишкин как сел на землю перед школой, так и уснул. Проснулся — белое утро вокруг. Воробьев рядом пулемет чистит. Перепеч с обмотками возится. «Дали, — говорит, — Лене сапоги: восемь раз вокруг ноги». Притопнул ногой, добавил: «Меняю хром на кирзу». Тут Шишкин проснулся окончательно и стал Борису помогать. Прошли мимо раненые, держась за телегу, облепив ее со всех сторон. На телеге боец, в руку раненный, придерживает коня. «Хлопцы, где медсанбат, не знаете?» — спрашивает.

Это последняя тихая минутка. «Тихой» называть ее не совсем точно. Левый берег не дает забывать о себе: ухают, вздымая на реке воду, минометы. Снаряды чертят линии на песке. Пули свистят: «Пиу, пиу!» Поневоле головой вертеть начинаешь, пригибаешься. А какой-то дядька пожилой говорит: «Свой снаряд не свистит, просвистел — значит, мимо».

Это только отголоски боя, который идет на «пятачке». В ночь с 23 на 24 сентября туда был выброшен второй батальон капитана Роева. Всего двенадцать километров отделяют его от 54-й армии, которая ведет наступление на Мгу. Но как трудно пройти двенадцать километров, когда горит земля и крут от огня воздух! В ночь на левый берег, чтоб поддержать батальон Роева, переправится новый десант. И первая рота, которую скоро назовут «ротой юнг», уже включена в группу десантников.

Они швыряли гранаты,
били прикладами,
кололи штыками...

VI

Когда на траву лег предрассветный моросящий туман, первая рота спустилась в овраг, по дну которого текла речка Дубровка. В овраге спрятаны лодки. «Коньковцы» несколько дней собирали их по деревням: здесь и рыбацкие плоскодонки и кокетливые прогулочные шлюпки, привезенные с ленинградских лодочных станций. Стараясь ступать бесшумно, юнги несут лодки к Неве. На берегу ждет их генерал-майор Ненашев.

— Бегом к переправе, — говорит он. — Чем быстрей, тем лучше. — И машет ладонью, рубит ладонью воздух, как бы показывая юнгам, как быстро надо бежать.

Они прыгнули в шлюпки. Оттолкнулись. Весел не хватало. Гребли руками, касками, прикладами винтовок.

Только когда шлюпки врезались в противоположный берег, фашисты обнаружили десант. Вода в Неве закипела, поднялась в небо фонтанами. Зависли над рекой яркие, слепящие ракеты. Десантники собрались под отвесной стеной берега. Павловский подозвал командиров:

— Нам предстоит взять противотанковый ров, выбить фашистов из Арбузова. Атака на рассвете по знаку ракеты.

Юнги ждали, зарывшись в песок, в мокрую, холодную землю. Никто не спал. И наконец — сигнал атаки.

Во весь рост поднялся командир Павловский. И первая рота поднялась в полный рост. Они бежали через капустное поле, спотыкаясь о мокрые головы капусты, не думая об опасности, о смерти. Рвутся мины, хлещут пулеметные очереди, ахают снаряды. Гитлеровцы пытаются подавить атаку, скинуть десант в реку.

Добежали до узкоколейки, тут накрыл ураганный огонь, голову не поднять. Прямо в упор из подбитого фашистского танка, врытого в землю, бьют два пулемета. Сразу несколько темных фигур метнулись в сторону танка, ползут. Впереди юнги Николай Бар и Николай Милосердов. Милосердов успел крикнуть: «Гранаты приготовь». Тут их заметили, и пули зацокали вокруг Бара, словно швейная машинка стрекочет, ведет аккуратные стежки. Милосердов говорит: «Давай расходиться, ты — вправо, я влево».

Они швырнули «лимонки» почти одновременно, взрыв оглушил их. А мощное «Ура-а!» будто подкинуло в воздух. И снова они бежали и стреляли в черные цепи фашистов. И снова ураганный огонь заставил нападающих уйти в землю. Кто перескочил шоссейную дорогу — там залег. Кто не добежал до нее — на землю упал.

Алексей Белоконь и Борис Кондратьев с ручным пулеметом успели отбежать от дороги метров триста, тут и застигла их огневая завеса. Потемнело, зарокотало над ними небо: наши самолеты пролетели, сбросили бомбы над вражескими окопами. Поднялся в воздух песок, земля словно вздыбилась. Боря Кондратьев в это время установил пулемет: дал очередь. И тут же каска с него свалилась, откатилась в сторону, только капля крови на виске, будто поцарапался он, а лицо живое. Как живой, лежит Борис Кондратьев, а сердце его стучать перестало. И такая ненависть к фашистам перехватила горло Алексея: «Нет, ты теперь не уйдешь! Ты тоже здесь останешься!» — думает он. Чуть-чуть голову приподнял, огляделся. На склоненном стволе дерева полусидел-полустоял автоматчик: черный на черном стволе, он был едва различим, ему же сверху все было видно, как на ладони. Алексей лег поудобней, прицелился — снял автоматчика. И тут же ожгло поясницу, ноги отяжелели. Сколько раз рассказывал им Лапин, что финские «кукушки» часто на пару работают: один на дереве, другой внизу диски заряжает. Несколько минут Алексей без сознания лежал (минут или часов, сказать трудно), это его спасло. Очнулся, попробовал на руках подтянуться — ноги отнялись, он не мог пошевелить ими, но он подтягивался на локтях и полз. Через несколько метров наткнулся на трех красноармейцев. «Доползешь, — попросили они, — скажи: мы стоим. Приказа отходить нет, мы стоять будем. Передай там: патроны все расстреляли. Подобрали вот немецкие автоматы».

С каждым рывком двигаться делалось тяжелей, стопудовой стала винтовка. Алексей подобрал наган. У дороги он услышал треск немецких автоматов, треск слышался и справа и слева, куда Алексей ни поворачивал голову. «Окружен, — решил он, — пожалуй, не пробиться». Крепко сжав наган в руке, он выглянул из придорожной канавы и по ту сторону дороги увидел фашиста. По шею сидел он в глубокой воронке, только голова в каске торчала наружу. Он строчил из автомата вкруговую и хохотал, нет, гоготал, глупо и пьяно. Алексей выстрелил из нагана и долго лежал, уткнувшись в придорожную канаву лицом и давал себе невнятные клятвы, если он останется в живых, уничтожить всех фашистов до последнего, а потом учиться и учиться, одолеть все науки, чтоб не было больше фашизма на земле, и чтоб никто никогда не смел посягнуть на нас. Раненный тремя пулями в поясницу, он дополз до берега, выжил и всю жизнь оставался верен мальчишеской клятве.

Поле, на котором залегли цепи моряков, простреливается насквозь кинжальным огнем противника. Фашисты бьют из Арбузова, бьют из 8-й ГЭС.

Тяжело перепахивая землю, заухали фашистские минометы. И тут же пронеслось по цепи:

— Командир убит... Политрук убит! Лапин... Лапина убили!..

Раздалось яростное, хриплое:

— А-а-а!..

Крик шел словно бы из земли, словно все кочки, сожженная трава и деревья застонали:

— А-а-а!..

Кто-то рывком вскочил, разве вспомнить те-

перь, кто, да, может, и не один, а сразу несколько человек поднялись во весь рост.

— За командира! За политрука бей фашистских гадов!

Они швыряли гранаты, били прикладами, кололи штыками. И отвоевали у фашистов несколько метров родной приневской земли: выбили врагов из окопов возле узкоколейки. Всего несколько метров отсюда до противотанкового рва, который предстоит взять первой роте.

Лапин не был убит, пулеметной очередью он ранен в живот. Ни на шаг не отставал от политрука Юрий Корчагин. Вместе с Борисом Ильиным они положили раненого на шинель и потащили его к реке. Идти приходилось, пригнувшись, короткими перебежками, меняя направление, чтоб фашистские снайперы не пристрелялись. Юрий Корчагин рассказывает: «Какой это человек был, словами не передать — слов не хватит. Смелости фантастической, выдержки редкой. А больше всего мы его за справедливость уважали. Нашли мы на берегу шлюпку, оттолкнулись. И только на середине реки увидели пробоину. Борис ее бушлатом заткнул, каской воду вычерпывает. Одно весло у нас, руки в придачу. Гребем изо всех сил, торопимся. Уже и берег был рядом — накрыло шлюпку. Я Борьке кричу: «Политрука держи!» На ноги-то мы встали, а шинель намокла, тяжелая, чувствую, не удержать мне. Вижу: Борис одной рукой шинель поддерживает, а другая рука у него висит. Разрывной пулей ранило... С нашего берега бойцы заметили нас, помогли. Ильина с Лапиным в медсанбат отправили, а я обратно пошел».

Обратно Юрий Корчагин «пошел» на плотике, добрался до окопов, отыскал своих.

На закате окопы накрыл низкий осенний туман. В сыром воздухе долго держался кисловатый запах взрывчатки, першило в горле. К ночи туман рассеялся. Вылупились на небе огромные звезды. Может, потому огромные, что глядишь на них из окопа. Окопы глубокие, аккуратные, вырыты на совесть. Впервые за день можно было прислониться головой к твердой, устойчивой земле, разгрызть сухарь. Можно подремать с часок. Связной прибежал: «Командиров отделений к ротному!»

Командование ротой принял на себя секретарь комсомольской организации школы Николай Ивашкевич.

— На рассвете будем брать ров, — сказал он. — Проверьте, есть ли у всех гранаты. Гранаты бросать только по команде.

Когда командиры взводов стали по окопу расходиться к своим, Николай Ивашкевич отозвал Колю Бара. В школе боцманов учились два брата Ивашкевичи — Николай и Володя-младший. К концу дня многих не досчиталась первая рота. Не было и Володи Ивашкевича. Где он: ранен, убит? Николай не мог поверить, что его младшенького нет в живых.

— Мне все кажется, что я его голос слышу. Пойдешь со мной, поищем, вдруг он ранен.

Они проверили боевые охранения, выставленные у шоссейной дороги, и пошли вдоль узкоколейки, по полю.

Фашисты панически боялись ночи. То и дело в небо взлетали слепяще-белые осветительные ракеты. Каждую ночь фашисты поджигали в Арбузове сарай или дом, и он долго, жарко полыхал. Противотанковый ров проходит так близко от окопов, что моряки слышат немецкую и ломаную русскую речь: «Русс сдавайс! Ленинград капут!»

Отсветы пожара и свет ракет заставляли Ивашкевича и Бара пригибаться, переползать от одного лежащего к другому. Светло было так, что не нужен фонарь, чтоб разглядеть лица. Володю не нашли. У самого горизонта показалась красная, раскаленная полоска зари: пришлось возвращаться обратно.

Еще не развиднелось, когда прозвучала команда:

— Гранаты!

Сотни гранат летят в ров одновременно. Фашисты не успевают ответить: прямо на них прыгают сильные, мускулистые тела. Бросок был такой стремительный, неожиданный; гитлеровцы выбиты из противотанкового рва.

Голод десантники утоляют, грызя пшенные концентраты. Но боезапас кончается: чем утолить голод автоматов и пулеметов? А фашисты, разъяренные тем, что моряки так сильно потеснили отборные эсэсовские части, держат Неву под непрерывным огнем, пытаясь отрезать наш десант от правого берега, от своих. Даже к реке за водой спуститься невозможно. И вдруг приказ: «К берегу, боезапас принимать».

На берегу моряков ждали понтонеры. Как они сумели переправиться через огненную реку на своих наскоро сколоченных плотах? До сих пор бывшие юнги в сердечной дружбе с одним из понтонеров, Суреном Ишхановичем Петросовым. Этого милейшего, деликатного человека трудно представить на войне, а он бывалых бойцов поражал своей храбростью. К ящику со снарядами саперы приделывали лямки и с этим смертоносным грузом на горбу ползли на передовую.

Ночью в тыл к противнику отправлялась группа разведчиков. Они уходили в глубокий рейд на несколько дней. В группу сначала попал Перепеч, но старшина отказался его брать: «Куда такого длинного! Будет, понимаешь, фашистам семафорить». Огорчился Леня насмерть, тем более что его место занял щуплый паренек небольшого роста. Старшина пошутил: «Считай, что ты идешь. Он у нас тоже гармонист, только гармонь на том берегу оставил». «Гармонист?» — переспросил Перепеч. И сунул в руки растерявшегося парня свою гармонь. «Бери, бери, а мы уж тут фрицев по-своему повеселим, не сомневайся!»

Колю Бара и еще двух краснофлотцев Ивашкевич послал разведать подступы к деревне Арбузово: шла подготовка к утреннему наступлению. Они проползли совсем рядом с радиоустановкой, которую фашисты поставили на опушке. «Русски мальшик! — кричала установ-

ка. — Сдавайс! Вы отрезан!» Коля в темноте повернул к ребятам голову, поймал чьи-то ответно блестящие глаза: «Это о нас — «русски мальшик»! Разведчики вплотную подобрались к деревне — деревни не было. Здесь и там торчали русские печи, светлые среди пожарищ и развалин. С берега доносились приглушенные звуки команд, багровая темнота шевелилась. Ребята не сразу поняли, что происходит. Подползли ближе. Фашисты устанавливали минометы, чтоб бить вдоль берега. Раньше крутой высокий берег защищал раненых, им подолгу приходилось беспомощно лежать и ждать темноты, переправы, теперь прибрежная полоса будет простреливаться насквозь. Сведения надо было как можно быстрей доставить командованию: судьба раненых была в их руках.

На другой день во время наступления на Арбузово Бар был ранен. К шлюпкам его вынес Петр Козлов, только Козлов считал, что Николай убит. Он положил его тело у палатки медсанбата, накрыл шинелью, спрятал к себе в карман комсомольский билет Николая. Спустя много лет узнали юнги, что он жив и воевал до победного часа.

Последние дни сентября в памяти наступавших слепились в мучительный, бессонный ком. От бессонницы сделались тяжелыми руки, в голове стоял шум, в глаза будто песком кто-то хлестанул. А по цепи сигнал: «Атака!» И снова: «Атака!»

27 сентября фашисты двинули на окопы танки. Под прикрытием танков размеренно, механически двигались черные цепи гитлеровцев с автоматами у груди. Танки мерзко ревели. Полетели связки гранат. Один из танков подбили артиллеристы с правого берега. А вот завертелся на месте, отвратительно скрежеща, другой. Танки повернули в сторону 8-й ГЭС.

30 сентября, после шести атак, следовавших одна за другой, рота получила приказ отойти к шоссе. Шишкин и Воробьев должны были прикрывать отход. Они залегли у пулемета. «Борька из пулемета бьет, я из винтовки, — рассказывает Виктор Шишкин. — Слышу: еще один пулемет справа. Оглядываться некогда, я глазом повел: Семенов! Ах, ты, думаю, чертушка, привык с нами быть, мы от него — он за нами. И остался. Даже слова не сказал. Пули на нас — дождем! На мне шинель была, так она вся в дырках оказалась, и все дырки разных диаметров. Это ведь только в первые дни: слышишь свист снаряда, невольно пригибаешься. А потом: свистит — ну, думаешь, перелетел. Свой снаряд свистеть не будет. Шипит — не долетел, значит. Уже не кланяешься, разговор с ним ведешь.

Вдруг Борькин пулемет замолчал.

— Жив?

— Жив. Пулемет землей присыпало.

Снова «заговорил». Семенов строчит. Я из винтовки бью.

По вспышкам нас и засекли.

Первым Семенова накрыли. Потом Бориса прямым попаданием, — где Борис лежал, яма дымится. Остался я один. И патрон один. Повернул к реке. Вижу: фашисты за мной охотятся. А меня злость взяла: вот не дамся вам! Пробьюсь! Двести метров до берега два часа добирался: прыгал из воронки в воронку. Такая примета есть: в одну воронку снаряд дважды не попадает. Дополз до бани, думал минутку передохнуть, фашист из бани выскакивает. Последний патрон пропал. Вот уже и берег, обрыв высокий — метров пять-шесть. Я винтовку в левую руку переложил и ухнул вниз. Тут меня мина и накрыла!»

Очнулся Виктор — девушка голову перевязывает, уговаривает: «Потерпи, миленький, сейчас все пройдет. Разве это больно? Нисколечко тебе не больно». Голосок тоненький, руки вокруг головы так и мелькают. Девчонка совсем, а боль уговаривает, как мама в детстве, бывало, уговаривала: «У кошки боли, у собачки боли, а у моего Вити не боли!» Он попытался улыбнуться девушке и потерял сознание. Потом он увидел над собой знакомого мичмана. Мичман наклонился, пообещал: «Как стемнеет, я тебя к вашим отведу».

Вечером мичман помог Виктору добраться до землянки. Шишкин увидел Леню Перепеча с острыми скулами на почерневшем лице, увидел Кодина, Ксенофонтова, Жегулева. Виктор мучительно пытался вспомнить, что за прозвище было у Ксенофонтова, смешное какое-то, но Валаам, детские прозвища казались отсюда нереальными. Он все-таки вспомнил: Ксенофонтова звали Пингвин.

— Борьку убили... Воробьева, — сказал он, и голос свой услышал будто из-под воды. — И Семенова тоже.

Впервые Шишкин объединил Воробьева и Семенова, теперь всегда он будет вспоминать о них неразлучно.

Больше они не говорили о тех, кого потеряли в боях. Половину людей оставили юнги на «невском пятачке».

Ребята проводили Виктора к переправе. Обнялись. Виктор плохо помнил переправу. Открыл глаза: небо черное, с яркими осенними звездами, плескалось, билось о борта лодки, звезды плыли в черной стылой воде, казалось, вокруг не было ничего, кроме черной глубокой пустоты, из которой он силился выпрыгнуть. Ночь толчками отдавалась в ушах, пульсировала в висках, сверкала, давила.

Ему казалось, что они с Борькой драют якорные цепи, звенья цепи набухали, ползли, как живые, конца им не было. От мутной, муторной этой работы Виктора тошнило, он просил о чем-то Борьку, и Борька отвечал быстрым, захлебывающимся говорком. Он был живой.

Потом Виктор бежал по мокрой, разъезжающейся земле, наметил впереди бугорок и бежал на него, а бугорок отодвигался, расстояние между ними увеличивалось, растягивалось, бугорок ухмылялся, хрипел: «Мальшик, сдавайс!» И Шишкина мучил страх, что он не добежит, не выполнит задание. Он бежал до мокрой испарины...

Виктор Шишкин не видел, как на рассвете наша артиллерия открыла огонь. Над «пятачком» неслись с тяжким шуршанием снаряды. А с правого берега на помощь воюющим двинулась армада лодок, шли по Неве ялики, понтоны, баркасы, шлюпки. Переправлялась морская пехота. К полудню фашистов выбили из Арбузова. Моряки взяли множество боевых трофеев: автоматов, пулеметов, минометов. Здесь, на околице Арбузова, получившей название «долина смерти», собрали юнги два вещмешка железных крестов, думая, что их можно пустить в переплавку.

Адмирал флота Советского Союза Иван Степанович Исаков назвал эту военную операцию «одним из важнейших шагов искусства «активной обороны». Тогда, в сорок первом году, соединиться с 54-й армией и отбить Мгу не удалось: слишком неравны были силы воюющих. «Но в эти дни, — пишет Исаков, — провалилась идея блицкрига, и фашистская армия стала «закапываться» в землю. Другими словами, фашистское командование вынуждено было признать, что с налету Ленинграда не взять, предстоит военная зима, надо готовиться к длительной осаде.

Конечно, участвовали в операции не одни юнги: дрались на «пятачке» балтийцы, понтонеры, дивизия генерала Конькова: 60 тысяч бойцов полтора месяца удерживали «невский пятачок», отвоевывая у фашистов каждую пядь земли. Юнги среди них — горсточка, малая капля. Но наша история посвящена юнгам. Их бесстрашие, безоглядная храбрость и матросская спаянность (заметьте, они не оставляли раненых на поле боя, выносили из-под любого огня) обращали на себя внимание даже в те героические дни. Политуправление армии выпустило маленькую книжечку писателя и моряка Александра Штейна «Рота юнгов». Книжечку раздавали краснофлотцам, политруки рассказывали о бесстрашных мальчишках бойцам, идущим на передовую. Так узнали о юнгах на Ленинградском и Волховском фронтах.

А сами они снова должны были засесть за учебу. На этот раз школа боцманов была создана в Ленинграде на учебном корабле «Комсомолец». Трудно пришлось Юрию Федотовичу Капко, назначенному начальником школы, разыскивать курсантов: они лечились в госпиталях, дрались на фронтах. И все-таки к ноябрю сорок первого года ему удалось собрать основной состав школы.

Стоят тяжелые блокадные дни. Зима сорок первого года студеная. Корабль вмерз в лед. Вместе с другими ленинградцами юнги жестоко мерзнут. На «Комсомольце» хранится запас горючего, но он необходим боевым кораблям, он неприкосновенен.

Они учатся под обстрелами и непрерывными бомбардировками. «Комсомолец» — учебный корабль, он не защищен броней. Только сверху прикрыт он огромной маскировочной сетью. Сеть делает очертания корабля неузнаваемыми. В городе нет электричества, не звонят трамваи, засыпаны снегом, вмерзли в лед автобусы. Детские санки — транспорт блокадной зимы. На санках везут воду с Невы, щепу для «буржуек», везут больных. А пока не стала Нева, юнги разводят по ночам мосты, разводят вручную, навалятся по пять-шесть человек на лебедку и крутят ее, скользя, падая, выбиваясь из сил. Днем фашисты пристреляются по какому-нибудь кораблю, а ночью он меняет стоянку, переходит на другое место. Чтоб пропускать корабли, юнги разводят мосты.

Они несут вахты, дежурства, учатся, и даже распорядок их дня не изменился: в парке занимаются строевой, а по вечерам, если нет артобстрела, ходят на прогулки от Литейного моста, где стоит «Комсомолец», к Летнему саду.

Учиться в таких условиях — героизм. Вот почему журнал «Ленинград» печатает на своих страницах фоторепортаж о школе боцманов. Фотографии, которые вы увидите в конце повести, сделаны летом 1942 года военным фотокорреспондентом А. Бродским.

Срок обучения еще не кончился, но мне кажется, главный экзамен юнги уже сдали. Блокадная зима обнаружила, подняла из самых глубин человеческого существа такую духовную высоту и стойкость, какую люди в себе и не подозревали. Фашисты рассчитывали на то, что голод погонит людей из города, голод и холод превратят их в зверей. А ленинградцы, и умирая от истощения, остаются людьми, делятся крохами хлеба, крохами тепла. В блокадную зиму окрепло и возмужало морское братство, словно те, кто погиб на поле боя, теснее сблизили оставшихся в живых, словно они вручили живым свои силы, стойкость и мужество.

Как кадры кинохроники, перед моими глазами проходит рассказ Николая Бара.

После госпиталя он попал в батальон выздоравливающих. Раненые в госпиталях получали триста граммов хлеба — ломтик величиной с ладонь. От голода люди слабели, раны подолгу не закрывались. Но ленинградские дети в это время получали сто двадцать пять граммов — кусочек величиной со спичечный коробок. И другой еды нет: его надо растянуть на целый день.

К часу, когда выздоравливающие краснофлотцы должны идти в столовую, у ворот экипажа собирается толпа мальчиков и девочек. Они до глаз закутаны в шали, одеяла, во все теплое, что нашлось дома. В руках у них маленькие кастрюли, миски, жестяные кружки. Когда ворота распахиваются и моряки в черных шинелях строем выходят на мостовую, дети, словно по команде, выстраиваются по одну и по другую сторону колонны, к каждому моряку подходят мальчик или девочка, идут рядом. В столовой краснофлотцы сажают своего подопечного на колени. Ждут в молчании. В столовой теплее, чем на улице, хотя изо рта идет пар, но и от короткого тепла клонит в сон. Приносят первое: ложку супа из хряпы и хлеб. (До войны, мне кажется, и слов таких не было —

У ворот экипажа краснофлотцев ждали мальчики и девочки с кастрюльками и кружками.

«хряпа», «дуранда», трудно представить, что это можно есть, а скольких людей в дни блокады спасла «хряпа» — зеленые капустные листья, которые собирали на полях и заквашивали!) Хлеб все крошат в суп: так сытнее. И снова ждут. Вот и второе: ложка перловой каши. Ее тоже перекладывают в миску с супом — и все равно порция такая маленькая, что она не может насытить и ребенка.

«Но знаете, — говорит Н. А. Бар, подполковник в отставке, немолодой человек, и я вижу, как он волнуется спустя столько лет, — многие дети отказывались есть. Они просили: «Можно я возьму для мамы». Или для брата. А сами худенькие, лица синие. И вот перекладывает еду к себе в кастрюльку и идет мимо столов медленно-медленно. Маленький человек. Мы ими восхищались».

И не знаешь, кем восхищаться больше: шестнадцатилетним раненым, у которого от голода, от слабости не заживают раны, и все-таки он делится (каждый день!) своей порцией еды, отдает половину, или детьми, у которых ответственность за близких или любовь к близким — я не знаю, как это назвать, — сильнее самого жестокого голода.

Так и стоят у меня перед глазами строй моряков в черных шинелях и шеренги детей, идущих по обледенелым морозным улицам. И я понимаю, что победа была предрешена в те, самые трудные для страны, для Ленинграда годы. Она здесь, в городе, который и голодный, обессиленный, не сдается, борется против фашизма.

Недаром в темных подвалах Эрмитажа, освещенных слабым светом коптилок, где живут искусствоведы, художники, смертельно больной

архитектор Никольский не только ведет в рисунках дневник блокадной жизни, но и набрасывает проект Триумфальных арок для встречи героических войск, освободивших Ленинград.

Недаром стоят на своих постаментах, на боевом посту статуя Кутузова и памятник в честь побед Суворова. Другие памятники ленинградцы спрятали от обстрелов, закопали в землю, эти же словно вдохновляют воинов на битву. Сама история — за Ленинград.

Накануне экзаменов курсантов школы боцманов снова послали на Невскую Дубровку. В ночь с 25 по 26 сентября (заметьте, в ту же самую ночь, что и год назад) они должны переправить на левый берег 45-ю дивизию генерала Краснова. Каждый из них стал командиром шлюпки. 2 200 шлюпок перевели они на левый берег под вражеским огнем. Они лавировали под пулями и снарядами, резко меняя курс. Они воевали умело, расчетливо, в обстановке невероятно трудной, когда вода в Неве кипела от снарядов и шлюпки взлетали в воздух.

А. Белоконю, В. Шишкину, Л. Перепечу довелось выполнить особое задание командования. Ночью с занятой врагом территории матрос «просемафорил» на наш берег, что группа краснофлотцев осталась без командиров, без боезапаса, вокруг фашисты, но они держатся. Просят помощи. Курсанты провели в этот район шлюпки с боезапасом и высадили на левый берег политрука. Обратно им помешала вернуться сплошная завеса огня. Две шлюпки из трех были разбиты в щепу. Через сутки под прикрытием дымовой завесы на одной целой шлюпке они выбрались на правый берег с донесением.

Это и был экзамен. Месяц пробыв в боях, они возвращались на «Комсомолец». Они шли вдоль набережной Невы, мимо кораблей, с автоматами, после выполнения боевого задания, и на всех кораблях, когда они проходили, горнисты играли большой сбор.

А новое пополнение юнг, салажата, ленинградские мальчишки, смотрели на них с восторгом. И не этим ли восхищением мы обязаны тому, что записано столько рассказов о жизни школы, сохранилось столько документов: почти двадцать лет один из курсантов сорок второго года, В. В. Пашкин, собирал материалы и фотографии, разыскивал выпускников Валаамской школы боцманов и создал, можно сказать, целый музей.

Здесь кончается наша история. По всей Балтике разлетится валаамское товарищество: главными боцманами выпускники придут на минные заградители и тральщики, на их счету будут потопленные вражеские транспорты, отбитые у фашистов города, ордена и медали будут отмечать их боевой путь.

С этой минуты каждый из выпускников начнет свой путь, героический и увлекательный.

Но ничто, как выяснилось, — ни война, ни годы, ни болезни, — не смогут разрушить товарищества, родившегося на Валааме и окрепшего в дни боев, в дни блокадной зимы.

Каждый год в предпоследнее воскресенье сентября бывшие юнги собираются на «невском пятачке». Из Волгограда прилетает Виктор Шишкин: он стал начальником литейного цеха. Из Харькова приезжает Юрий Корчагин, инженер крупного строительства. Василий Кодин и Леонид Перепеч — теперь ленинградцы. Кодин — инженер, Перепеч — рабочий на мясокомбинате. Он растит сыновей и внука. Он такой же длинный, и такая же насмешливая улыбка освещает его лицо, и, как в юности, когда собираются друзья, он играет на гармони.

Алексей Белоконь после войны окончил Высшее военно-морское училище, затем Таллинский политехнический институт и работает инженером-механиком.

На встречи приезжает и бывший комсорг школы боцманов Николай Ивашкевич.

Я впервые попала на «пятачок», еще не зная юнг, только прочитав о них в книге Алексея Белоголовцева «Невский пятачок». Бывший боцман Белоголовцев, историк по профессии, стал ректором заочного отделения Института культуры.

Я приехала на открытие памятника Рубежный камень. Памятник еще был задернут брезентом, но вокруг теснились люди с самодельными плакатами в руках: «265 стрелк. див.», «45-я гвардейская», «177 с. д.», — было написано на плакатиках. Как мало людей в каждой группке: шесть — десять человек. И как тесно стоят они, обнимаются, смеются, а по смеющимся лицам текут слезы. Вот трое узбеков спустя тридцать лет нашли своего комиссара. Впервые после войны они смогли приехать на встречу ветеранов. Они обнимают плечи комиссара полосатым узбекским халатом, накидывают его поверх черного костюма, поверх орденов и медалей. И стоят, близко соединив лица, положив руки на плечи друг другу. «Какой ты старый стал!» — говорит комиссар одному из них.

— Что ты! — белозубо смеется узбек. — Мне сейчас ровно семнадцать, как тогда!

Я стою, взобравшись на огромный, неотесанный камень, мне хорошо видно поле, холмы и воронки от снарядов, со временем сглаженные, поросшие травой и сейчас такие безобидные. И столько школьников вокруг — из всех окрестных школ! — они стоят с букетами так же жадно, как я, всматриваясь в лица, прислушиваясь к разговорам.

По левую руку от камня я вижу группку мужчин, у них нет плакатика. В центре — седовласый великан, у него седая борода, улыбка кипит на лице. Рядом с ним крепыш с карими глазами. И все обращаются к нему, кричат:

— Виктор! Ты когда из Волгограда? На сколько приехал?

Меня сдувает с камня, я спрыгиваю неожиданно для себя, обрушивая тех, кто сзади опирался на мои плечи. Я спрашиваю:

— Вы юнги? Вы — Шишкин, из Волгограда?

Почему у меня такой громкий, взволнованный голос? И как я узнаю их, никогда до этого

не видев, даже на фотографии? Но ведь узнаю почему-то!

— Это бесподобно! Вы откуда свалились? — сверху нависает надо мной насмешливый, резковатый голос. Конечно, это Леонид Перепеч!

Тут и Василий Кодин, и Юрий Корчагин, и Екатерина Карловна Белоконь: сын — в море, и вместо него на встречу друзей пришла мама. Они с Алексеем так похожи, похожи не только внешне, внутренней сутью, повадкой.

Сползает с камня парусина, открывая высеченные буквы:

Вы, живые, знайте,
Что с этой земли
Мы уйти не хотели
И не ушли.
Мы стояли насмерть
У темной Невы,
Мы погибли,
Чтоб жили вы.

— Самых лучших нет, самых смелых. Мы приезжаем встречаться с ними, — говорит Юрий Корчагин. Эти слова я потом услышу от каждого из юнг.

Обнявшись, они идут по полю искать свой окоп, памятный им по тысячам примет, которые не может уничтожить время. Они будут сидеть, вспоминать погибших, рассказывать о себе, о своих сыновьях. А мы с Екатериной Карловной смотрим им вслед, пока различаем их среди других на огромном зеленом поле, которое всего лишь «пятачок» нашей большой земли. Мне очень хочется быть с ними, но я чувствую, что не имею права, что им надо побыть одним. Но теперь я знаю, что встречусь с ними еще, потому что должна рассказать вам удивительную и в то же время обычную историю.

Мы идем с Екатериной Карловной по дороге, в сторону узкоколейки, обходим группы людей, сидящих в своих окопах. И тут я понимаю, что в том, что я узнала юнг, никогда прежде не видя их, нет чуда. Они моложе собравшихся здесь ветеранов. Ведь в сорок первом они были мальчишками.

СЧАСТЬЯ ВАМ, МИРА ВАМ, МАЛЬЧИКИ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА!

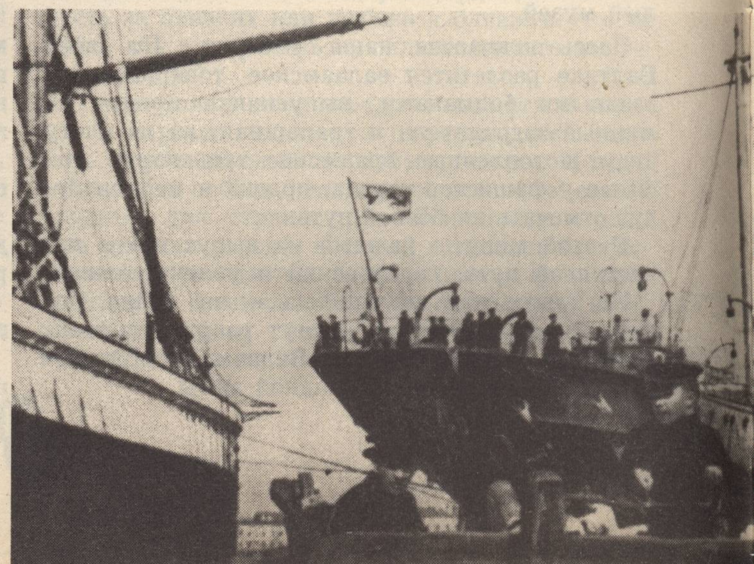
Таким круглолицым наивным юнцом был Коля Бар на Валааме. Жаль, что вы не можете увидеть его на шхуне, держащей курс на Таллин. Отважным марсовым в команде бизань-мачты был Коля Бар.

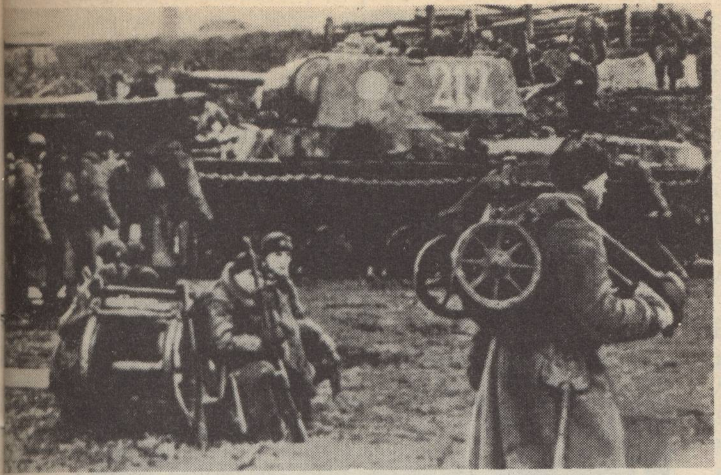

Знакомьтесь — Виктор Шишкин, выпускник школы боцманов.

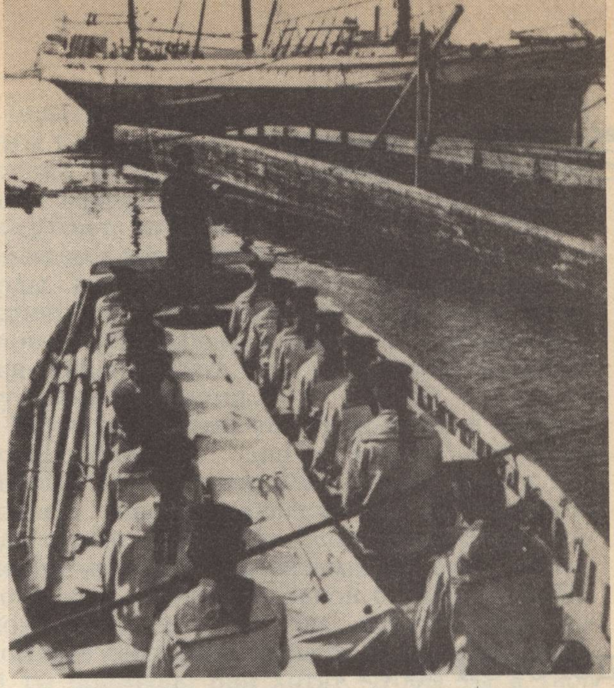

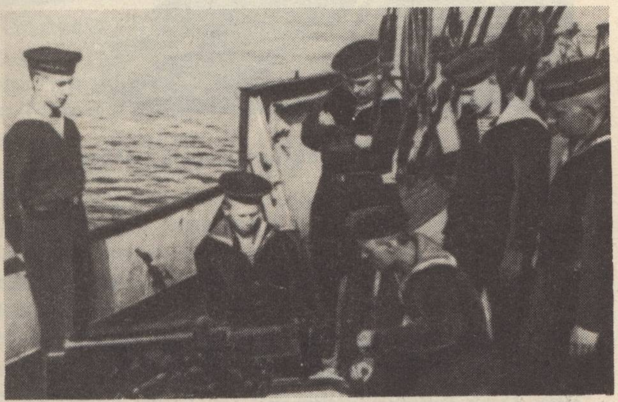
Лыжные походы открывали мальчишкам не только остров, но и свои собственные возможности. С каждым днем они становились крепче и выносливее. Крепла и их дружба.

Пролетит несколько коротких летних месяцев, и выпускники школы боцманов придут на правый берег Невы как бойцы, десантники. Так выглядела переправа у Невской Дубровки.

Последние четыре фотографии сделаны военным корреспондентом А. Бродским летом сорок второго года. Вот «Комсомолец», для юнг он стал школой и домом: здесь они жили и учились, ходили по Неве на шлюпках. Отсюда разошлись они по боевым кораблям. А «Комсомолец» остался учебным кораблем.

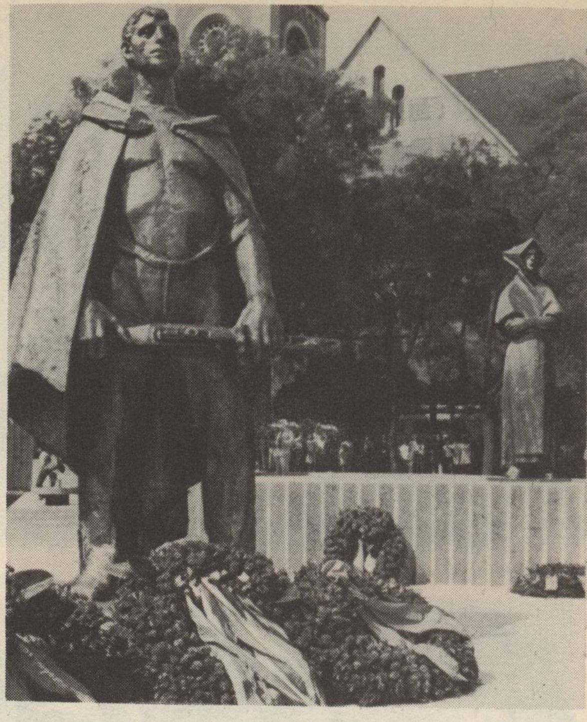

Внимательно рассмотри эту схему, и ты увидишь, где стояли фашистские войска, где — наши, увидишь места боев сорок первого года.

**ДОРОГОЙ ДРУГ!
НАШ ЧИТАТЕЛЬ!**

**Задержись на минуту
на этой странице.
Прислушайся. Слышишь,
как торжественно поют горны?
В партизанском краю —
брянских лесах,
и в вечном героическом
городе Севастополе,
и в маленьком городке Вязники,
на улицах которого не было боев,
и в главном нашем городе Москве,
и в твоем селе или городе,
и там, далеко, за границей —
в Варшаве и в Будапеште,
в Софии, Праге и Братиславе...
Пионерские горны поют гимн воинам,
ОДЕРЖАВШИМ ПОБЕДУ
над гитлеровской Германией.
И замер в салюте
наш пионерский отряд,
наша дружина —
САЛЮТ, ПОБЕДА!
САЛЮТ ВАМ,
ГЕРОИ ВОЙНЫ —
ПОБЕДИТЕЛИ!
САЛЮТ ВАМ,
НАШИ ДЕДУШКИ И БАБУШКИ,
ПАПЫ И МАМЫ,
МУЖЕСТВЕННЫЕ,
ГЕРОИЧЕСКИЕ ЛЮДИ
СТРАНЫ СОВЕТОВ!**

Памятник героям Словацкого национального восстания.

Л. СИМОНОВА

СОЛДАТЫ И ВНУКИ СОЛДАТ

ВОЕВАЛИ ВМЕСТЕ, КАК ДРУЗЬЯ

Перед отъездом в Чехословакию я просматривала последнюю редакционную почту: письма участников Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоем доме» и работы с ответами на вопросы викторины «Салют, Победа!». Я видела, что очень многие папы, и дедушки, и старшие друзья ребят рассказывают о том, как освобождали Польшу и Венгрию, Югославию и Болгарию, Румынию и Чехословакию. Вспоминают, как помогали им партизаны и население этих стран. Говорят, что в боях против фашизма героически сражались рядом люди разных национальностей.

Помните, в прошлом номере «Пионера» мы напечатали сочинение Вовы Михальцова из Брянска. Накануне 30-летия Победы над гитлеровской Германией бабушка достала из комода заветную коробочку с дедовыми ор-

денами и на этот раз рассказала внуку о чехословацком ордене деда. Под страшным огнем врага полз дед, чтобы починить кабель и восстановить связь между подразделениями. Он был тяжело ранен, рисковал жизнью — его товарищи погибли, выполняя это задание...

Не уверена, знает ли бабушка Вовы Михальцова, что пионеры всех социалистических стран договорились вместе готовиться к празднику Победы. Идут дорогами Советской Армии-освободительницы, узнают о боевых действиях национальных соединений, антифашистского подполья, движения Сопротивления. Записывают воспоминания героев борьбы с фашизмом. Просто старой русской женщине, пережившей войну в партизанском краю, в брянских лесах, хочется, чтобы ее внук Вова знал, что дед его воевал за свободу своей страны и за свободу Чехословакии тоже. И там, вдалеке от Родины, жизни своей не жалел...

Потом я нашла и несколько раз перечитала рассказ Николая Ивановича Киселева, кавалера трех орденов Славы. Вот как записала его Оля Кузьмина из города Рудного, Кустанайской области: «...Случилось это на чехословацкой земле. Наши части отбили у фашистов дорогу, по которой мы должны были продвигаться вперед, к Праге. И танковая колонна спокойно вступила на этот путь. Вдруг... взрыв! Подорвался на мине головной танк. Считанные секунды оставались, чтобы разминировать дорогу, а «тарелки» — так называли противотанковые мины — попадались на каждом шагу... Мне запомнился этот эпизод, потому что задание было очень опасным и выполнили мы его вовремя. И еще потому, что за выполнение этого задания я получил первую иностранную награду — чехословацкую медаль «За храбрость», а наградной лист подписал сам Людвиг Свобода!»

Видишь, столько лет прошло, но не забыл старый воин, как доставался его боевым товарищам каждый шаг на чехословацкой земле. И не случайно он рассказывает об этом Оле. Он гордится своей чехословацкой медалью. Обратите внимание, он говорит: «...наградной лист подписал сам Людвиг Свобода!» Все советские бойцы с огромным уважением относились к генералу Свободе, хорошо знали, как храбро сражалась под его командованием чехословацкая бригада сначала за освобождение наших городов и сел, а потом — своих. И теперь Николай Иванович хочет, чтобы об этом непременно знали Оля Кузьмина и ее пионерский отряд, с которым он дружит.

Вот и Гриша Кашун из Еревана пишет, что генерал-лейтенант, Герой Советского Союза Саркис Согомонович Мартиросян говорил ему о том, как «героически сражались бойцы чехословацкого батальона в районе села Соколово, юго-западнее Харькова». Восемьдесят шесть из них получили советские ордена и медали, а бесстрашный командир первой роты Отокар Ярош первым из иностранных воинов награжден посмертно высоким званием Героя Советского Союза. Гриша рассказывает, что генерал Мартиросян специально для него отыскал письмо Людвига Свободы, которое он написал на прощание на границе с Чехословакией. Там есть такие слова: «...Мы воевали вместе, как друзья против общего врага, мы останемся навсегда лучшими друзьями...»

Вдумайся, отчего это такие разные люди — Вовина бабушка, один из многих советских воинов, друг пионерского отряда и прославленный генерал — в далеких друг от друга концах страны — в Белоруссии, Казахстане, Армении — говорят с ребятами, по сути, об одном: об интернациональной борьбе с фашизмом, о великом чувстве дружбы, которое помогло сокрушить общего врага и победить. И ты поймешь: они хотят, чтобы ты и твои друзья были достойны своих отцов и дедов, оставались на всю жизнь верными их традициям и росли интернационалистами.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Город Баньска Быстрица был центром Словацкого национального восстания. Здесь, в Баньской Быстрице, теперь Музей Словацкого национального восстания. Одна из комнат этого музея очень напоминает ту нашу редакционную комнату, где собираются альбомы участников викторины «Салют, Победа!». Все столы, и стулья, и шкафы так же, как и у нас, завалены грудами альбомов, папок, толстенными конвертами с рисунками, фотографиями, документами, схемами сражений и воспоминаниями... Чехословацкие пионеры, так же, как и наши ребята, идут дорогами войны, собирают материалы о борьбе с фашизмом, пытаются понять и осмыслить, за что сражались, что отстаивали, чего хотели их отцы и деды, и определяют свое отношение к жизни...

— Тут есть прекрасные работы,— говорит Мария Хмеларова, заведующая историческим отделом музея.—И знаете, мы убеждаемся, что дети могут помочь нашим исследованиям...

Я тут же вспоминаю старшего научного сотрудника нашего Центрального музея Вооруженных Сил СССР Ольгу Николаевну Московую — так похожи слова Хмеларовой и Московой и интонация, с которой они произносятся.

Сотрудники Музея Словацкого национального восстания создают сейчас полную картотеку участников восстания. Имена многих героев до сих пор не были известны. Их помогают открывать пионеры.

— Вот,— Хмеларова прекрасно ориентируется во множестве ребячьих работ,— пионеры основной девятилетней школы из города Липтовский Микулаш пишут о молодом че-

ловеке, связном партизанского отряда, которым руководил русский командир товарищ Макаров. Связного звали Владимир Антол. Он жил в селе Палудзка. Помогал партизанам. Фашисты зверски замучили его: отсекли руки, ноги—Антол ничего им не сказал, никого не выдал. Теперь у нас есть его фото. Дети разыскали и документ, удостоверяющий его личность: нам, музейщикам, без документов никак нельзя. Записаны и воспоминания о том, что сделано Антолом...

Потом Мария Хмеларова читала и переводила мне рассказы ребят. Вот один из них — его авторы пионеры дружины имени Яна Налепки 3-й основной девятилетней школы города Брезно: «В селе Дивияки, оно находится в районе нашего города Брезно, мы познакомились с машинистом Людовидом Демьяном. Во время Словацкого национального восстания ему было восемнадцать лет и он был связным партизанского отряда в соединении Егорова. За свои партизанские заслуги он награжден «Звездой Егорова» и очень гордится этой наградой. Он говорит, что Егоров — легендарный командир и нет такого человека в Чехословакии, который не слышал бы о его храбрости и умении побеждать врага. Самых смелых партизан, особо отличившихся в восстании, награждали памятной медалью «Звезда Егорова». А Ян Налепка, имя которого носит наша дружина, сражался с фашистами в Белоруссии, в партизанском соединении Сабурова, и получил звание Героя Советского Союза...»

Товарищ Мария Хмеларова рассказала мне, что они очень обрадовались материалам, которые прислали им ребята из Брезно, потому что у них не было фотографии Людовида Демьяна и они не знали, где его искать. Кроме того, узнавая о Демьяне, пионеры собрали много интересных сведений и о командире его группы — Стефане Дудке. Отыскали очень важный документ — характеристику Дудки, подписанную командиром и комиссаром отряда и начальником штаба. Справка дает право получить персональную пенсию. Не у всех участников восстания сохранились документы, пионеры помогают им разыскать такие документы, находят их боевых товарищей, которые помнят, как они сражались.

Я показала Марии Хмеларовой письмо в «Пионер» наших тимуровцев, штаб которых действует при Доме пионеров города Тутаева, Ярославской области: «Мы помогаем всем пенсионерам — участникам Великой Отечественной войны. Некоторым из них будет дана персональная пенсия к 30-летию Победы над фашистской Германией».

Теперь уже ясно, что находки ребят, их исследования—все, что собирается сейчас в Музее Словацкого национального восстания, позволит открыть в селе Немецка Музей молодых героев Словацкого национального восстания.

Ян Вишни привел пионеров из школы имени Словацкого национального восстания на то место, где стояла деревня Калиште.

Село Немецка во время войны гитлеровцы превратили в крематорий. В печах, где раньше обжигали известь, фашисты сожгли 900 партизан и тех, кто помогал партизанам. Когда в селе Немецка строили новую школу, сразу же выстроили и помещение для музея, и это была молодежная стройка.

На прощание Мария Хмеларова сказала:

— Раньше мы рассказывали детям о героических подвигах и выдающихся сражениях. Теперь мы хотим, чтобы дети рассказали нам о тех, кто героически делал будничную работу войны: носил партизанам еду и одежду, лечил их в госпиталях, связывал партизанские отряды с жителями сел и городов. Мы поняли, что и вы хотите рассказать детям о подвиге всего народа, раз предлагаете им узнавать о наградах их родных и близких.

И когда журнал «Пионер» объявил сбор-поиск «Орден в твоем доме», это помогло нам. Многие наши пионерские дружины участвуют в вашем сборе-поиске...

ВИШНИ, ВНУК ВИШНИ

Товарищи из словацкого детского еженедельника «Камарат» посоветовали мне поехать в братиславскую школу имени Словацкого национального восстания. Пионерская дружина этой школы собрала любопытнейший материал о героическом прошлом своих семей.

Та часть города, где находится школа, называется Калиште. Калиште — в память о деревне Калиште, сожженной гитлеровскими солдатами. Калиште, потому что для жите-

лей этой героической деревни, оставшихся в живых, построили на окраине Братиславы новые дома. И в школе имени Словацкого национального восстания учатся дети и внуки этих людей...

В пионерской комнате стоит длинный стол. Вернее, несколько столов, составленных вместе. На них разложены документы, реликвии, фотографии, воспоминания, планшеты с крупно написанными заголовками—все, что приготовлено для отправки в Музей молодых героев Словацкого национального восстания и для открытия собственного школьного музея.

— Мы его откроем к 30-летию Победы над гитлеровской Германией,—говорит, поглядывая на ребят, старшая пионервожатая Иржина Бодгорова,—пусть это станет нашим ответом на Обращение к пионерам всех социалистических стран двух дружин имени Олега Кошевого—московской и берлинской...

Занятия в школе уже кончились, почти все ребята разбежались по домам, но вот они снова возвращаются в школу — сработал беспроволочный телеграф: не каждый день в школу приезжает советский журналист, тем более они участвуют в сборе-поиске «Орден в твоем доме», который ведет журнал «Пионер». Дверь пионерской то и дело открывается, появляется еще кто-то, кому хочется рассказать, поговорить, расспросить. У многих в Советском Союзе есть свои собственные друзья, с которыми давно идет переписка...

Говорим долго, допоздна. Мы с пионервожатой Иржиной уже начинаем волноваться, что кто-то не успеет выучить домашнее задание... Я передам вам только три рассказа ребят. Думаю, вы сами разберетесь, почему именно эти.

— Раньше,—сказала девятиклассница **Ивета Майерова,**—мы узнавали все о знаменитых героях Словацкого национального восстания. Собрали богатый материал о Яне Шверме. Когда наступил час восстания, Ян Шверма работал в подполье города Подбрезова. На подбрезовской фабрике трудились люди со всех окрестных сел. Здесь находился и подпольный центр партии, который помогал рабочим организоваться. Отсюда Шверма повел рабочих в Ломнистую долину, к штабу партизан под начало полковника Асмолова, который потом стал генералом. Шли через гору Хабинец, и этот поход назвали в народе Походом смерти. Из девятисот человек дошло только девяносто. Но другого пути не было — в горы гитлеровцы не могли пробраться с танками... Ян Шверма погиб в самом конце пути от воспаления легких, но те люди, которых он привел к Асмолову, сражались храбро... И мы стали узнавать об этих людях тоже...

— Мы стали расспрашивать о восстании у своих родных и знакомых,—продолжил этот рассказ **Войто Вишни,**— и узнали столько героического, что можем теперь часть Музея посвятить своим родственникам и знакомым. Мой дед Йозеф Вишни был коммунистом. Он хорошо говорил по-немецки, прикинулся другом фашистов, давал им сигареты, усаживался рядышком поговорить... А сам выпытывал у них важные сведения и шел в горы к партизанам. Бабушка Гизела шла впереди и смотрела по сторонам: нет ли опасности? Потом фашисты догадались, что дед — партизан. Они казнили его страшной казнью. Привели на лесопилку, положили на доску и перепилили на глазах у бабушки, сыновей и дочерей. С тех пор, говорят, бабушка Гизела словно окаменела. И я никогда не видел ее улыбки. Но никто из наших не испугался. Тетка Илона таскала в горы хлеб, дядя Ян стал связным, а бабушка готовила лекарства... Женщины в Калиште умели готовить из трав лекарства, и недалеко от деревни, в горах устроили госпиталь, куда привозили раненых партизан. К концу восстания в Калиште не осталось ни коров, ни кур, ни соли — в кипяток клали солонки и ели эту похлебку. Ходили в лохмотьях — всю одежду разорвали на бинты партизанам. Вот за это за все и приказали фашисты сжечь деревню. Все дома сожгли, кроме школы, где находился их штаб. Бабушка молчит, всегда молчит — отец говорит: «Онемела от горя». Отцу было в то время четыре года. Крик детей и стариков в горящих домах до сих пор стоит в его ушах...

Шестиклассница **Ивица Сломкова** сказала:

— Мы знаем: в Словацком национальном восстании участвовали люди двадцати семи национальностей: русские, югославы, болгары, французы, бельгийцы, венгры...

* * *

Я думаю, с этими словами и с такими мыслями приедут на Международный праздник «Салют, Победа!» в Артек пионеры всех социалистических стран. Пусть будут спокойны и счастливы наши отцы — мы не свернем с их пути, о котором теперь так хорошо знаем. И дружбе их, рожденной в боях, не изменим.

Москва — Прага — Братислава.

ВНИМАНИЕ! ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!

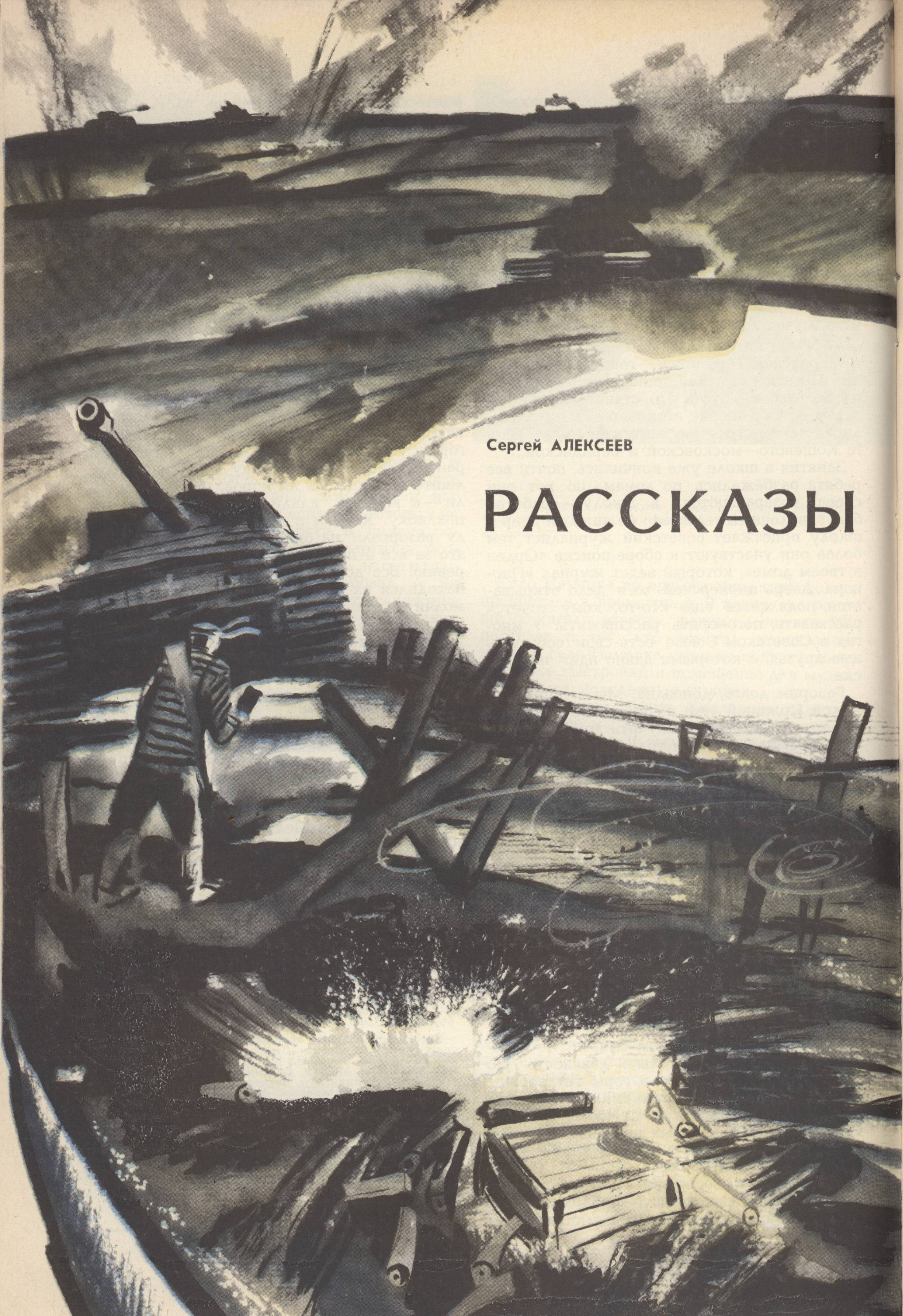
Путевками в Артек награждаются участники Всесоюзного сбора-поиска «Орден в твоем доме»: **Аникин Александр,** Пермская обл., г. Гремячинск, **Варламов Михаил,** г. Москва, **Сиденко Владимир,** Хабаровский край, станция Аур, **Иванов Владимир,** г. Москва.

Совету дружины имени С. М. Буденного школы № 7, города Новочеркасска, Ростовской области, и юнкоровскому посту журнала «Пионер» станицы Советская, Кировского района, Ставропольского края, предоставляется право послать одного пионера в Артек на международный праздник «Салют, Победа!» за отличное проведение сбора-поиска «Орден в твоем доме».

В Ленинград на финал Всесоюзной игры «Зарница» поедет сводный отряд из пяти человек средней школы № 3 имени Ленина, г. Вязники, Владимирской области.

Сергей АЛЕКСЕЕВ

РАССКАЗЫ

о героическом СЕВАСТО-ПОЛЕ

«Рассказы
о героическом Севастополе»
написал Сергей Алексеев, лауреат
Государственной премии РСФСР
имени Н. К. Крупской.
Ребята,
которые давно читают «Пионер»,
помнят, наверное,
его «Рассказы о великой битве» (№ 11, 1972 г.),
«Рассказы о Курской битве»
(№ 6, 1973 г.)
и «О великой Московской битве»
(№ 2, 1974 г.).

Рисунки
Ю. ФОМЕНКО.

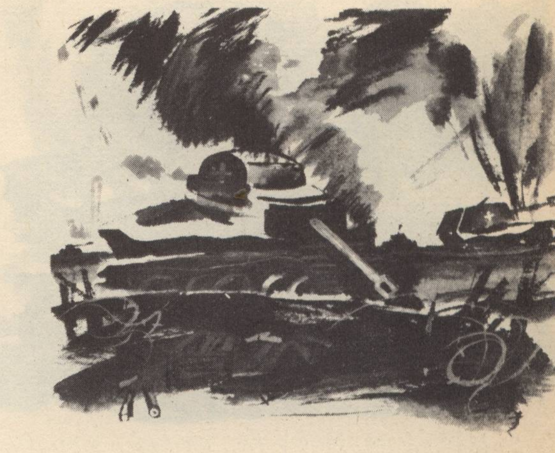
Пять и десять

Десять танков ползут по полю. А в обороне лишь пять матросов. Десять танков и пять матросов. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

1941 год. Октябрь. Фашисты прорвались в Крым, подошли к Севастополю.

Начались бои на оборонительных севастопольских рубежах. Одна из фашистских танковых колонн приближалась к селению Дуванкой.

Двигались танки. За ними пехота. Место открытое. Вдруг блиндаж. Огонь ударил врагам навстречу. Минута, вторая. И вот четыре танка горят, как порох.

Повернули назад фашисты:

— Там «Черная туча»!

— Там «Черные дьяволы»!

— «Черная смерть»!

«Черная туча», «Черные дьяволы», «Черная смерть» — так фашисты называли советских моряков. Боялись они матросов.

В блиндаже под Дуванкоем действительно были матросы. Не туча, правда. Лишь пять человек. Комсомольцы Юрий Паршин, Василий Цибулько, Иван Красносельский, Даниил Одинцов. Пятым, старшим, был политрук коммунист Николай Дмитриевич Фильченков.

Отходят фашисты:

— Там «Черная туча»!

— Там «Черные дьяволы»!

— «Черная смерть»!

Прошло несколько часов, прежде чем фашисты вновь начали здесь наступление. Снова танки ползут по полю. Гудят моторы. Скрипит железо.

— Ближе, подпускай ближе, — командует Фильченков. — Не торопись, ребята!

— Не торопись, Цибулько, — повторяет себе Цибулько.

— Не торопись, не торопись, не торопись, — повторяют Паршин, Одинцов, Красносельский.

— Давай! — командует Фильченков.

Полетели вперед гранаты. Полетели бутылки с горючей жидкостью. Застрочили потом пуле-

меты. И снова гранаты. И снова бутылки с горючей смесью.

Застыло, казалось, время. Секунды идут годами.

Вновь отошли фашисты. Переждали. Перестроились. Снова пошли в атаку.

В бою матросы. Огонь, как лава, съедает травы.

— Давай, ребята!

— Держись, ребята!

Летят гранаты.

Долго длился бой. Но вот у моряков вышел запас патронов. Нет больше бутылок с горючей жидкостью. Вот-вот — и конец гранатам.

Тогда поднялся политрук Фильченков. Увлек матросов вперед, в атаку. Вперед, на танки пошли герои. Гранаты в руки. Навстречу силе. Навстречу смерти. Навстречу славе.

Когда к героям пробилась помощь, бой был закончен. Дымились танки. Их было десять.

Металл и люди. Возьми бумагу, реши задачу: кто здесь сильнее, за кем победа?

Сегодня в небо под Дуванкоем граненым шпилем поднялся мрамор. То дань бесстрашным, то дань отважным. И сокол плавно парит над полем. Охраняет он небо и сон героев.

Большая семья

Произошло это в бригаде морских пехотинцев, которой командовал полковник Петр Филиппович Горпищенко. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжелых боях бригада.

На одном из участков обороны сложилось так, что тут против советской стрелковой роты наступало сразу три фашистских батальона. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменил командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего как неделю бреет.

Любопытно бойцам, любопытно другим офицерам.

— Посмотрим, какой командир из Кочанова!

— Усы всего неделю бреет!

Молод совсем командир. А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бой, сомнут, раздавят тебя фашисты.

Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался молодой офицер, вздохнул сокрушенно:

— Пропадай моя телега, все четыре колеса.

«Все четыре колеса», — повторил Кочанов. И вдруг:

— Связной! Связной! — закричал Кочанов.

— Слушаю, товарищ политрук! Товарищ командир, — поправился.

— Машины сюда, быстро!

Подогнали три грузовых машины.

— Пулеметы сюда, немедля!

Тащат сюда пулеметы.

— Отставить! Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Счетверенные.

Были в роте такие противозенитные пулеметы — четыре ствола у каждого.

Притащили сюда пулеметы.

— Грузи!

— Залезай!

— Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверенные пулеметы. Получились, как встарь, тачанки. Разница только в том — не на конной, на моторной тяге тачанки.

Поставил Кочанов «тачанки» в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким фронтом. Устремились вперед на наших.

— Атакуй! — прокричал Кочанов.

Сорвались тачанки с места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнем пулеметы. Дружно — в едином хоре. Сразу двенадцать басят.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

— Вот тебе и «усы всего неделю бреет».

Узнал о бое полковник Горпищенко.

— Смелых люблю, умелых уважаю, — сказал командир бригады. Затем добавил:

— А тех, кто и смел и умел, — сыном своим считаю.

Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых, много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо — семья большая.

Учитель

До войны солдат Трубников был учителем. Русский язык преподавал в школе.

Под Севастополем Трубников сражался в стрелковой роте. В дни декабрьского наступления фашистов во время одного из боев во фланг роте ударили две фашистские пушки. Били фашисты точно и большой урон наносили нашим.

Командир роты вызвал к себе группу бойцов. Среди них оказался и Трубников.

Дал командир бойцам боевое задание — подобраться незаметно к фашистским пушкам и заставить их замолчать.

— Заткнуть им глотки! — кратко сказал командир.

— Ясно, — бойцы ответили.

— Понятно, — ответил Трубников.

В группе Трубников был за старшего. Взяли бойцы автоматы, гранаты. Отправились в путь солдаты.

Перебежками, шагом, ползком, рывком, прижимаясь к земле и скалам, подобрались солдаты к фашистским пушкам. Метнули гранаты, автоматы огонь открыли. Перебитой лежит прислуга.

Подбежали солдаты к пушкам:

— Тащи гранаты.

— Взрывай их, братцы!

— Заткнем им глотки!

— Минутку. Стойте, — сдержал бойцов Трубников.

Повернули бойцы на голос.

— Зачем же пушкам быть немыми? — сказал, улыбнувшись, Трубников. — Научим лучше их русской речи.

Не сразу смекнули бойцы, в чем дело.

— Взрывай их, братцы!

— Какой речи?!

И вдруг поняли. У пушек горы лежат снарядов. Зачем же гибнуть зазря снарядам?

Зарядили солдаты пушки.

Развернули солдаты пушки.

— Огонь! — скомандовал Трубников.

Ударили пушки туда — к фашистам. Взорвали округу могучим басом.

За выстрелом первым — второй и третий. За третьим — четвертый, шестой, десятый...

— Ну, как, по-русски? — кричит Трубников.

— По-русски, по-русски, — в ответ солдаты.

Заговорили по-русски фашистские пушки.

Возвращались солдаты в родную роту.

— И вправду, учитель, — смеялись солдаты.

Птицу в полете схватят

Разведчики. Здесь, под Севастополем, много их, лихих и отважных. Если надо, со дна морского иглу достанут, птицу в полете руками схватят.

Разведчики, матросы Ноздрачев, Поляков и Митрохин, получили задание пленить штабного фашистского офицера. Советским командирам надо было срочно узнать о последних фашистских приказах.

Отправились в путь разведчики. Сидели в засадах, выходили к дорогам. Не попадается им офицер из штаба.

Подумал Ноздрачев: «Где лучше всего искать штабного офицера?» И тут же себе ответил: «Конечно, в самом фашистском штабе».

Обратился к друзьям по разведке:

— А что, если к фашистам в штаб?

— Ну что же, — сказал Поляков.

— Рискнем, — поддержал Митрохин.

Дождались разведчики ночи. Подкрались к фашистскому штабу. Осторожно, без шума убрали охрану.

Тихо, пустынно в штабе. Дежурный офицер, развалившись на стуле, дремлет. Вот она спит, удача! Сейф железный стоит в углу. Вот они где, приказы!

— Гутен морген, с добрым утром! — толкнул Ноздрачев фашистского офицера.

Открыл тот глаза. Не понял, в чем дело.

— Гутен морген, — хотел сказать. Вдруг видит: люди в советской военной форме.

— Руки вверх! — прокричал Ноздрачев.

Заморгал офицер глазами. Отскочила, словно чужая, челюсть.

— Руки вверх! — повторил Ноздрачев.

Рванулся офицер к пистолету. Но в ту же секунду разведчики скрутили фашисту руки.

Довольны матросы. В руках — добыча.

Показал Ноздрачев офицеру на сейф. Потребовал ключ у фашиста.

Заикается тот, отвечает, мол, нет ключа, у начальства ключ. Проверили разведчики у офицера карманы. Верно, нет у него ключа.

Как же быть? Может, гранатой сейф подорвать? Может, попробовать стукнуть ломом?

— Не то, не то, — понимает Ноздрачев. Смерть для разведчика, если с шумом.

Жаль уходить, не открывши сейф. Ясно: именно там приказы.

Посмотрел Ноздрачев на Митрохина, на Полякова. Подошел к железу. Плечом попробовал. Сейф тяжелый. Однако сдвинулся. Поманил Полякова, Митрохина:

— А ну, ребята!

Подхватили матросы сейф. Потащили, кряхтя под ношей.

— Вперед! — скомандовал Ноздрачев фашистскому офицеру.

Тащили, тащили металл солдаты, а затем решили: пусть-ка фашист несет. Взвалили ему на плечи. Помогают, конечно, и сами. Сейф тяжелый.

— Выше голову, выше,— командует Ноздрачев.

Так и явились они к своим.

— Язык с «приданым», язык с «приданым»,— смеялись, встречая бойцов, солдаты.

Не зря тащили разведчики сейф. Когда вскрыли, оказалось — важнейшие в нем бумаги.

Смел, находчив матрос Ноздрачев. Да не только один Ноздрачев. Под Севастополем много лихих разведчиков. Волончук, Калинин, Филин, бесстрашная девушка Ольга Химич... Поручай им любое задание. Надо — птицу в полете руками схватят. Надо — с неба ночную звезду достанут.

Иван Голубец

Дальнобойная фашистская артиллерия стреляла по Севастополю. Один из снарядов пронесся над Стрелецкой бухтой, упал и разорвался на палубе сторожевого катера. Осколок снаряда пробил бензиновый бак. Вспыхнул пожар на катере.

Не один этот катер стоял в это время в Стрелецкой бухте. Рядом — другие военные корабли.

Страшен, конечно, пожар на катере. Но еще страшнее было другое. На сторожевом катере находились глубинные бомбы. Взорвутся бомбы — разнесут не только сам катер, но и стоящие рядом военные корабли и военные объекты на берегу.

Первым пожар на катере заметил старший матрос комсомолец Иван Голубец.

«Немедленно сбросить в море бомбы, сбросить глубинные бомбы»,— заработала тревожная мысль у матроса.

Сбросить бомбы — это значит нажать на рычаги, и сбрасыватели сами, быстро и без твоих усилий освободят катер от опасного груза.

Сбросить бомбы — дело одной минуты.

Бросился Голубец на катер. Пробился сквозь огонь. Подбежал к рычагам сбрасывателей. Ухватился. Нажал. Вот сейчас рухнут бомбы.

Не сдвинулись бомбы. Лежат на месте.

Еще сильнее потянул за рычаги Голубец. Напрягся в три человеческих силы.

Бомбы лежат на месте.

Ясно теперь Голубцу: повреждены от взрыва на катере бомбосбрасыватели.

Сильнее, сильнее пожар на катере.

— Беги, беги,— что-то шепнуло матросу.

— Останься,— что-то затем сказало.

Остался Иван Голубец на палубе. Подбежал он к одной из глубинных бомб. Схватил, поднатужился. Дотащил до борта. Рухнула бомба в воду.

Бросился к новой бомбе. Вот и эта летит за борт.

Бомбы на катере разных размеров. Выбирает Голубец те из них, которые больше других, крупнее других, опаснее.

К третьей бомбе спешит матрос, к пятой, седьмой, десятой.

Все ближе, все ближе к матросу пламя. Накалился, как печка, катер.

— Быстрее, быстрее,— торопит себя Голубец.

Вот последние бомбы лежат на катере. Минута, вторая, и эти уйдут за борт.

Схватился Иван Голубец за новую бомбу. Поднял, и в это время грянул на катере взрыв. Эхом, как плачем, ответила бухта.

Погиб комсомолец Иван Голубец.

Погиб, однако успел сбросить в море самые крупные, самые опасные бомбы, уберег от взрыва соседние корабли и военные объекты на берегу.

В Севастополе, там, у моря, в Стрелецкой бухте нынче памятник Голубцу.

Мы пришли, Севастополь!

Прошло две зимы, два лета. И вот весна 1944 года. По всем фронтам идет мощное советское наступление. Фашисты разбиты под Сталинградом. Разбиты в боях под Курском. Советские войска переправились через Днепр, погнали врага на запад. Началось стремительное наступление советских войск и здесь, на юге. Сокрушив оборону фашистов, советские части ворвались в Крым. 6 мая 1944 года начался штурм Севастополя.

— Да-е-шь Севастополь!

— Сева-сто-поль!

— Дае-е-шь!

Бойцы штурмовали Сапун-гору. Поднялась гора у города, прикрыла собой Севастополь. Возьмешь Сапун-гору — и твой Севастополь.

— Да-е-шь Севастополь!

Кипит на горе сражение. Укрепили фашисты гору. Шесть линий траншей пролегли по скатам. Тысячи мин облепили склоны. Куда ни глянешь — завалы, накаты, доты. Негде ступить ногой.

Штурмуют войска вершину. Дырявят снаряды гору. Трещат завалы, накаты, доты. Железо и камень взлетают к небу. Залп за залпом, как волны в море, несут на гору потоки стали. И ярость боя крушит округу. Как адский молот, грохочут взрывы. И даже страшно: чуть взрыв сильнее ударит в гору, и та, уставши, возьмет и треснет. Расколют гору огонь и ярость. Идет сражение. И все сдается: еще минута — и воин в штурме, в победной силе, упрется в гору и гору сдвинет.

Вместе со всеми штурмовал Сапун-гору и солдат Иван Яцуненко. Хорошо, когда друзья и товарищи рядом. Легче в общей идти атаке.

Вот рядом Илья Поликахин с гранатой в руке атакует блиндаж фашистов. Вот лейтенант Михаил Головня возглавляет на дзот атаку. Вот из пулемета метким огнем разит фашистов Кузьма Масколенко. А вот парторг роты, старший сержант Евгений Смелович. Он совсем ря-

дом бежит с Яцуненко. Знамя полка в руках у Смеловича.

Обернулся на миг Яцуненко. Глянул туда, за спину, вниз со ската Сапун-горы. Видит, танки идут лавиной. Глянул в небо. На Сапун-гору обрушились советские штурмовики. «Катюши» из долины на гору смертельный пунктир послали. А там, между гор, у Балаклавы, где мелькнула полоска моря, увидел Яцуненко советские военные корабли. И черноморцы в бою со всеми.

— Сева-сто-поль!

— Да-е-шь Сева-сто-поль!

Бежит Яцуненко, разит фашистов, увлекся боем.

Вдруг, что такое? А где Смелович? Где знамя части?

Оказалось, упал Смелович. Был он ранен. Качнулось знамя. Но удержалось. Это подбежал Иван Яцуненко. Схватил он знамя.

— Давай, отважный! — кричат солдаты.

Рванулся воин туда, к вершине. Минует взрывы; обходит пули. Все выше знамя. Все ближе гребень. Прыжок олений, и ты у цели.

Поднял Иван Яцуненко знамя на вершину Сапун-горы. Заалело знамя на фоне неба.

А слева, справа другие стяги, касаясь славы, шагали к гребню.

И вот с вершины открылся город.

— Да-е-шь Сева-сто-поль!

— Мы пришли, Севастополь!

За штурм Сапун-горы и освобождение Севастополя более ста человек были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. В их числе был и солдат-знаменосец рядовой Иван Яцуненко.

Александр МЕЖИРОВ

* * *

**Человек живет на белом свете.
Где — не знаю. Суть совсем не в том.
Я — лежу в пристрелянном кювете.
Он — с мороза входит в теплый дом.**

**Человек живет на белом свете,
Он — в квартиру поднялся уже.
Я — лежу в пристрелянном кювете
На перебомбленном рубеже.**

**Человек живет на белом свете.
Он — в квартире зажигает свет.
Я — лежу в пристрелянном кювете,
Я вмерзаю в ледяной кювет.**

**Снег не тает. Губы, щеки, веки
Он засыпал. И велит дрожать...
С думой о далеком человеке
Легче до атаки мне лежать.**

**А потом подняться, разогнуться,
От кювета тело оторвать,
На ледовом поле не споткнуться
И пойти в атаку —
Воевать.**

**Я лежу в пристрелянном кювете.
Снег седой щетиной на скуле.
Где-то человек живет на свете —
На моей красавице земле!**

**Знаю, знаю — распрямлюсь да встану,
Да чрез гробовую полосу
К вражьему ощеренному стану
Смертную прохладу понесу.**

**Я лежу в пристрелянном кювете.
Я к земле сквозь тусклый лед приник...
Человек живет на белом свете —
Мой далекий отсвет! Мой двойник!**

1943 год.

★

Леонид МАРТЫНОВ

* * *

**Возвращались солдаты с войны
По железным дорогам страны,
По проселкам и по шоссе,
По траве, по весенней росе
И в горячие летние дни
Возвращались обратно они,
Повелители горных вершин,
И владетели мирных долин,
И водители сложных машин —
Возвращался народ-исполин.
Возвращался?
Нет!
Шел он вперед,
Шел вперед
Победитель-народ!**

1945 год.

Михаил СВЕТЛОВ

Когда умирают гвардейцы

Тебе не расстаться с шинелью,
Ни разу уже не раздеться...
Снега! Поднимитесь метелью,
Когда умирают гвардейцы!
Звезда боевого ночлега
Над нами мерцает, как раньше...
Трава! Поднимись из-под снега
Приветствовать наше бесстрашье!
С врагом до последнего биться
Вело нас гвардейское знамя...
Последних минут очевидцы,
Склонитесь, березы, над нами!
Идем, политруком ведомы,
К победе и смерти готовы...
Эх, жаль, что далеко до дому
И ворон — не голубь почтовый!
Подружка моя молодая,
Тебе ль оставаться вдовою?
Огонь по переднему краю!
За мною, гвардейцы! За мною!
Сибирской ночной тишиною
Покрыта Иркутская область...
За мною, гвардейцы! За мною!
На подвиг, на славу, на доблесть!
Заснежена наша избушка,
Мальчонка играет с собакой...
Гвардейцы, фашиста — на мушку!
За мною, гвардейцы, в атаку!
Мы вновь не увидимся будто...
Прощайте навеки, родные!
Предсмертной разлуке — минута,
А родине — все остальные!
Мы жили семьею счастливой,
Мы прожили век не скучая,
Гранат и снарядов разрывы
Гвардейскою шуткой встречая...
Все ближе стучат автоматы,
И танки надвинулись глухо...
Но сталь и железо, ребята,
Помягче гвардейского духа!
Друзья! Мы не будем забыты!
По капле всю кровь свою о́тдав,
Мы были почетною свитой
Союза советских народов!
Лети же, последняя пуля,
И в горло тевтонское впейся...
Бессмертье встает в карауле,
Когда умирают гвардейцы!

1942 год

★

Юлия ДРУНИНА

* * *

Я только раз видала рукопашный.
Раз — наяву. И тысячу — во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943 год.

Стихи о войне и победе ● Стихи о войне и победе ● Стихи о войне и победе

Пионерский пост номер один

Город-герой Одесса. Аллея Славы приводит вас к памятнику Неизвестному матросу. В Одессе его видно отовсюду: и с суши и с моря. Днем и ночью горит здесь Вечный огонь в память о тех, кто защищал родную землю от фашизма. Круглый год лежат у памятника живые цветы.

Одесса была освобождена от фашистов 10 апреля 1944 года. Семь лет назад в этот день у памятника был установлен пионерский пост номер один. Первый почетный караул был из лучшей пионерской дружины города — школы номер сто семь.

И с тех пор каждый день, в любую погоду стоит почетный караул у памятника.

Фоторепортаж В. АРСИРИЯ.

Рисунок Ю. КАРПОВОЙ.

Вот такой значок вручается в Польше бывшим сынам полков.

СЫНЫ ПОЛКОВ

ДОКУМЕНТЫ ВОЙНЫ

Недавно я побывала в Варшаве и здесь узнала о Ришарде Рутецком. Рассказал о нем мне Юзеф Эдуардович Червинский, не старый еще человек, очень подвижный и веселый. На черном его кителе много орденских колодок: медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Партизанский «Крест храбрых», орден «Возрождения Польши». И еще один значок: орел, держащий барабан, а внизу слова: «Сын полка». Людей, носящих этот значок, в Польше больше тысячи.

Сейчас Юзеф Эдуардович преподаватель военно-политической академии имени Дзержинского в Варшаве.

Когда началась война, Юзеф жил в Западной Украине. Западную Украину временно оккупировали фашисты, и Юзеф ушел в объединенный отряд польских и советских партизан. Тогда ему было пятнадцать лет.

В мае 1944 года партизанский отряд прорывается через линию фронта и вливается в 1-ю Польскую армию. Юзеф воюет против фашистов в Первой пехотной дивизии имени Костюшко, участвует в освобождении Варшавы. В Варшаве он и познакомился с Ришардом Рутецким. Вот как это было.

Отступая от Варшавы, гитлеровцы превратили ее в груду обуглившихся развалин. Уцелевшие от жестоких бомбежек и взрывов дома почернели от копоти.

Когда солдаты проходили мимо одного такого дома, они услышали стоны, доносившиеся из подвала. Сержант Эдвард Дуда спустился в подвал и увидел там людей. Их было шестеро. Скрываясь от фашистов, они просидели в подвале сто тридцать дней. Сто тридцать дней без всякой надежды на спасение. Они ослабели, не могли стоять на ногах, не могли говорить.

Такое удостоверение выдавало во время войны Войско Польское сынам полков.

WOJSKO POLSKIE
-SZTAB GŁÓWNY

Okaziciel niniejszego sierż. Sulajnis Henryk pełni służbę w Wojsku Polskim - Sztabie Głównym.-

Własnoręczny podpis:

ПОЛЬСКОЕ ВОЙСКО
ГЛАВНЫЙ ШТАБ

Предъявитель сего гражд. Суляйнис Генрих состоит на военной службе П.В.- Главному Штабе.-

Одним из шестерых был десятилетний малыш Ришард Рутецкий. Родители его погибли, и бойцы решили взять мальчика к себе. Они выходили его. Когда Ришард поправился и окреп, ему выдали полное солдатское обмундирование, и он стал связным при штабе дивизии.

Дивизия Костюшко шла на запад. Червинский долго не встречал Ришарда. Однажды только дошла до него весточка, что за форсирование Одера Ришарду присвоили звание ефрейтора.

Встретились друзья в Берлине. Как-то командир послал Червинского с пакетом в штаб дивизии. И вдруг во дворе штаба он увидел Рише (так звали его товарищи). Ефрейтор Рутецкий вел на допрос здоровенного гитлеровца.

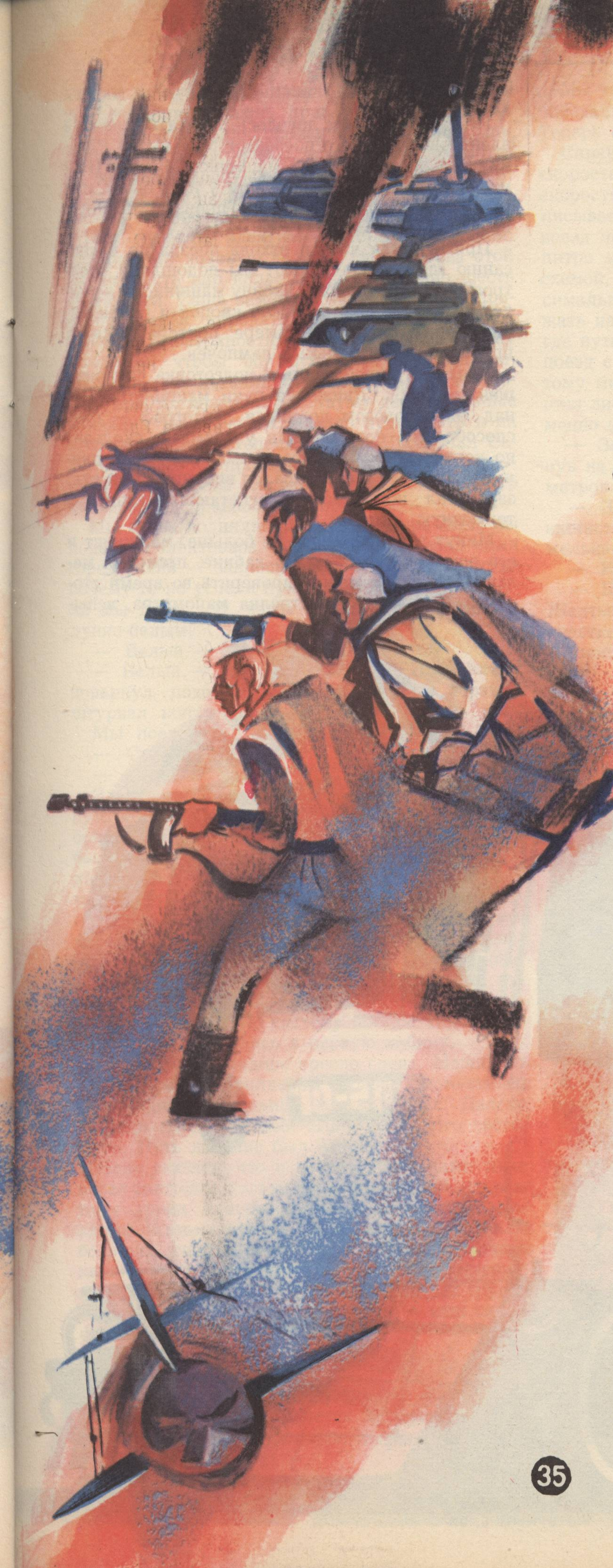
Сейчас Ришард Рутецкий живет в Гданьске, работает на судостроительном заводе. В прошлом году завод спустил на воду корабль «Сын полка». На этот праздник приезжали бывшие сыны полков со всей Польши. И снова здесь встретились фронтовые друзья.

Н. ЕЛИСТРАТОВА
Варшава — Москва

Юзеф Червинский, боец Войска Польского. Он сфотографировался в день своего шестнадцатилетия.

К. СИМОНОВ

* * *

Майор привез
мальчишку на лафете.
Погибла мать.
Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.
Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось,
что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.
Отец был ранен,
и разбита пушка.
Привязанный к щиту,
чтоб не упал,
Прижав к груди
заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.
Мы шли ему навстречу
из России.
Проснувшись,
он махал войскам рукой...
Ты говоришь,
что есть еще другие,
Что я там был
и мне пора домой...
Ты это горе
знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел
этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.
Я должен видеть
теми же глазами,
Которыми я плакал там,
в пыли,
Как тот мальчишка
возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.
За все, чем мы с тобою
дорожили,
Призвал нас к бою
воинский закон.
Теперь мой дом не там,
где прежде жили,
А там,
где отнят у мальчишки он.
За тридевять земель, в горах Урала,
Твой мальчик спит.
Испытанный судьбой,
Я верю: мы во что бы то ни стало
В конце концов
увидимся с тобой.
Но если нет, когда наступит дата
Ему, как мне, идти в такие дни,
Вслед за отцом,
по праву, как солдата,
Прощаясь с ним, меня ты помяни.

1941 год.

Юрий СОТНИК

Зеленый свет

Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

ГОТОВИМСЯ В ПУТЬ

Не так давно мне довелось проехать в кабине электровоза скорого поезда от Москвы до Рязани. Вел поезд опытный машинист Михаил Иванович Сиделев, а помощником у него был Саша Абрамов, проходивший свою производственную практику.

Примерно за час до отхода поезда по расписанию (дело было ночью) мы подошли к электровозу. Поднявшись в кабину машиниста, я увидел там несколько десятков кнопок и ручек управления и по крайней мере полтора десятка приборов и контрольных лампочек.

Начались опробование и подготовка сложнейшей машины. Движение руки машиниста — и над электровозом поднялся пантограф — приспособление, которое, как у трамвая, скользит по контактному проводу, снимая ток. Еще движение руки — и послышался вибрирующий гул: заработал компрессор, нагнетающий воздух в тормозную систему.

Минут двадцать, если не больше, машинист и его помощник работали в кабине, проверяя механизмы, какие можно проверить во время стоянки. Ползла вверх стрелка манометра, вспы-

хивали на пульте лампочки, указывающие, какой механизм, какой прибор в данное время включен. Закончили проверкой песочницы, подающей песок на рельсы, если колеса локомотива начинают пробуксовывать. После этого Михаил Иванович опустил пантограф, и Саша сошел из кабины на землю. Я последовал за ним.

Под кузовом электровоза горели лампочки, освещая его ходовую часть. У локомотива этой марки шесть пар колес и соответственно шесть двигателей. Саша осмотрел каждое колесо, проверил, каков «прокат» у него, то есть каков износ его поверхности, затем стукнул по нему молотком, чтобы по звуку определить, не появились ли в металле трещины. На каждое колесо при торможении действуют две тормозные колодки. Их тоже надо было простучать и на глаз определить степень износа. Простучал Саша все рессоры, проверил, нет ли утечки воздуха из тормозной системы, и закончил осмотр проверкой исправности автосцепки.

Мы снова поднялись в кабину. Пора было бы подавать электровоз под состав, но перед нами горел синий — запрещающий — сигнал. Состав почему-то не успели приготовить вовремя. Ждали мы долго. И вдруг синий огонь сменился лунно-белым.

— Белый,— сказал Саша.

— Белый,— повторил Михаил Иванович и повернул похожий на автомобильную баранку штурвал контроллера.

Мы поехали.

— Стрелки наши,— сказал Саша.

— Стрелки наши,— подтвердил машинист.

Электровоз перешел по стрелкам на другой путь и остановился. По узенькому коридору мы бочком перебрались в другую кабину, где все было устроено точно так же, как в первой, и двинулись к ожидавшему нас поезду. В двух метрах от него Михаил Иванович остановил локомотив, Саша спустился на землю. Электровоз очень медленно приблизился к первому вагону. Легкий толчок... Что-то щелкнуло. Саша проверил, как сработала автосцепка, и соединил рукава, по которым сжатый воздух идет от локомотива в тормозную систему поезда. После этого мы трое вернулись в первую кабину.

Саша сел в складное кресло слева. Машинист сидел перед контроллером справа, я поместился на откидном сиденьице между ними. Далеко впереди горел красный огонь выходного светофора. Путь для нас был закрыт.

Надо сказать, что в кабине перед нами тоже висел светофор, только очень маленький, и в нем тоже горел красный огонь. Наш светофор-малютка автоматически повторял все сигналы больших светофоров. Михаил Иванович очень хвалил это сравнительно недавнее изобретение: во время тумана или снегопада иной раз трудно разглядеть, что делается вдали, а наш светофорчик всегда перед глазами.

ЕДЕМ

— Зеленый! — вдруг объявляет Саша.

— Зеленый,— отзывается Михаил Иванович и поворачивает контроллер.

Мы трогаемся в путь. Трогаемся с опозданием на тридцать пять минут. Теперь задача — нагнать время. Но...

Справа от машиниста расположен скоростемер. Этот прибор не только указывает скорость поезда в данный момент, но еще и записывает на специальной ленте, как быстро шел поезд на определенном участке пути. А на пюпитре перед Сашей лежат большие листы со схемой, на которой точно указано, какую максимальную скорость машинист имеет право держать на том или ином участке. Мало того: кое-где путь ремонтируется и по нему опасно вести поезд с обозначенной на схеме скоростью. Поэтому машинисту перед каждой поездкой вручается листок, где скорость в опасных местах временно ограничивается еще больше.

— Зеленый,— снова говорит Саша и, взглянув на схему, добавляет: — Скорость сто километров.

— Зеленый. Скорость сто,— повторяет машинист, и бетонные мачты по краям полотна мелькают все чаще.

— Желтый,— объявляет Саша.

— Желтый! — Машинист сбавляет скорость. Желтый свет предупреждает, что на следующем участке путь занят.

Иногда желтые светофоры тянутся слишком долго. Слева от помощника висит маленький радиопередатчик. Саша снимает с него трубку, нажимает кнопку.

— Диспетчер Раменского!

Под потолком кабины висит динамик. Из него раздается голос:

— Диспетчер Раменского слушает.

— Говорит сто сорок второй. Что там нас держит: грузовой? Вы не поставите его на запасной?

— Ставлю уже.

В кабине машиниста — Алеша Мелехин.

В ПТУ ребята становятся мастерами на все руки. Володя Климанов занимается изготовлением компостера.

Мы проходим мимо станции, где на запасном пути стоит грузовой поезд. Он нас пропускает, казалось бы, теперь можно снова нагонять упущенное время. Не тут-то было!

— Начало опасного пути,— объявляет Саша.— Скорость пятьдесят.

— Начало опасного пути. Пятьдесят.

Километра три тащимся, теряя драгоценное время.

— Конец опасного пути. Зеленый.

На этот раз нам везет. Один зеленый светофор сменяется другим, и скорость на этом участке допускается большая.

— Двенадцать минут уже нагнали... Теперь семнадцать... Двадцать две нагнали...

Навстречу нам проносятся поезда, идущие к Москве (у них нечетные номера). Машинист и помощник внимательно приглядываются к ним.

Изучают схему пантографа.

Когда встречный состав проходит, машинист встает, опускает стекло своего окна и секунду смотрит поезду вслед. Потом Саша берет трубку своей рации.

— Пассажирский нечетный! К вам замечаний нет. Сигнальные огни горят. Счастливого пути!

В ответ из динамика слышится голос:

— У вас тоже без замечаний. Сигналы в порядке. Счастливо!

Так машинисты помогают друг другу. В пути с составом могут случиться какие-нибудь неполадки. Может, например, оказаться прижатой к колесу тормозная колодка, хотя автотормоза отпущены. Тогда от трения летят снопы искр, изнашиваются и колодка и колесо. Могут почему-либо погаснуть сигнальные огни хвостового вагона. Все это легче заметить со встречного поезда.

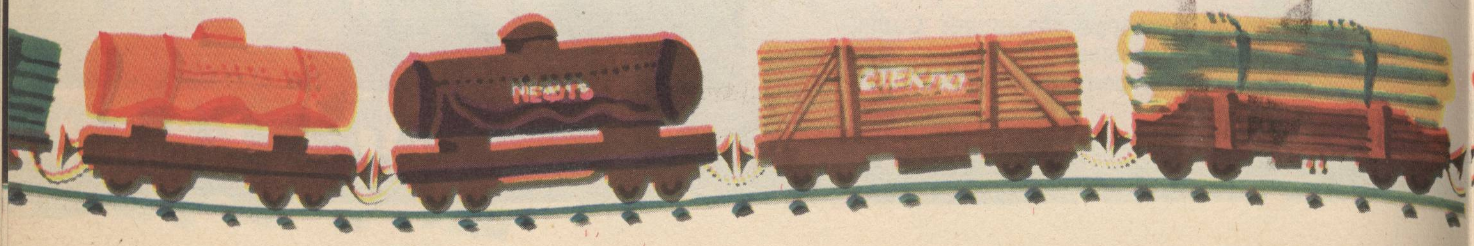

Вот так мы мчались сквозь ночь, а у нас за спиной в вагонах мирно спали сотни пассажиров.

Ну, а что случится, если машинист почему-либо проедет красный светофор? Мгновенно сработает автостоп, поезд остановится, и скоростемер запишет остановку. Пусть даже не случится никакой аварии, машинист будет очень строго наказан.

На всем пути за поездом следят тысячи автоматов. И они не только готовы предотвратить опасность, они даже умеют проверить, насколько бдителен машинист: каждый раз, когда мы проезжали желтый светофор, в кабине раздавался пронзительный свисток, и Михаил Иванович нажимал на «рукоятку бдительности». Если он не сделает этого в течение семи секунд после свистка, тоже сработает автостоп, даже в том случае, если никакая опасность не грозит. Просто автомат «поймет», что машинист утратил бдительность и поезд надо остановить.

Но ведь случается, что и автоматика выходит из строя. Тогда как? Каждый раз, проезжая мимо станции, то машинист, то помощник вставал, опускал раму окна и выглядывал наружу. Если помещение дежурного по станции было справа от поезда, это делал Михаил Иванович, если слева — Саша. Так они давали знать дежурному, что они бодрствуют, что они начеку.

И вот наконец Рязань. Мы прибыли точно по расписанию.

Скорый поезд Москва — Алма-Ата, который вели Михаил Иванович и Саша, ушел дальше с другим электровозом, а мы пошли в дом отдыха локомотивных бригад, где нас ждали столовая, работающая круглые сутки, и уютные спальни.

ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ЛОДЫРЬ!

До поездки в Рязань я представлял себе помощника машиниста этаким малоквалифицированным подмастерьем, выполняющим самую простую работу. Теперь я понял что его можно сравнить со вторым пилотом самолета.

Чтобы узнать, как готовят помощников машинистов, я отправился в училище, которое заканчивает в этом году Саша. Находится оно в Москве и называется так: «Среднее профессионально-техническое училище железнодорожников № 129, лауреат премии Ленинского комсомола».

Здесь готовят железнодорожников разных специальностей. Но больше всего училище выпускает помощников машинистов, поэтому я и буду говорить главным образом о них.

Была перемена, когда я впервые попал сюда. В вестибюле и в коридорах большого современного здания болтали, смеялись и дурачились сотни юношей в возрасте старшеклассников средней школы или студентов младших курсов. И хотя они вели себя не ахти как солидно (как и полагается на перемене), я отметил их внешнюю подтянутость: на каждом форменный китель, у каждого воротничок, галстук, каждый аккуратно и модно подстрижен.

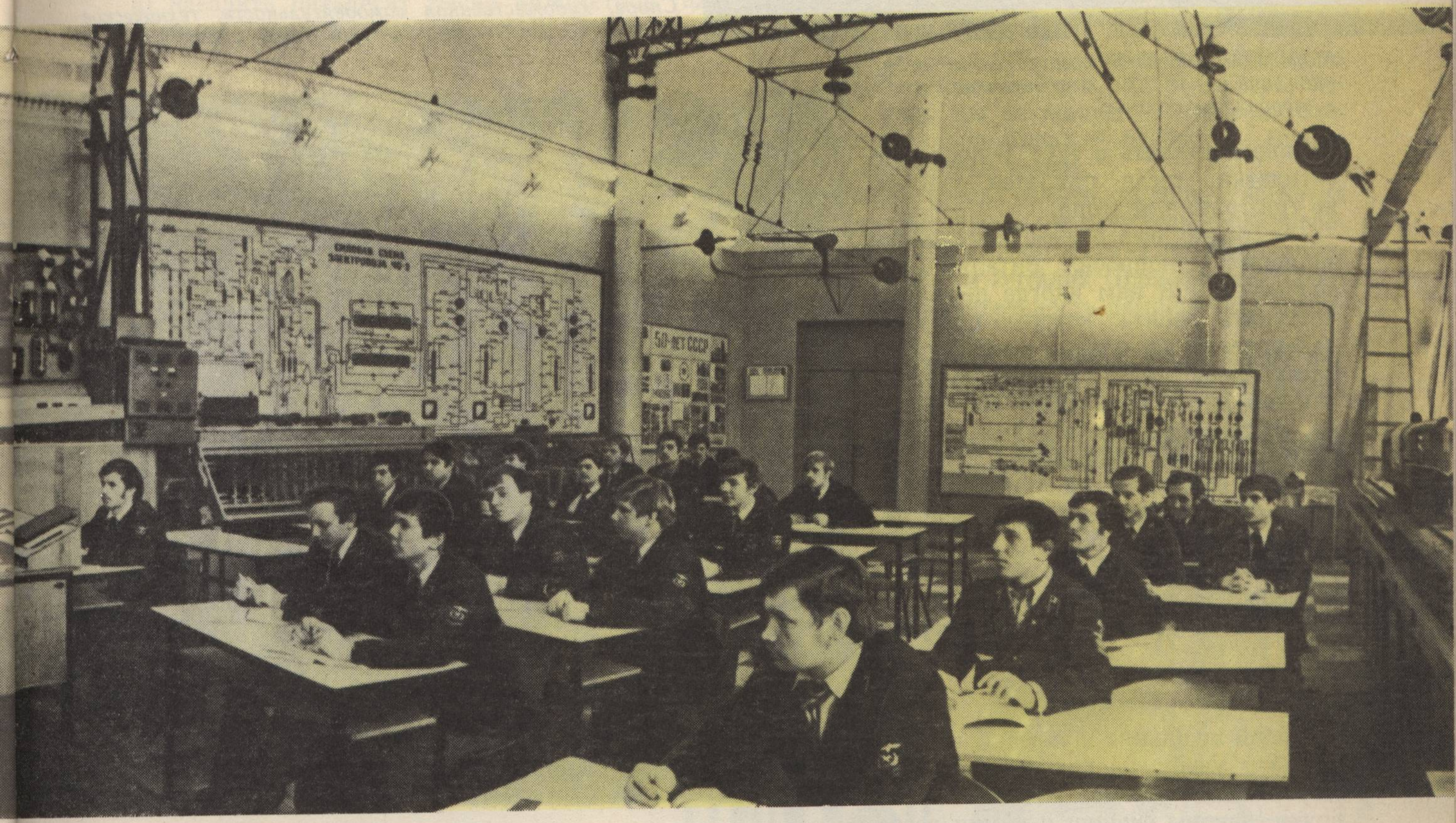
Чуть позднее я познакомился с директором училища заслуженным учителем профтехобразования, почетным железнодорожником Виталием Прокофьевичем Назимовым. Он мне сказал:

— Вступительных экзаменов у нас нет. Прежде всего мы интересуемся школьными отметками ребят. Но с каждым поступающим приемная комиссия проводит беседу. Педагоги стараются узнать, насколько серьезен его выбор и обладает ли он нужными качествами, чтобы работать помощником машиниста. Даже внешний вид для нас имеет немалое значение. Если парень неряшливо одет, можно предполагать, что он и внутренне разболтан, а такие нам не нужны.

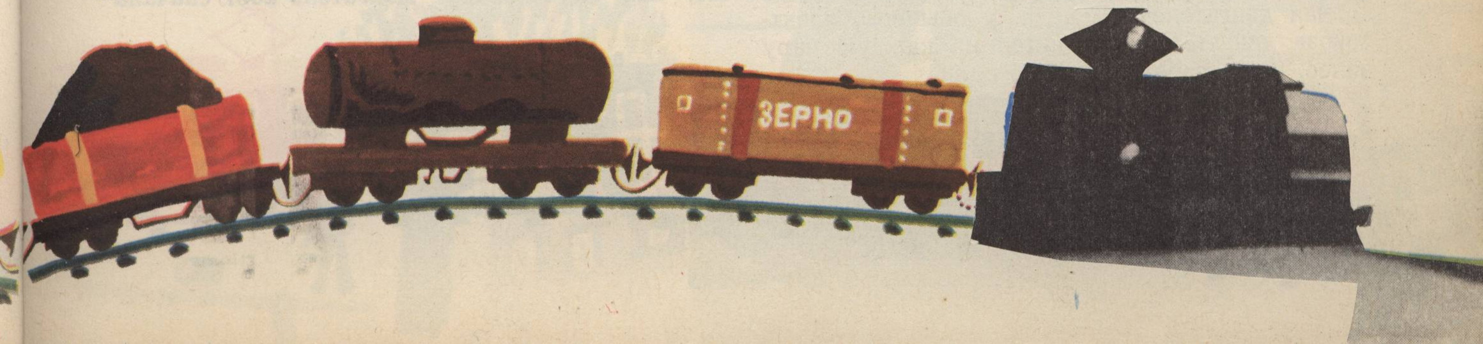
Да! Я не мог себе представить неряху или пижона на месте Саши Абрамова.

— Кто может поступить в училище?

Виталий Прокофьевич сказал, что сюда принимают ребят, окончивших восемь классов.

В этой лаборатории ребята знакомятся с устройством электровоза и контактной сети.

Модели локомотивов, изготовленные ребятами, побывали и на ВДНХ и на выставках в зарубежных странах.

Можно поступить в ПТУ и после десятилетки, тогда придется учиться не три года, а полтора.

— Только вот о чем обязательно напишите, — попросил Виталий Прокофьевич. — К нам иногда пытаются поступить ребята, которые с трудом переползают из класса в класс. Они рассуждают примерно так: «Дотяну как-нибудь до окончания восьмилетки, а там подамся в ПТУ». Таких ребят мы не принимаем, а если и проберется какой-нибудь, то очень быстро отсеивается. У нас нагрузка примерно в полтора раза больше, чем в обычной школе: все общеобразовательные предметы в объеме десятилетки да еще специальные.

ЭЛЕКТРОВОЗ В ЛАБОРАТОРИИ

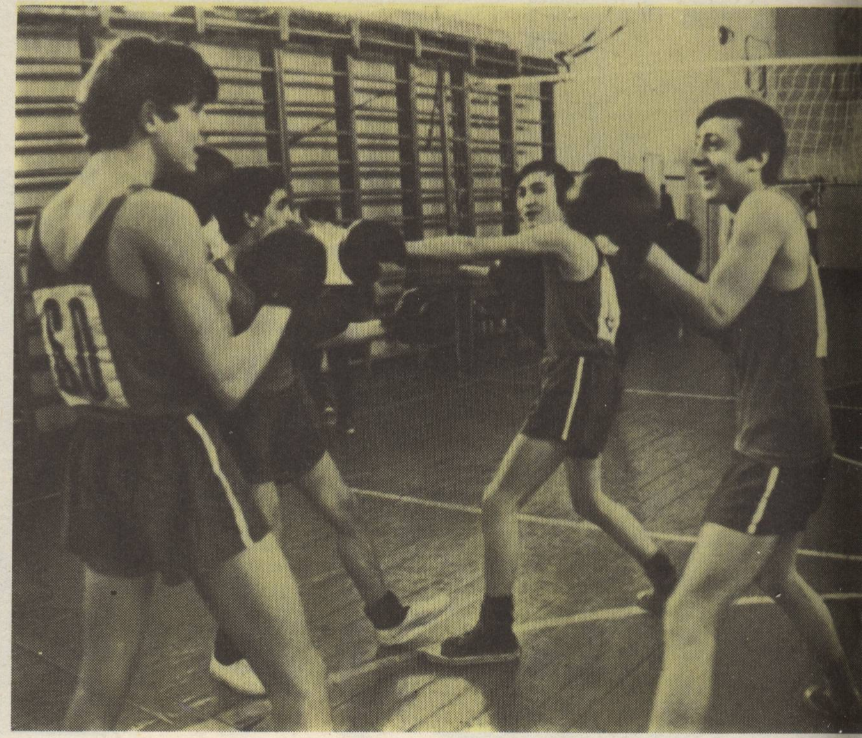
Любой школьник понимает, как облегчают учебу наглядные пособия. Первоклашкам помогают счетные палочки, законы физики и химии легче усвоить с помощью приборов, которые дадут вам возможность произвести опыты. Вот такими наглядными пособиями очень щедро оборудовано ПТУ № 129. К сожалению, я не могу здесь рассказать обо всем. Остановлюсь лишь на описании одной лаборатории.

Перед поездкой в Рязань, перебираясь по узенькому коридорчику из кабины в кабину, я тщетно пытался разглядеть огражденные решеткой механизмы электровоза, но так и не понял, что к чему. А здесь передо мной расположился весь электровоз, только без кузова. Электровоз раздетый, если можно так выразиться. Здесь рядом со столами учащихся и вдоль задней стены смонтированы все механизмы электровоза, начиная от пульта управления и кончая двигателем. Правда, у обычного электровоза двигател... ографь ...дится на каждую пару колес, а ... рабо... ...о один.

Те из вас, кто пытался построить хотя бы самый простенький приемник, знают, что научиться читать радиосхему не так-то уж легко. А каково будущему помощнику машиниста, которому надо разобраться в схеме электровоза! Но в лаборатории за несколько секунд можно посмотреть на любой прибор в действии и тут же увидеть его место на схеме.

Вот преподаватель спецтехнологии электровозов Владимир Филиппович Бобух приглашает одного из учащихся к пульту управления и предлагает «совершить поездку».

Спорт, художественная самодеятельность, техническое творчество заполняют свободное время ребят.

— Итак, с чего вы начинаете?

— Включаю «ВУ».

«ВУ» — это включатель управления. Юноша поворачивает рукоятку маленького прибора. Над классной доской висит световое табло, и на нем вспыхивают разноцветные значки и линии. Ребята видят, как включилась система управления, «нервная система» электровоза.

— Так! Дальше что вы делаете?

А потом подымается пантограф, и светящаяся схема показывает, что электровоз находится под высоким напряжением, потом раздается дрожащий гул компрессора и на схеме появляется новый светящийся элемент... А потом за спиной ребят взвывает двигатель, и все видят на схеме, как он включен. Двигатель воет сначала

низким голосом, затем все более высоким, набирая обороты. Электровоз «отправляется в путь».

А ЧТО ДАЛЬШЕ?

Повторяю: я не рассказал об очень многом. Не рассказал о спортсменах училища, о его художественной самодеятельности. Но я предвижу вопрос, который вы мне можете задать: «Ну, а что будет дальше с человеком, который окончил ПТУ?»

На этот вопрос обязательно надо ответить.

Чтобы стать, например, машинистом, помощнику машиниста нужно:

а) наездить пятьдесят тысяч километров (на это обычно уходит около двух лет);

б) проявить хорошее знание специальности, деловитость, дисциплинированность;

в) пройти шестимесячные курсы подготовки машинистов.

— Ну, а что дальше? — спросят меня.

Некоторые считают, что, если сразу после десятилетки не попал в вуз, «карьера» погибла, человек на всю жизнь неудачник.

На эту тему я говорил с Толей Мироновым, поступившим минувшей осенью

на первый курс. Толя мечтал стать летчиком, как и его отец, но эта мечта не сбылась: на медицинской комиссии летного училища Толя чуть-чуть «не дотянул». Теперь передаю слово Толе.

— Ну, родители, близкие стали меня уговаривать: «Поступай, мол, в вуз, получай высшее образование». А куда поступать, если тогда я еще не определил, какая специальность, кроме летной, меня интересует? Поступать только, чтобы получить диплом? Вдруг через пять-шесть лет учебы я пойму, что мне не по нутру выбранная специальность! А тут еще мой друг любит повторять такую фразу: «Лучше быть хорошим слесарем, чем посредственным ученым». Как раз в это время я узнал о наборе в ПТУ № 129, и работа помощника машиниста меня заинтересовала. Уговорил родителей, поступил. Сейчас мы не жалеем — ни родители, ни я. А что дальше будет — разберусь. Впереди как-никак целая жизнь.

И правда, в стенах самого училища я встретил людей, которые отнюдь не погубили свою жизнь оттого, что со школьной скамьи не пошли прямо в вуз. Да и сам Виталий Прокофьевич начал свою трудовую деятельность помощником машиниста.

Виталий Прокофьевич назвал мне много известных людей, вышедших в свое время из стен училища.

Как видите, перед выпускниками ПТУ на светофоре — зеленый свет.

Помощник машиниста Борис Башлыков.

В мае исполняется пятьдесят лет Монгольской пионерской организации. С тобой говорит товарищ Ш. ДОРЖПАГМА, председатель Центрального совета Монгольской пионерской организации имени Д. Сухэ-Батора.

Имени Сухэ-Батора

Рано утром 8 мая 1925 года у парадного входа дома, где помещался тогда Центральный Комитет Монгольского революционного союза молодежи, построились мальчики и девочки, одетые в одинаковые белые рубашки, с красными галстуками на груди. Пятьдесят один человек. Ребята дали торжественную клятву: «Быть всегда верными делу партии и народа». День 8 мая 1925 года и считается днем рождения Монгольской пионерской организации.

Одним из создателей пионерской организации был Дашдоржийн Нацагдорж, писатель и поэт. Он вместе со своими соратниками сделал проект пионерской формы, написал слова пионерской клятвы и пионерскую песню, разработал устав организации. Первые пионеры вставали на трудовые вахты, выступали с революционными спектаклями и сатирическими сценками, высмеивающими монгольских феодалов и буддийских монахов.

Сейчас пионерская организация Монголии объединяет двести пятьдесят тысяч мальчиков и девочек.

Пионеры участвуют в олимпиадах по физике, математике и литературе, занимаются в кружках. Каждый год в ноябре проходит «Декада книги» — любимый праздник ребят. Работает в Улан-Баторе Дворец монгольских пионеров. Существует пионерское спортивное общество «Залгамжлагч» («Смена»).

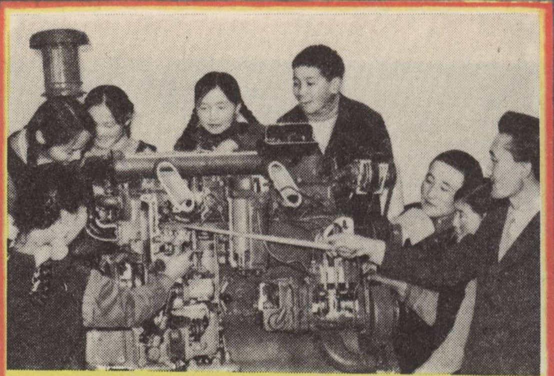
Пионеры проводят трудовые рейды, они сберегли для страны десятки тысяч тугриков. Помогая скотоводам, ребята учатся работать: доить коров, объез-

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Значок монгольского пионера.

Монгольские ребята увлекаются техническим творчеством.

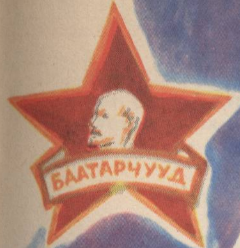

Этот значок носят на груди лучшие вожатые.

Награда для лучших спортсменов.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

Значок баторовца.

Эту медаль вручают победителям смотра художественной самодеятельности.

Медаль пионерской организации бывает золотая, серебряная и бронзовая.

Значок «За пять отличий».

На концертах художественной самодеятельности ребята любят исполнять народные песни.

Красный флаг Монгольской пионерской организации имени Сухэ-Батора.

жать лошадей. Имена многих пионеров занесены в список прославленных людей страны: одни из них были удостоены звания героев труда, другие награждены медалью «За благородный поступок», третьи стали чемпионами в спортивных соревнованиях.

В 1963 году состоялся первый слет монгольских пионеров. На своих слетах ребята подводят итоги работы, думают, намечают, чем будут заниматься в будущем. В день сорокалетия Монгольской пионерской организации она была награждена высшей правительственной наградой орденом Сухэ-Батора, ей присвоили имя вождя народной революции Сухэ-Батора. Это событие было большой радостью для всех юных сухэбаторовцев.

На III слете в 1973 году они решили достойно встретить свой пятидесятилетний юбилей — провести республиканский пионерский поход «Подрастающее поколение» по маршрутам «Защищаем честь пионерской организации», «Труд, слава, подвиг», «Хорошие дела», «Пионер — всем ребятам пример», «В здоровом теле — здоровый дух». Сейчас ребята завершают поход, который помог им достигнуть больших успехов в труде и учебе.

Монгольские пионеры — давние друзья пионеров Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны сухэбаторовцы собрали в помощь Советской Армии около двадцати тысяч тугриков. В одной из танковых колонн во время войны шла боевая машина с надписью «Пионерия Монголии». И сейчас монгольские пионеры, постоянные гости советских ребят, часто отдыхают в Артеке. У себя на родине они принимают гостей из всех социалистических стран.

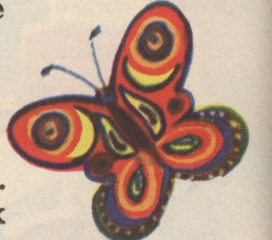
Восьмого мая лучшие пионерские отряды Монголии соберутся в «городе Красного богатыря» — Улан-Баторе, на центральной площади. Они сдадут рапорт о пройденном походе «Подрастающее поколение». Лучшие из лучших произнесут традиционную клятву верности народу и партии. Сухэбаторовцы достойно выполняют свою задачу — они резерв ревсомола, боевого помощника Монгольской Народной Революционной партии!

Из письма Оли ИГНАТОВОЙ, восьмиклассницы со станции Маслянская, Тюменской области: «Вот уж сколько раз видела я восход солнца, а все равно каждый раз сердце замирает».

СОЛНЦЕ

Огромное, теплое,
близкое
Солнце на небе взошло.
Зову его: «Солнышко,
милое!»
Доверчиво в руки
пошло.
Держу его на ладошках
И слова не смею
сказать...
Скорее бегу по
дорожке —
Всем чудо свое показать!

Але ГВОЗДЕВОЙ 9 лет, она учится в третьем классе. Аля любит писать стихи и играть в хоккей. Живет она в деревне Иковская, Курганской области. «Я не была в Москве и не видела Мавзолея, — пишет Аля, — но я читала про Ленина книжку и сочинила стихотворение «Елочка у Мавзолея».

ЕЛОЧКА У МАВЗОЛЕЯ

У Мавзолея стройная и
юная
Она стоит и шепчет:
«Я расту».
Зимой и летом вся
зеленая,
И днем и ночью — на
посту...

Эти стихи прислала нам четвероклассница Инна ЛЕВИНА из Харькова.

ПЕРВОМУ МАЯ — УРА!

Реют знамена,
Трубы играют.
Бьют барабаны,
Колонны идут.
Колонны идут,
В колоннах поют,
Красное знамя
Колонны несут!

Виталию ЧЕРНИКОВУ 15 лет, живет он в Калуге. Наверно, он хочет стать моряком: пока он пишет «морские» стихи.

КОРАБЛЬ

Старинный корабль,
морями просоленный,
У старого дока стоит
непросмоленный.
И бьются в борта его
волны, вздыхая.
О прошлых сражениях
он вспоминает,
О море безбрежном,
жестоких штормах,
О славных матросах,
погибших в боях.

*

Ирина ЗИЛЬБЕРМАН живет в городе Новая Каховка, учится в шестом классе.

МАЙСКИЙ ДОЖДЬ

Майский дождь полил с
небес,
По́лил поле, по́лил лес,
По́лил город и село,
И кругом все зацвело.

Больше дождик лить не
стал.
— Майский дождик, ты
устал?
Вот беда!
— Не беда:
Просто кончилась вода.

*

Стихотворение Оли РАЙКОВОЙ, пятиклассницы из Липецка.

* * *

Ветер, ласковый ветер!
Расскажи нам лесные
сказки...
Расскажи, как оленьей
тропою
Ходят весной к водопою
Оленята за мамой.
Оленята
С белым пятном на
хвостике.
Белохвостики...
Дети лесной тишины...

Люба СИЛАНТЬЕВА из Степногорска, Целиноградской области, учится сразу в двух школах: в обычной и в музыкальной. Это стихотворение она сочинила после концерта в музыкальной школе. Любе 14 лет.

СКРИПАЧ

Как-то на концерте
Темный весь, как грач,
Выступал на сцене
Маленький скрипач.

С первых взятых ноток
Сразу замер зал.
А скрипач не слышал —
Он играл, играл...

Скрипка вдруг умолкла.
В зале все молчат.
А глаза мальчишки
Радостно блестят.

Перевел дыханье,
Скрипку опустил,
Поклониться даже
Тот скрипач забыл.

Он ушел со сцены,
Он не ждал наград.
Просто выступленью
Он был очень рад.

Аида КУТАРБА живет в Абхазии, в городе Очамчире, ей 15 лет. Летом она гостит у бабушки в горном селе. Порой к бабушке съезжается много родственников. «Наша семья интернациональная,—пишет Аида.— Моя мама — грузинка, папа — абхазец, одна бабушка—полячка, а другая—абхазка. Когда мы все вместе собираемся, то говорим и поем по-русски, по-польски, по-абхазски». Аида очень любит свою бабушку, свою нана. Она написала о ней рассказ.

МОЯ НАНА

Моя нана склоняется над пышущей жаром мамалыгой и быстро помешивает ее. По ее морщинистому лицу скатываются капли пота. Она улыбается. Я смотрю на нее и удивляюсь, какая она быстрая и проворная. Но вдруг она застывает, словно окаменев. Я знаю: это она вспомнила дедушку, который погиб на войне. Даже запах пригоревшей мамалыги не может оторвать ее от горьких дум, и я снимаю мамалыгу с огня, обнимаю мою нана и глажу ее руки.

Руки ее шершавые, покрыты многочисленными порезами. А когда нана доит корову, то теплое, чуть синеватое молоко по этим порезам сбегает в подойник. Я беру из ее рук кувшин, пью молоко, и мне кажется, что оно пахнет всеми цветами лугов наших.

Моя добрая, ласковая нана! Как хорошо, когда ты рядом!

Владислав КРАПИВИН,
лауреат премии Ленинского комсомола.

ПОВЕСТЬ

Рисунки С. ТРОФИМОВА и А. ГРИШИНА.

ФЛАГ-

I

Сережа проснулся со смутной тревогой. Словно грозили какие-то неприятности. Какие? Он постарался сообразить.

Кажется, все в порядке. Вчера проявили пленку, на которую снимали драку в таверне «Жареный петух»,— мушкетеры против гвардейцев. Получилось так, что даже сдержанный Олег улыбался весь вечер.

Может быть, что-то со Стаськой? Отец у него уехал куда-то, а сам Стасик скорее всего ночует у Лесниковых: ему нравится, а мать не запрещает.

С оценками тоже все нормально, даже за контрольную по физике четверка.

Что еще?

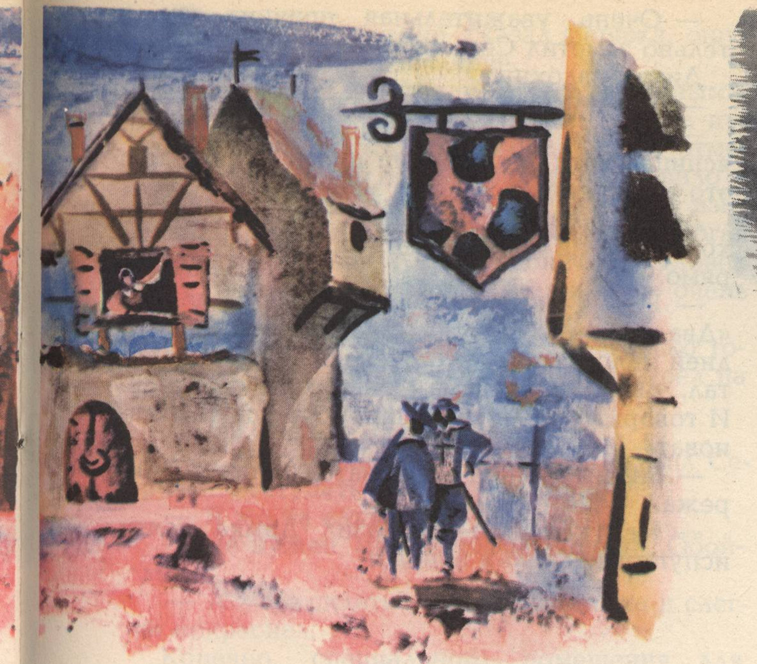
Татьяна Михайловна звонила отцу, чтобы зашел в школу. Татьяне Михайловне кажется, что он, Сережка, слишком часто лезет на рожон. Где надо и где не надо. Это уже не первый разговор. Но сам-то Сережа знает, что не часто. Лишь там, где надо. И с отцом они понимают друг друга.

Сережа спустил с постели ноги и громко сказал:

— Нок!

Застукали по паркету когти, и косматая голова сунулась в дверь.

— Здрасте, ваше лохматое высочество,— сказал Сережа,— гуляли?

КАПИТАНЫ

Последняя часть трилогии. Первая часть, «Всадники на станции Роса», печаталась в «Пионере» в 1973 году (№№ 5—7), вторая, «Мальчик со шпагой»,— в 1974 году (№№ 3—6).

Нок всем видом показал, что и рад бы, да не пускают.

Сережа глянул на будильник.

— Я отпущу. Только на десять минут, а то обоим попадет. Понял?

Нок изобразил удовольствие и послушание.

Выпускать Нока одного не полагалось: мало ли что может случиться. Но у Сережи для прогулки не было времени.

Он выпустил пса, рванул со стены шпагу, тремя свистящими взмахами посшибал на пол спичечные коробки, которые еще вечером расставил на столе и спинках стульев. Потом сделал несколько торопливых отжиманий и приседаний.

Отдышался, прикинул в уме: много ли уроков? Кроме алгебры, все сделаны. С алгеброй можно управиться на вахте. Сегодня занятий в отряде нет, работы у вахтенного командира немного.

Сережа крикнул в открытую форточку:

— Нок, домой! — И стал натягивать форменную рубашку.

Тревога слегка улеглась. Но совсем не исчезла.

Неприятности пошли с самого начала вахты. Прежде всего он целых пять минут искал под порогом ключ. Безголовый Андрюшка Гарц запихал его вчера в самый угол тайника и присыпал мусором.

Потом Сережа обломал ногти, пытаясь открыть окно. Рама разбухла и не поддавалась. Сережа стал искать глазами подходящую железяку. В углу кают-компании на широкой тумбочке стоял Сережин рыцарский замок из пенопласта. Его принесли сюда для съемок. Холм, на котором возвышались башни и стены, был сделан из папье-маше. Для прочности внутрь этого холма ребята вставили крест-накрест упругие обломки рапирных клинков.

Сережа приподнял макет, вынул один обломок и снова подступил к оконной створке.

Домоуправление никак не хотело отключить лишние батареи, и в комнатах «Эспады» всегда стояла влажная жара. В самые лютые зимние дни ребята здесь занимались в летней форме. Но и это не спасало, приходилось распахивать окна. Проветрить помещение — это была первая обязанность каждой вахты.

Наконец створка поддалась, и морозными глыбами ввалился в окно февральский воздух.

Сережа передохнул и посмотрел на часы.

Вот тут-то и начались главные неприятности. Оказалось, что старые отрядные ходики, которые притащили в «Эспаду» братья Воронины, показывают уже четверть десятого. А Димки нет. Помощник вахтенного командира, барабанщик «Эспады» Дмитрий Соломин не изволил явиться на дежурство.

«Ну, подожди же...» — сердито и беспомощно подумал Сережа.

Сердито, потому что опоздание на вахту — штука серьезная, ненаглядный Димочка выкидывает этот фокус уже третий раз. Беспомощно — потому, что устроить помощнику заслуженную нахлобучку Сережа никак не решался. Все-таки это же Димка.

Появился Димка только в половине десятого. Грохнула наружная дверь, потом в раздевалке послышалась торопливая возня: Димка освобождался от зимней амуниции. Наконец он появился в кают-компании, слегка взлохмаченный, розовый от мороза. На ходу протянул в петли белый ремень, щелкнул пряжкой и встал перед Сережей, виновато махая желтыми ресницами.

— Ну? — сказал Сережа.

Димка опустил нос, пальцами провел по стрелкам на шортиках, словно проверял их остроту, и честно ответил:

— Проспал.

— Очень уважительная причина,— язвительно заметил Сережа.

Димка вздохнул.

— Я и не говорю, что уважительная...

— Третий раз опаздываешь... Может, объяснишь хотя бы, почему проспал? Мне про это в вахтенный журнал записывать.

Димка беззащитно поднял ясные глаза. Не хотел он ни оправдываться, ни молчать упрямо.

— Ну, я читал... Данилка книжку дал «Двадцать лет спустя». Она такая толстая, а дней мало, потому что очередь. А я вчера читал, читал, пока мама фонарик не отобрала. И говорит: «Если проспишь, будешь сам виноват». И не разбудила.

— Значит, мама виновата,— сказал Сережа.

— Нет, конечно,— возразил Димка почти испуганно.— Это я виноват.

В углу кают-компании стоял Сережин рыцарский замок.

Он опять вздохнул и стал теребить аксельбант на рубашке. Сережа начал злиться. И на Димку и, главное, на себя — за нерешительность. Он был капитан и командир вахты, значит, следовало принимать меры.

— Оставь в покое шнур,— досадливо сказал он. Димка послушно опустил руку.

Бессознательно отдаляя неприятный миг, Сережа спросил:

— Может быть, у тебя есть еще какая-нибудь причина? Серьезная?

Не опуская глаз, Димка помотал головой: не было у него серьезной причины.

Глядя мимо Димки, Сережа деревянным голосом сказал:

— Два часа ареста.

Димка моргнул. Один раз. Потом заморгал часто. Потом распахнул ресницы и в упор глянул на Сережу: «Ты не пошутил?»

— Вот так,— мрачно сказал Сережа, ощутив моментально раскаяние.

Димкины глаза стали слегка влажными. Сережа почти обрадовался: если Димка пустит хоть слезинку, можно будет сразу отменить наказание. Есть неписаное правило в «Эспаде»: если человек плачет, никаких взысканий ему не дают. Слезы — и так дорогая расплата за вину. Если, конечно, человек этот не очень большой, а вина не очень страшная.

Но Димка не поддался слезам. Только голос его стал сипловатым. Он посмотрел на Сережины ботинки и тихо спросил:

— А когда?

— Сейчас,— все так же хмуро сказал Сережа. Отступать было некуда.

— Я же на вахте.

— Не нужен мне такой помощник. Обойдусь.

— А... где сидеть? — спросил Димка и слегка покраснел.

Конечно, специального помещения для «арестантов» не было. Если кто-то зарабатывал столь суровое взыскание, то отбывал свои час или два где-нибудь в уголке кают-компании или отправлялся в фотолабораторию.

— Иди в лабораторию,— сказал Сережа.— Мне здесь надо пол мыть.

— Я могу сам вымыть. А потом отсижу,— почти шепотом сказал Димка.

— Ага. И опоздаешь в школу. Давай отправляйся.

Димка сделал шаг к двери и оглянулся. Он словно говорил глазами: «Может быть, ты все же пошутил? Ведь это же я, Димка. Тот, который с тобой в лагере был. Тот, который подарил тебе маленького синего краба...»

— Сними ремень,— сказал Сережа, терзаясь все пуще.

Димка медленно потянул из петель пояс. Потом свернул его в тугое кольцо, сжал это кольцо в ладонях, понурил голову и шагнул в коридор.

— Куда ты с ним? Оставь ремень на столе,— сказал Сережа.

— Зачем? — откликнулся Димка слегка вызывающе. Сережа почувствовал, что Димка пытается отстоять свое достоинство и остаток свободы. Он будто говорил: «Арестовал ты меня? Ладно. Заставил снять ремень? Пусть. Но нигде не сказано, что нельзя снятый ремень брать с собой. Вот и беру».

— Ну и шут с тобой,— буркнул Сережа.

В лаборатории Димка сел на табурет перед увеличителем, поставил пятки на сиденье, обнял колени и замер.

— Зажги свет,— сказал Сережа.

— И так хорошо,— хмуро отозвался Димка.

Лаборатория была в крошечной комнатушке с окном, закрытым фанерой. Ветхая фанера сквозь щели и дырки пропускала солнце, и полумрак был пробит узкими лучами. Сережа постоял в дверях, потом снова на себя рассердился и ушел.

— Запирай,— сказал Димка вслед.

— Зачем? Сбежишь, что ли? — досадливо откликнулся Сережа.

Дверь осталась полуоткрытой.

Надо было делать уборку, потом браться за алгебру. На душе кошки скребли. Конечно, Димка получил свои два часа за дело. Но Сережа боялся. Просто-напросто боялся, что Димка обидится. Крепко обидится и, может быть, навсегда.

Ну, что ему до Димки! И не такие уж друзья вроде бы. Встречались-то не чаще раза в месяц, пока не пришел Димка в отряд. Да и в отряде виделись не часто. Главным образом на вахте. А вот надо же: грызет и грызет беспокойство.

«Сам притащил его в отряд. Вот и радуйся»,— мстительно сказал себе Сережа.

Действительно, сам привел Димку в «Эспаду»...

А что было делать?

Только раз в жизни видел Сережа Димку грустного, с мокрыми глазами. Это случилось перед зимними каникулами. Димка сидел в опустевшей школьной раздевалке. Хотел, видно, одеться, да так и не собрался: бросил на колени пальтишко, уперся в него локтями, уткнулся в кулаки подбородком и, обиженно моргая, смотрел куда-то сквозь стену.

— Дим,— встревоженно сказал Сережа.— Ты что?

Димка сердито дернул плечом: не приставай, мол, и так тошно. Но Сережа не ушел, конечно.

— Что случилось?

— Ничего,— сердито сказал Димка.

Сережа немного обиделся.

— Слушай-ка,— сказал он в упор.— Когда мне было плохо и ты мне помогал, я не рычал на тебя, а наоборот... Что же ты? Я ведь тоже помочь хочу.

Книга была толстая, а дней мало...
Димка читал, читал,
пока мама фонарик не отобрала.

Димка глянул на него быстро и чуть виновато.

— Как ты поможешь? Никто уже ничего не сделает... Да и не надо.

— А вдруг? — упрямо сказал Сережа.— Ты расскажи.

Димка сердито поморгал, стряхивая капли с ресниц. Недоверчиво поднял глаза.

— А смеяться не будешь?

— Ты спятил!

Димка отвернулся и шепотом сказал:

— Я хотел быть барабанщиком...

Вот такая случилась история. Простая и невеселая. Всю жизнь мечтал Димка стать барабанщиком. Даже по ночам снился ему краснобокий барабан с тугой белой кожей. К такому барабану приблизишь ухо — и сразу услышишь тихий-тихий, но неумолкающий гул. То ли топот далекой конницы, то ли голос океанских штормов.

Ни дошкольников, ни октябрят не берут в барабанщики. Димка рос, надеялся и ждал своего часа. Когда Клавдия Семеновна велела всем третьеклассникам написать в стенгазету, кто кем хочет быть, Димка решился и написал, что барабанщиком. И больше никем.

Когда третьеклассников стали готовить к приему в пионеры и пришла пора делать у них свой отряд, кое-кто из ребят вспомнил про заметку и сказал, что надо бы выбрать в барабанщики Димку Соломина. Однако Клавдия Семеновна обратила внимание ребят на то, что у Соломина во второй четверти снизилась успеваемость: тройка по русскому грозит. А барабанщик всегда идет впереди отряда, с него все должны брать пример. Какой же здесь пример?

В общем, выбрали в барабанщики Вовку Быкова. У него тоже тройка, но не по русскому, а по физкультуре...

Услыхав про такое дело, Сережа повел Димку к старшей пионервожатой.

Юля была заморочена подготовкой к новогоднему вечеру. Димкину историю она выслушала без особого интереса.

— Ну и что? — сказала она.— Ты, Соломин, тройку постарайся исправить, а потом что-нибудь придумаем. На будущий год...

— Юля! — перебил Сережа.— Человек столько лет ждал, а теперь еще целый год ждать?! Разве в барабанщики только за оценки берут?

Юля оглянулась на горестно отошедшего Димку и сказала полушепотом:

— Ну подумай: что я сделаю? Клавдия Семеновна меня еще в первом классе учила. Что я, пойду к ней и скажу: «Вы не правы»?

— Скажи, что хочешь. Лишь бы Димке дали барабан.

— Но ведь ребята же голосовали, решили... А куда этого Быкова девать?

— Быкову барабан нужен, как ежу моторная лодка. Он и не хотел даже. Это во-первых. Во-вторых, можно дать им еще один барабан. Вон их сколько у тебя в хозяйстве. Пусть будет два барабанщика в отряде... Или запиши его в сводный отряд при знаменной группе.

— В сводный можно только с пятого класса... И если я Соломина возьму в барабанщики, Клавдия Семеновна сразу решит, что я подрываю ее авторитет.

— Все правильно! — накаленно сказал Сережа.— Все точно ты рассудила... Прямо как электронная машина. Разложила по полочкам. Только кому нужна твоя правильность, если от нее у Димки слезы?

Юля помолчала.

— Слушай...— начала она растерянно.— Ты все-таки думай. Я все-таки старшая вожатая...

— *Я хотел быть барабанщиком...*

— Ну, конечно,— откликнулся Сережа.— Извини, пожалуйста, но ты еще и сестра барабанщика. Надо бы понимать...

Юля хотела ответить, но Сережа ухватил Димку за руку и вытащил из пионерской комнаты.

— Потерпи до завтра,— попросил он.

Утром Сережа встретился в отряде с Данилкой.

— Можешь взять в команду хорошего человека?

Данилка глянул подозрительно. Он ревниво оберегал свою группу от всякого вмешательства.

— Зачем еще? — спросил он.

— В барабанщики хочет. Давно уже.

— Мало ли кто хочет в барабанщики,— уклончиво заметил Данилка.— Барабанов-то лишних нет. Вон Митьку, и то не можем в группу взять. И Вадька Воронин ходит в запасных.

— Митька уже большой. Вадька еще маленький. А этот в самый раз... Я твою сестру просил, чтобы в сводный отряд взяла, а она уперлась.

Данилка, однако, разгадал этот хитрый прием.

— Думаешь, если мы с Юлькой спорим, значит, я ей всегда назло должен делать?

— Ничего я не думаю,— сердито сказал Сережа.— Ты торгуешься, а там человеку плохо до слез.

Когда человеку очень плохо, спорить, конечно, нелегко.

— Где барабаны-то брать? — ворчливо произнес Данилка.

— Олег же обещал достать.

— Он сколько уже обещает...

— Данилка,..— укоризненно сказал Сережа.

Данилка со вздохом спросил:

— Что хоть за человек-то?

— Знаешь, какой парень! Он никогда не подведет!

...Через десять дней Сережа поинтересовался у Данилки:

— Ну, как мой Димка?

Данилка дерзко хмыкнул и ответил коротко:

— Не твой, а наш.

В общем, все было бы хорошо, если бы не эти дурацкие опоздания на вахту.

Сережа вымыл пол в кают-компании и стал подметать в коридоре. В полуоткрытую дверь лаборатории он видел Димку.

Димка на дверь не смотрел и Сережу не замечал. Он развлекался ремнем. Пряжкой оттиснул на ладони звезду.

Ладошку подставил под солнечный луч и любовался отпечатком. Потом зачем-то лизнул его. Подумал, оттиснул звезду на коленке, но лизать не стал. Запрокинул лицо и вытянул губы трубочкой, словно засвистел тихонько. Затем повесил ремень на увеличитель, обнял себя за плечи и задумался.

«Наверно, ему кажется, что уже целый час прошел»,— подумал Сережа. А прошло восемь минут.

Можно было бы и отпустить «арестанта», но Сережа чувствовал, что Димка такую «милость» не примет.

И тут появился Данилка.

— Вот, полюбуйся на своего Соломина,— сказал Сережа, чтобы хоть как-нибудь облегчить душу.— Сперва опаздывает, потом сидит за это, а я один должен вкалывать.

— А может, он не виноват, что опоздал,— вредным голосом откликнулся Вострецов. Он своих людей в обиду не давал.

— А кто виноват? Я? Потому что книжку вам, обормотам, дал почитать, да? Для того, что ли, дал, чтобы читали до ночи, а потом дрыхли до обеда?

Данилка сразу потерял задор.

— Значит, из-за книжки,— сокрушенно произнес он.— Тогда, значит, из-за меня. Это я всех торопил, чтобы скорее тебе ее вернуть.

— А я и не просил, чтобы скорее! Выходит, я виноват? Может, мне вместо Димки сесть?

— Нет, что ты,— рассеянно отозвался Данилка. Он смотрел мимо Сережи и теребил тесемки на шапке.— Это не ты. Это я.

— Спасибо,— с усмешкой сказал Сережа.

— Нет, правда,— настойчиво повторил Данилка.— Я тоже виноват... Можно, я с Димкой сяду?

— На здоровье,— сказал Сережа. И обрадовался: Димке будет веселее.— Снимай ремень и садись.

Но Данилка не спешил. Он что-то решал в уме.

— Случай-то один,— сказал он, будто между прочим.— А виноватых-то двое. Значит, надо время пополам разделить.

— Ну и пожалуйста,— отозвался Сережа с равнодушным видом, хотя обрадовался еще больше.— Сидите каждый по часу. Даже по пятьдесят пять минут. Потому что десять он уже отсидел.

Данилка начал было расстегивать пальто, но опять остановился.

— Вообще-то вся группа виновата. Все из-за этой книжки будто перебесились. Кричат: «Скорее, скорее!»

— Ты что, хочешь всю группу засадить? — удивился Сережа.

— Ну ведь надо, чтоб справедливо... А можно? — ласковым голосом спросил хитрый Данилка.

— Вы не поместитесь в лаборатории.

— Поместимся! Можно?

— Да мне-то что...— произнес Сережа, едва сдерживая смех. Данилка бросился к телефону.

— Я их сейчас по цепочке соберу!

— Не работает телефон,— сказал Сере-

жа.— Со вчерашнего дня. Звони из автомата.

Данилка выскочил на улицу.

Группа собралась за четырнадцать минут — все, кроме запасного барабанщика Вадика Воронина, который был в детском саду. Еще две минуты они под тихие понукания Данилки приводили в порядок форму.

Потом выстроились перед Сережей, немножко похожие друг на друга и очень разные. Деловитый маленький Костик Сапожков. Темноглазый и всегда спокойный Коля Копыркин. Живой, словно капля черной ртути, Рафик Сараев. Тоненький и лохматый Сережа Лавренюк. Светлоголовый, даже зимой загорелый Василий Рыбалкин. Лихая Данилкина гвардия, первая шеренга «Эспады».

— Мы готовы,— сказал Данилка.

— Только не вздумайте там цирк устраивать,— предупредил Сережа.

Данилка отозвался очень серьезно:

— Что ты! Мы же понимаем.

— Двадцать шесть минут прошло,— сказал Сережа.— Осталось девяносто четыре. Вас семеро. Примерно по тринадцать минут на каждого. Вот и давайте...

Они по очереди подошли к командиру вахты, отдали ремни и послушно отправились в «темницу». Только в глазах у каждого все же были чертики.

Данилка не обманул. Сидели они очень спокойно. Молча и почти неподвижно. Кто на полу, кто на столике, кто на верхней полке стеллажа. Лица были почти неразличимы в сумраке. Только носы и коленки барабанщиков светились, когда на них падали тонкие лучи.

Сережа усмехнулся и, почти успокоившись, отправился в спортзал, где после недавних киносъемок стоял кавардак.

Едва он взялся за швабру, как пришел Олег.

Олег был чем-то озабочен.

— Случилось что-нибудь? — спросил Сережа.

— Так... Мелкая суета и трепыхание,— сказал Олег.— Ты один?

— Хочешь, развеселю? — спросил Сережа.— Увидишь редкое зрелище. Небывалое.

— Какое?

Сережа помолчал и значительно произнес:

— Группу барабанщиков, которая не бузит, не пищит, не устраивает борьбу дзю-до, а сидит совсем спокойно и тихо.

Олег недоверчиво уставился на Сережу. Тот поманил его к двери.

Олег с полминуты изумленно наблюдал замершую компанию барабанщиков, а потом даже испугался:

— Что случилось-то?

Сережа рассказал. Олег в самом деле развеселился. Потом спросил:

— А долго им еще сидеть?

— Десять минут.

— Времени нет. Придется объявить амнистию. Дел много.

Он распахнул дверь лаборатории и объявил:

— Ввиду срочных дел всем полное прощение.

Услыхав такую новость, верхние барабанщики с радостным воплем упали со стеллажа. Образовалась куча, которая с грохотом и визгом выкатилась в коридор.

Олег вынул из этой кучи командира Вострецова.

— Тихо вы! Слушайте... Сергей и все барабанщики сейчас пойдут со мной в школу, будем грузить фанеру для декораций. Директор обещал.

— Есть! Ура! — ответил Данилка.

— Все, кроме Данилки и Димы,— сказал Олег.— Они останутся на вахте. Вострецов — командиром. Сергей мне нужен, потому что он посильнее. И школа как раз его.

Данилка озадаченно замигал.

— Как это командиром? Я же не капитан...

— Привыкай,— сказал Олег.

По дороге Олег объяснил, что Анатолий Афанасьевич, директор Сережиной школы, обещал дать «Эспаде» пятнадцать листов фанеры. Из нее можно сделать отличные декорации дворцового зала, а после съемок пустить ее на постройку лодки.

— Я вот только боюсь, что директора в школе нет, а учитель по труду фанеру не выдаст. Он, говорят, суровый дядя.

— Кто? — удивился Сережа.— Игорь Васильевич суровый? Его даже первоклассники не боятся. Он у нас на елке каждый раз Деда Мороза играет. У него только голос такой... Свирепый.

Голос у Игоря Васильевича действительно был, как у старого боцмана.

— Пришли? — не то прогудел, не то прохрипел он.— Пятнадцать листов! Из родной-то школы! Ну, эти мóлодцы — народ не здешний, а ты, Каховский, что творишь? Грабишь!

— Для общей пользы, Игорь Васильевич,— объяснил Сережа.— Для искусства.— И он мигнул барабанщикам.

Те лихо принялись за работу. Четверо хватали за углы фанерный лист, пятый бежал впереди и открывал двери.

— Здорово работают пираты,— заметил Игорь Васильевич.— Жаль, что не из нашей школы.

— У нас все «наши»,— улыбнулся Олег.

Они с Сережей тоже вынесли на крыльцо несколько листов. У крыльца уже стоял грузовик.

— Что мне нравится у вашего директора, так это точность,— сказал Олег.— Пообещал — сделал. И машину достал.

Водитель, мóлодой парень в солдатской ушанке, помог погрузить фанеру в кузов. Сережа и Олег вернулись в мастерскую.

— Ну, что, артисты,— загудел Игорь Васильевич.— Может, еще чего дать?

— Мы люди небогатые,— сказал Олег.— Если дают, не отказываемся.

— Рейка нужна? Так и быть, уделю... В кино-то позовете?

— Конечно, Игорь Васильевич! — обрадовался Сережа.— Всей школе будем показывать. Не для себя же снимаем.

Рейки для декорации нужны были до зарезу.

— Берите вон те, за верстаком,— разрешил Игорь Васильевич.

Барабанщики полезли за верстак.

В дальнем углу мастерской два семиклассника опиливали ножовками деревянные бруски для планшетов. Белые кубики, обрезки, падали на темные половицы и ярко загорались под солнечным лучом. Сережа вспомнил барабанщиков в лаборатории, усмехнулся. И тут же встревожился: а Димка? Димка так и не подошел, когда кончились у барабанщиков «арестантские» минуты.

Значит, правда, обиделся?

И словно в ответ на беспокойную мысль услышал он Димкин голос:

— Олег! Сергей! Тревога!

Димка стоял на пороге мастерской — в берете, в сандалиях, в летней форме и в незастегнутом, наброшенном на плечи пальтишке. Разгоряченный, с отчаянными глазами.

— Там в отряде какие-то... Данилка один!

Олег молча рванул с себя пальто, закутал Димку с ногами, взял его в охапку и выскочил на крыльцо. Встревоженным барабанщикам приказал:

— Бегом в отряд!

Сереже велел:

— Давай в кузов. Держись там.

Вместе с Димкой втиснулся в кабину и сказал водителю:

— Жми!

Машина взвыла и рванулась.

От школы до отряда три с половиной квартала. Они пролетели их за минуту. Сережа прыгнул из кузова и вслед за Олегом кинулся в дом.

Прежде всего Сережа увидел Данилку. Тот стоял у знаменного шкафа, прижимался к его прозрачной стенке локтями и лопатками. Перед собой на уровне груди он держал рапиру — одна ладонь на рукоятке, другая на клинке. Рапира была полусогнута в стиснутых руках.

Данилка плакал. Может, он и сам не замечал, что плачет. Он смотрел зло и напряженно, а мелкие слезинки ползли по щекам.

Кроме Данилки, в комнате находились еще три человека. Незнакомые и взрослые. У окна стоял мужчина в меховой шапке пирожком, на его худом щетинистом лице проступала растерянность. Он словно хотел сказать: «Ну зачем уж так-то?»...

У пирамиды с барабанами сидела необъят-

Услыхав такую новость, верхние барабанщики с радостным воплем упали со стеллажа.

ных размеров дама в меховом пальто. Третий, в распахнутом полушубке, стоял спиной к двери, прижимал к уху телефонную трубку и говорил с расстановкой:

— Алло! Я просил дежурного по райотделу милиции! Запишите вызов! Нападение несовершеннолетнего хулигана на работников домоуправления! С оружием! В детском клубе по улице Красноармейской, дом пять. Приезжайте. Я? Я новый домоуправляющий этого микрорайона. Сыронисский Леонид Васильевич. Сыро-нис-ский. Два «эс»...

— Не ломайте комедию, гражданин Сыронисский,— сказал Олег.— Телефон не работает вторые сутки.

Домоуправляющий аккуратно опустил трубку и сказал:

— А! Наконец-то.

— Что «наконец-то»? — холодно спросил Олег.

— Наконец-то вы появились! Кто вам позволил оставлять без присмотра клуб?

— Как это «без присмотра»?

Гражданин у окна поправил очки и заговорил взволнованно:

— Но, молодой человек... Дети здесь были одни, и если что-нибудь случилось бы...

— Как видите, если что-нибудь случается, я появляюсь быстро,— сказал Олег. И обратился к Данилке: — Что произошло, Вострецов?

Данилка глотнул, опустил рапиру, оттолкнулся спиной от шкафа и отрывисто заговорил:

— Олег, они пришли... Я говорю «Здравствуйте, вы к кому?» А она... она говорит: «Ну-ка, где тут ваш руководитель?» А потом даже слушать не стали. Везде ходят, все трогают. Декорации уронили. Потом давай говорить, что мы пожар наделаем. Димка им сказал, что здесь нельзя посторонним, когда тебя нет, а они его взяли за руку и в сторону... Да еще кричат: «Ты как со старшими разговариваешь!»

— Так...— жестко сказал Олег. И взглянул на Сережу. Сережа сунул в карманы кулаки. В нем начинала звенеть напряженная злость. Как всегда, когда он встречался с людьми нахальными и сильными от этого нахальства.

За спиной взволнованно и сердито сопели барабанщики.

Сережа нащупал в кармане двухкопеечную монетку, повернулся к ребятам. Ближнему из них, Рафику Сараеву, быстрым шепотом сказал:

— Телефон Генки Кузнечика помнишь? Позвони ему, скажи: капитанов сюда.

Димка, уже сбросивший оба пальто — Олега и свое,— сунулся вперед.

— Данилка, ты скажи, как они... Чтоб выгнать нас...

— Ага...— Данилка снова сердито переглотнул.— Они еще ходят и разговаривают: «Пора их выселять отсюда...» Я тогда сказал Димке, чтобы за вами бежал... А они зашли сюда, в кают-компанию, и тоже все стали трогать. Я подумал, что они и знамя щупать начнут, и встал к шкафу. А они мне говорят: «Иди за вашим руководителем». Я сказал, что не могу, потому что на вахте. А они: «Ничего с твоей вахтой не сделается...» Я, конечно, не пошел никуда. А они опять говорят: «Уходи тогда отсюда, нам совещаться надо». Я опять не пошел.

— Вот-вот! — перебил Сыронисский.— Три взрослых человека его уйти просят, а он, сосунок, характер демонстрирует!

— У нас не принято перебивать, когда говорит командир вахты,— остановил Олег Сыронисского.

— Вот собрать ихних родителей да рассказать, как он детей воспитывает... На взрослых людей с саблей кидаются! — жалобным басом сказала дама.

— Между прочим,— опять вмешался человек в очках,— Антонина Михайловна — председатель уличного комитета. Она при исполнении, так сказать, общественных служебных обязанностей.

— Я тоже при исполнении,— огрызнулся Данилка почти весело. Он уже пришел в себя.— Я и не кидался на них, Олег, честное пионерское. Только схватил клинок из пирамиды и встал к флагу. Потому что они, знаешь что? Вот он...— Данилка рапирой махнул в сторону Сыронисского.— Как схватит меня за плечо да как толкнет к двери! Я и полетел.

Сережа и Олег разом взглянули на макет замка в углу у двери. Краем глаза Сережа заметил, как Олег побелел. А самого Сережу от пяток до затылка словно прошило иглой: это был мгновенный удар страха. И такая же мгновенная радость: как хорошо, что утром заело раму!

Передняя стенка замка с воротами и угол башни были сильно помяты. Но самая большая вмятина — по форме Данилкиной спины — оказалась на холме, усаженном деревцами из зеленой резиновой губки. Вдребезги разрушен был подвесной мост.

Олег стремительно глянул на Данилку, потом подскочил к макету, приподнял его и стал шарить под холмом.

Сережа быстро подошел.

— Олег, да все в порядке,— торопливым шепотом сказал он.— Ну не бойся, Данилка-то живой. Я стержень утром вытащил, чтобы окно открыть.

Олег выпрямился, перевел дух. Рукавом вытер лоб. Повернулся к Сыронисскому. Сказал сквозь зубы:

— Слушайте, вы... Вот здесь,— Олег щелкнул по папье-маше,— под макетом стальной каркас. Только случайно сегодня утром вынули продольный прут. Иначе бы он проткнул мальчика навылет!

— Я никого протыкать не собирался,— зая-

— Олег!
Сергей!
Тревога!

вил Сыронисский.— Я вашего часового только за руку взял...

— «Взял»! — повторил Олег.— Так, что он полетел!

— Но позвольте,— вмешался гражданин в очках.— Ведь никто же не предполагал...

— А если бы он виском о косяк? Или затылком об пол? Здесь дети! Понимаете вы? Живые дети! Поэтому покиньте помещение отряда и прекратите ваше нашествие, о причинах которого я узнаю в исполкоме.

— Это не нашествие, а технический осмотр, молодой человек,— обиженным тоном сказал гражданин в очках.— Я, кстати, главный бухгалтер домоуправления. Мы смотрим, какой здесь нужен ремонт.

— Никакого ремонта не нужно,— сказал Олег.— Здесь идут занятия, и до лета помещение трогать нельзя.

— Кто вас будет спрашивать? — величественно отозвался Сыронисский.— У нас план. А кроме того, ваш детский сад вообще из другого ведомства. Райком комсомола организовал, пускай он и помещение дает. А нам нужно место для бухгалтерии.

Олег повернулся к Сереже:

— Дежурный! Гости уходят. Проводите.

Сережа и барабанщики отошли, освобождая выход. Но тут с мороза ворвались Генка Кузнечик, Алеша Смирняков, Сеня Гуревич, Митя Кольцов и Наташка.

— Остальные в школе или в кино! — с налета выпалил Генка.— Митьку и Наташку я на всякий случай прихватил. А что случилось?

— Все уже в порядке,— сказал Сережа.— Гости уходят. А вы как сумели так быстро примчаться?

— Мы с Наташкой на велосипедах, прямо по снегу! Митька — на багажнике. А остальные бегом!

«Гости» во время этого разговора удалились.

— Ну, история...— выдохнул Олег.— Данилка, да отойди ты от флага и положи рапиру. Все уже... Сергей, ты зачем вызвал ребят?

— Сам не знаю,— сказал Сережа.— Так, на всякий случай. Мало ли что...

— Ну и хорошо... Тогда сразу и решим один вопрос, раз капитаны здесь. Давайте раздевайтесь.

Через минуту все расселись в кают-компании — кто на стульях, кто на диване. Олег быстро и коротко рассказал, что случилось. Потом спросил у Данилки:

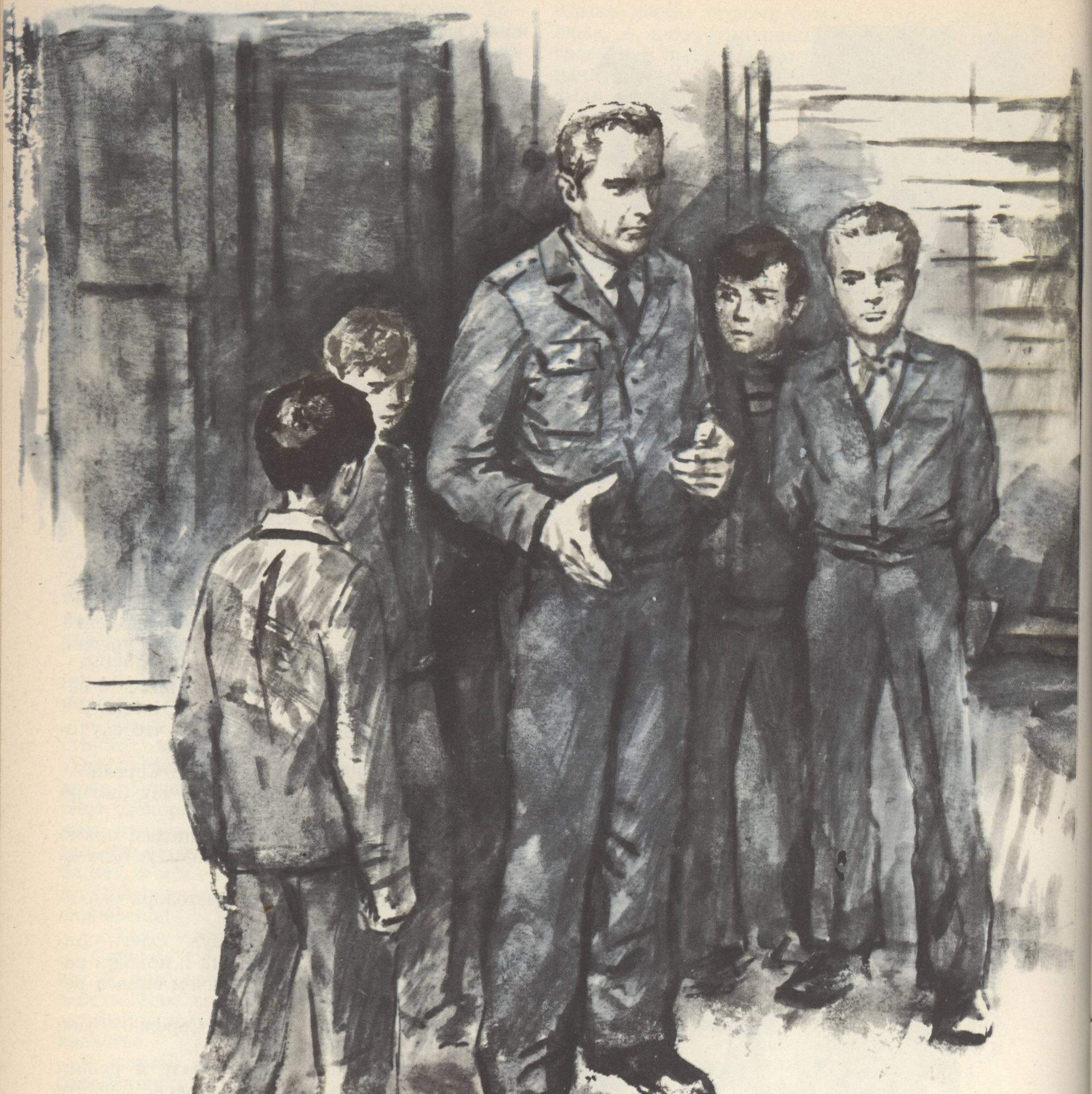
— Так?

— Так,— ответил Данилка. И нерешительно оглядел ребят.— А что мне было делать? Здесь же флаг.

— Пусть капитаны пройдут в спортзал,— попросил Олег.

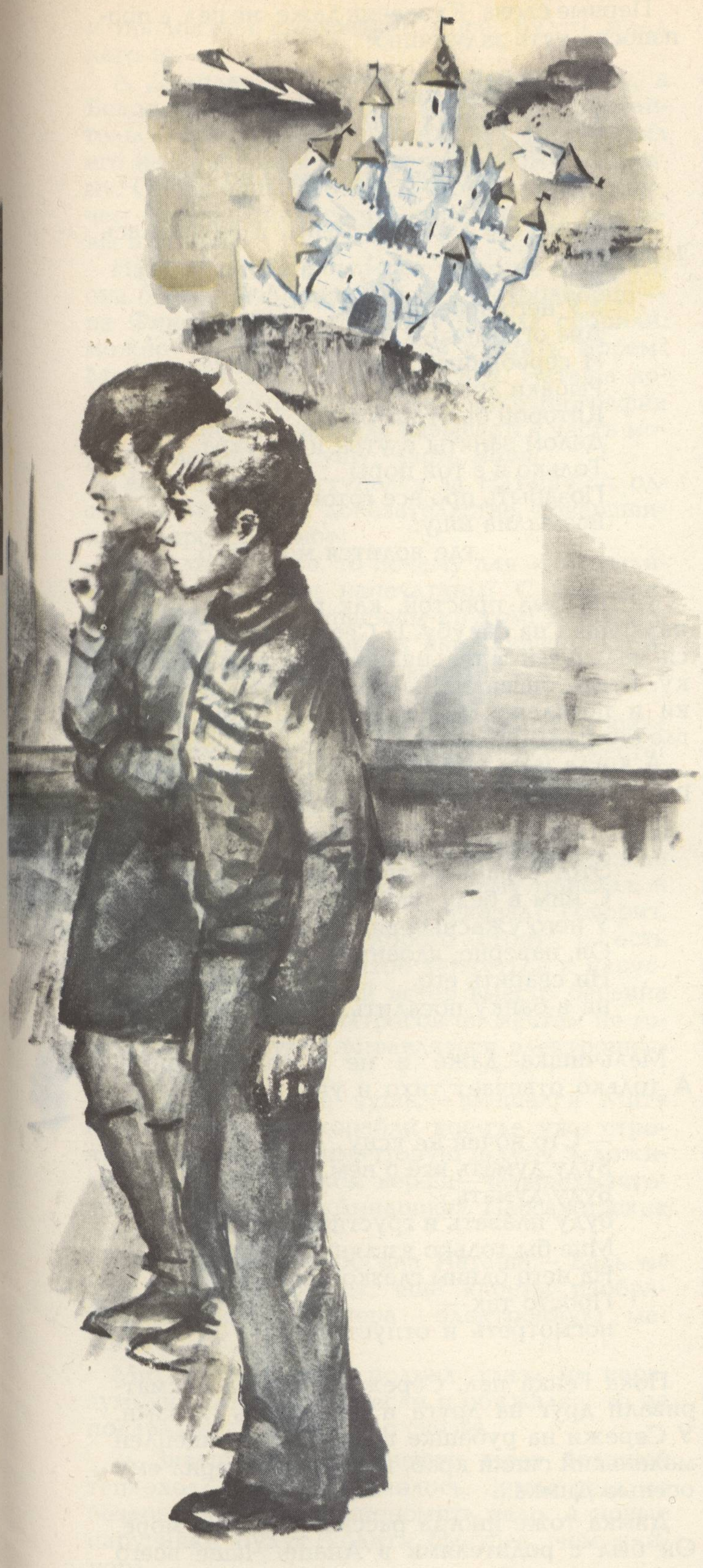
В зале они встали тесным кружком.

— Вот что, братцы...— начал Олег.— Надо об этом сказать. До сих пор мы жили спо-

В зале они встали тесным кружком.

койно... Нам не мешали. Помогали даже. Да только не всем «Эспада» нравится. Кто-то решил, что наши барабанщики слишком громко барабанят... Просто этим людям понадобилось помещение для кружка вязания, а новому управдому показалось, что их бухгалтерии тесно живется. Чтобы нас выселить, будут говорить, что все у нас не так, все плохо, все неправильно... Сами видите,

Данилка на посту у флага встал, а они в крик: нападение с оружием!

— А что? — запальчиво начал Сеня Гуревич.— Вострецов сделал все, как надо. Я бы тоже... Уходить, что ли, надо было?

— Уходить? — переспросил Олег.— От флага? С поста?

— Кто бы ушел? — сказал Алешка Смирняков.

Олег медленно проговорил:

— Я спросить хотел... Он, конечно, маленький... Но, может быть, пора ему дать звание?

— Капитана?! — подпрыгнул Генка, который сам две недели назад стал капитаном.— Давно пора!

Сережа вспомнил утренний случай с барабанщиками.

— Данилка, если по правде, давно уже капитан,— сказал он.— Не хуже других. Даже несправедливо как-то: и в совете и группой командует, а нашивки нет.

— Только вот не все капитаны здесь,— нерешительно произнес Олег.— Как голосовать?

— Ну и что? Все равно большинство. Да и никто не станет спорить,— уверенно сказал Алешка.

Они вернулись в кают-компанию. Барабанщики уже начинали на диване легкую тренировку по самбо.

— Капитан Вострецов! — сурово сказал Олег.

Данилка сперва привычно подскочил, ожидая нахлобучки за возню. Потом понял — «капитан»! Порозовел, испуганно глянул на ребят: «Не шутите?»

Олег подошел к нему, тихонько взял за плечи. Улыбнулся.

— Капитан Вострецов... Сдавай вахту.

— А зачем... сдавать? — шепотом спросил Данилка.

— Ну, как зачем? Каховский вернулся. Он же сегодня командир.

Олег притянул к себе Данилку, прижал к пиджаку рыжую лохматую голову и тихонько сказал:

— Ты хорошо стоял вахту. Спасибо, малыш.

Барабанщики на диване притихли.

Олег отыскал глазами Димку.

— Димка сегодня тоже герой. Четыре квартала летел по морозу почти раздетый. Только не заболей, пожалуйста, очень прошу.

— Не-а, не заболею,— охотно пообещал Димка.

— Надо его горячим чаем напоить,— решительно сказала Наташа.— Где у нас чайник и плитка? Всегда дежурные засунут куда-то...

В дверь постучали, и на пороге возник парень в солдатской ушанке.

— Я фанеру выгрузил и у крыльца поставил,— сказал он.— А то вы тут, видно, задержались, а мне ехать пора.

— Мамочки мои! — всполошился Олег.— Извините, ради бога. Мы закрутились совсем. Наташа, отогревай Димку, остальные — таскать фанеру!

II

После школы Сережа снова пришел в отряд.

Он любил вечера в отряде. Приходили те, кому хотелось. Не на занятия, а просто так: посидеть вместе, поговорить. Одно слово «кают-компания». Булькал на плитке чайник, вкусно пахли разогретые пирожки, за которыми, собрав копейки и пятаки, бегали в магазин на углу... Потом начинал трезвонить телефон: то одни, то другие родители справлялись, где их дорогое чадо и скоро ли оно явится домой. Чадо отвечало «щас» и тут же забывало об этом обещании. Олег спохватывался и начинал всех отправлять по домам. Но за разговорами и он иногда забывал о позднем часе.

Сережу, Кузнечика, Митю Кольцова, Наташу, Андрюшу Гарца и еще нескольких «постоянных жильцов» кают-компании звонками не тревожили. А ребята эти привыкли к спокойным хорошим вечерам, привыкли быть вместе.

Для долгих разговоров нашлась одна бесконечная тема: море, корабли, Севастополь. Так уж получилось...

Олег часто рассказывал об Артеке. О своих отрядах. О вечерах на берегу. О том, как шумит на галечных пляжах, приходя из темноты, ночной прибой, как светятся огоньки на проходящих вдали теплоходах. О том, как ребята-артековцы выходят на катерах в нейтральные воды и бросают в море бутылки с письмами к мальчикам и девочкам разных стран.

А еще — о поездках в Севастополь — удивительный город, где почти про каждый камень можно написать книгу — столько здесь было подвигов. Белый город, в который море врезается длинными синими бухтами, плещется у окон домов. Про эсминцы и крейсеры, про старые бастионы, про старинные пушки, врытые на пирсах вместо причальных тумб. Про запутанные каменные лестницы и про улицы, где смешались дома и корабли...

Генка Кузнечик в прошлом году был в Севастополе. Он подхватывал рассказы Олега и говорил, как мальчишки ловят крабов среди прибрежных камней, как гремит и сверкает над бухтами салют в День Военно-Морского Флота, как покачивает рыбачьи ялики на синей волне. И как они с ребятами нашли однажды в песке очень ржавый пулемет с плоским диском над стволом, и Генкин брат Саша сказал, что это пулемет системы Дегтярева.

Генкины рассказы всегда кончались сообщением о том, что сказал или сделал Саша. И песни, которые иногда пел Кузнечик, были Сашины.

Больше всех песен подходила для таких вечеров песенка о синем крабе. Простая такая, забавная, немного грустная.

Первые слова Кузнечик даже не пел, а произносил чуть задумчиво:

Синий краб, синий краб
Среди черных скал и тени...
Синий краб,
он приснился мне во сне...

А потом уже дергал струны, и начиналась мелодия:

...У него восемь лап,
Две огромные клешни
И серебряные звезды на спине.
Рыбаки ловят рыб,
Китобои бьют китов —
Делом заняты с утра и до утра.
Только я с той поры
Позабыть про все готов:
Все залив ищу,
где водится мой краб.

Мотив был простой, как перезвон капель, падающих на палубу. И Сереже представлялся мальчуган в тельняшке, похожий на Димку. Будто он сидит на носу парусной шлюпки и печально думает о загадочном крабе: где его найти?

А когда мальчишка возвращается на берег, рассудительные люди спрашивают:

— Да зачем он тебе,
Этот странный зверь морской?
С ним в беду очень просто угодить!
У него ужасный вид,
Он, наверно, ядовит —
Ни сварить его,
ни в банку посадить.

Мальчишка даже и не спорит с ними. А только отвечает тихо и упрямо:

— Сто ночей не усну,
Буду думать все о нем,
Буду думать,
буду плавать и грустить.
Мне бы только взглянуть
На него одним глазком,
Просто так —
посмотреть и отпустить...

Пока Генка пел, Сережа и Димка посматривали друг на друга и улыбались глазами. У Сережи на рубашке всегда был прицеплен маленький синий краб, которого подарил ему осенью Димка...

Димка тоже иногда рассказывал про море. Он был с родителями в Анапе. Чаще всего он вспоминал большого черного кота, приходившего на пирс к рыбакам. Кот молча сидел и ждал, когда рыбаки поделятся добычей. Димке нравилось, какой он был спокойный и полный достоинства. Рыбаки его вроде бы даже побаивались: никто не оставлял кота без угощения. А кот съедал очередную рыбу

и продолжал смотреть в море, будто ждал кого-то.

А Данилка вспоминал не Черное море, а Белое. Он в дошкольные годы жил в Архангельске и хорошо помнил, как отец водил его на пароход, в гости к знакомому капитану. Он говорил, что Белое море даже лучше, чем Черное, потому что там бывают приливы и отливы.

Наташа на Черном море тоже не была. Но она бывала в Ленинграде и в Петродворце — на Финском заливе. Ребята иногда спорили: можно ли Финский залив считать морем? Мелкий он, и вода там пресная. Наташа доказывала, что можно. В учебнике географии так и записано: заливом называется часть моря, впадающая в сушу. Часть *моря!*

Генка всегда заступался за Наташу. А однажды он привел доказательство, совершенно неопровержимое:

— Если не море, то почему для этого залива морские карты напечатаны? С маяками, с глубинами, с компасным кругом! Даже номер по каталогу морских карт указан! У Саши есть такие карты. Не верите?

Ему поверили. А Олег спросил:

— В конце концов кто твой Саша? Моряк? Поэт? Музыкант? Физик? Или все вместе?

— Инженер-физик,— сказал Генка.— Он электроникой занимается. Электроника и на кораблях используется. Я только не знаю точно, что он там делает. Думаете, он все мне рассказывает? Один раз я к нему пристал, а он знаете, какую чушь рассказал? Говорит, горючее для судов дорого стоит и есть мысль у инженеров, чтоб вернуться к парусным кораблям, пускай ветер вместо бензина работает. А чтобы матросов по мачтам не гонять, паруса будут управляться электронными машинами...

— Это вовсе не чушь,— вмешался Митя Кольцов.— Такие корабли кое-где уже строят. В Японии шестимачтовую шхуну заложили, а на Гамбургской верфи—четырехмачтовые фрегаты типа «Динашиф». Пассажирские и грузовые.

— А зачем? — спросила Наташа.— Ведь не средние века. Может, еще кареты изобретут, а вместо кучера — электронную машину?

Митька медленно поднял глаза на неразумную Наташку. Он если и обижался, то не подавал вида. Он только сказал:

— Знаешь, сколько нефти жрет большой теплоход? Тебе и не снилось. Земля ведь не бездонная, горючее экономить надо. А новые парусники будут ходить быстрее, чем клипера.

— Но все равно тише пароходов,— не сдавалась Наташа.

— Лучшие клипера давали по двадцать узлов. Даже двадцать один. Думаете, грузовые суда сейчас ходят быстрее? — спросил Митя.

Спорить было бесполезно. О клиперах Митя знал все. Он никогда не был у моря, но любил корабли преданно и бескорыстно, как самых лучших друзей. Он про них мог рассказывать, будто на каждом плавал по десять лет. Особенно про парусники. Правда, сам он редко начинал такие разговоры, будто стеснялся своей любви. Лишь однажды победил смущение и предложил:

— А давайте построим корабль.

— Настоящий? — спросил Генка.

— Да. Двухмачтовый.

— Ну, Митя, это нам не потянуть,— сказал Олег.— Мы же не судоверфь.

Митька не стал спорить, но на следующий день принес журнал с чертежами бригантины-малютки, которую можно построить из обычной шлюпки.

— А шлюпку где взять? — спросил Олег.

— А если найдем...— тихо сказал Митя.

— Надо подумать,— откликнулся Олег.— Лето не за горами...

И Генка Кузнечик поддержал Митю. Сказал, что свой корабль — вещь нужная. Он вообще всегда поддерживал Митю.

Но в тот вечер, когда говорили о Сашиной работе, Генка возразил:

— Нет, Саша все-таки не парусами занят. По-моему, он там на других кораблях. Севастополь — город военный.

И все опять заговорили о Севастополе. Только Сережа слушал молча.

А что ему было говорить? У моря он не бывал, разные теплоходы и пароходы видел только на реке. Он очень любил вечера в «Эспаде» и разговоры о Севастополе слушал с интересом, но самому ему сказать было нечего. И порой Сережа начинал тихонько ревновать ребят друг к другу: у всех у них что-то общее, а он будто в стороне.

Так было, пока Генка не упомянул о Херсонесе.

— Разве Херсонес в Севастополе? — удивился Сережа.

— Конечно. Между Карантинной и Песочной бухтами.

— Я думал, это отдельное место, вроде какого-то поселка,— сказал Сережа.— Там раскопки греческого города, правильно?

— Да. Там развалины всякие, башни, стены. И колонны из мрамора.

— У меня дядя есть. Ну, брат тети Гали. Он археолог, с московскими студентами в Херсонесе на раскопках работает,— со сдержанным торжеством сказал Сережа.— Обещает весной в гости приехать. Уж я у него тогда все выспрошу про эти раскопки...

— Хочешь, я тебе книгу про Шлимана принесу? — спросил Олег.— Про того, кто Древнюю Трою открыл.

Олег ухитрялся все понимать. Про каждого. Сережа никогда ему не говорил, что все больше и больше тянут его к себе тайны старых городов, заросших, засыпанных, утонувших. Но Олег, видно, знал и это.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

У «Комсомолки» — день рождения!

«Комсомольской правде» исполнилось пятьдесят лет. Мы пригласили ее на свои страницы. За полвека «Комсомольская правда» рассказала о судьбах сотен и тысяч комсомольцев, об их подвигах, их труде. В свой юбилейный год «Комсомолка» как бы подводит итог важнейшим свершениям комсомола — на ее страницах печатается

ПОВЕСТЬ О КОМСОМОЛЬСКОМ БИЛЕТЕ

С 1918 года, когда был организован комсомол, и до нашего времени в Ленинском комсомоле выросли и возмужали 130 миллионов юношей и девушек. Повесть о комсомольском билете посвящена всем, кто носил и носит комсомольские билеты.

Несколько лет назад Центральный архив ВЛКСМ обратился к директорам всех музеев с просьбой сообщить о комсомольских билетах, которые хранятся у них.

«Пришли отовсюду ответы, — писала газета, — гордый и горький перечень казался бесконечным. В Белорусском музее хранится пробитый пулей, залитый кровью комсомольский билет санитарного инструктора И. Т. Никитенко. В Днепропетровске билеты Н. А. Харченко, М. Салакупова...»

Каждый день в редакцию «Комсомольской правды» приносят письма. Здесь вы прочитаете несколько из них.

«...Поскольку в «Комсомольской правде» упоминается о моем билете, а я еще жив, то, разумеется, не смог не откликнуться. И сделал это так, как умею».

Это пишет Николай Александрович Харченко. Много сапог износил боец по немощеным дорогам войны, много верст прошел по родной земле, вместе с другими бойцами продвигаясь на Запад, круша фашистскую орду.

Николаю выпали немалые испытания. Из-за ранения ему не разрешили воевать в строю. Пришлось ему устраиваться в госпиталь санитаром. Через год Николай все-таки перебрался на передовую, но надо же такому случиться: получил назначение в... походную кухню. Все в бою, а он щи варит в укрытии. Ну что же, надо кому-то и кормить солдат.

Но через два года он все-таки попал в артиллерию. Вот один эпизод из боевой биографии солдата:

«...Мы ринулись в бой. Наступать пришлось под сильным дождем пуль. Одна из них пробила валенок. Вижу: под большой, развесистой ивой — колодец с развороченным срубом. Я — туда. Рядом мой помощник с дисками. Неподалеку бегут враги. Выставляю пулемет и нажимаю курок. Но что это? Как будто кто-то вонзил в мою грудь клинок. Ранен. Чувствую, что ранение тяжелое...»

Да, ранение было тяжелое: пуля, прошла в сантиметре от

сердца. Теперь залитый кровью билет Николая хранится в музее. А на груди Николай Александрович Харченко носит орден Красной Звезды.

В 1940 году дочери батрака Тане Баляс из села Добряны на Львовщине секретарь обкома комсомола вручил комсомольский билет...

Вскоре в Добряны пришла война. По улицам расхаживали солдаты со свастикой на

рукаве, полицаи с синими повязками.

Только Татьяна успела зашить в подол юбки комсомольский билет, как в дом ворвался поповский сынок с полицаями. Таню арестовали и отправили в лагерь смерти, в Майданек.

И здесь Таня сумела сохранить свой комсомольский билет, сберегла его с риском для жизни.

Мучительно тянулись дни в концлагере. С утра допоздна работа в прачечной. Осенью 1943 года Таню перевели на полевые работы, и вскоре вместе с четырнадцатью узниками Майданека ей удалось бежать.

Таня вернулась во Львов, связалась с подпольщиками и воевала до победы.

После войны Таня стала инструктором райисполкома, а затем секретарем райкома комсомола.

Это письмо прислал Юрий Пантюхин из Ставрополя.

«В школе я был двоечником, в жизни считал себя неудачником и на завод пришел без веры в себя... Слесарное дело пошло у меня не лучше, чем физика. И вдруг меня определили к слесарю-лекальщику Якову Капитоновичу Тарасову. Мой учитель был комсомольцем 20-х годов, коммунистом. Во время войны он был минером.

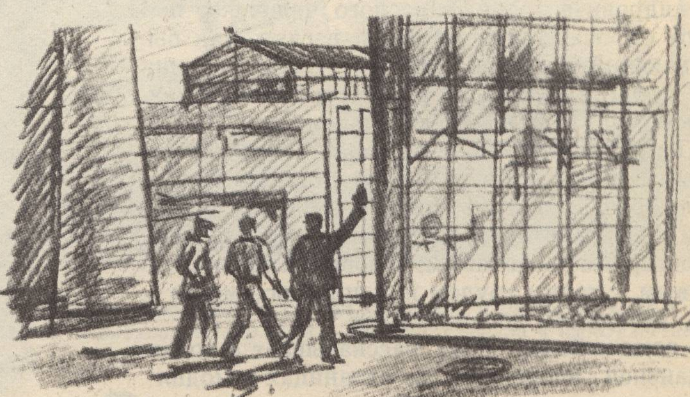
Он мне всегда говорил: не волнуйся, все у тебя будет, как надо. Коммунист Романенко тоже принял участие в моей судьбе. Они помогли мне найти свое место в жизни. Я понял, что не могу, не имею права жить скучно, без цели, как я жил до сих пор. Я стал комсомольцем. Меня выбрали секретарем комсомольского бюро. Мы создали на заводе «Комсомольский прожектор», следили за тем, чтобы молодые рабочие повышали свою квалификацию, учились. Я сам тоже поступил в институт. Теперь я комсорг завода...»

Александр САБОВ, корреспондент «Комсомольской правды».

Повесть о комсомольском билете продолжается. «Комсомольская правда» ждет и ваших писем, ребята.

Ведь многие из вас разыскивают бывших комсомольцев, участников революции, гражданской и Великой Отечественной войн, тех, кто восстанавливал страну после войны.

Ваши рассказы могут помочь газете найти интересный адрес, интересную тему, вписать новую главу в повесть о комсомольском билете.

ПИСАТЕЛЬ НАРОДНЫЙ

Передо мной детская фотография Михаила Александровича Шолохова. На меня смотрит лобастый, стриженый мальчик с большими, задумчивыми глазами. Одет он в форменную косоворотку гимназиста. Глядя на этого маленького, задумчивого паренька, трудно представить, что через семь лет он с винтовкой в руках будет освобождать родную донскую землю от белоказацких банд. А еще через семь лет в журнале «Октябрь» появятся первые главы его романа «Тихий Дон».

Я вспоминаю слова писателя Серафимовича: «Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он».

Он «развернулся», этот огромный талант, который, конечно, никто не мог разгадать в мальчике из хутора Кружилина станицы Вешенской. Большие и внимательные глаза этого мальчика, наверное, видели больше, чем глаза его сверстников. Видели, осмысливали и запоминали. И на других фотографиях Михаила Александровича, уже взрослого человека, поражают его глаза, пристальный взгляд, как бы проникающий в глубины человеческой жизни.

Ты, дорогой читатель, ощутишь это, когда к тебе на стол ляжет замечательная книга «Тихий Дон». Книга увлекательная. Она — про тревожные годы истории нашей Родины. Читая ее, ты познакомишься с красивыми внутренне людьми. Познакомишься с главным героем повести Григорием Мелеховым, человеком сильным и красивым, с таким трудом ищущим свое место в новой, неведомой доселе жизни.

Но если «Тихий Дон» рассказывает о годах гражданской войны, то на страницах «Поднятой целины» возникает другая эпопея — борьба за социалистическую деревню, борьба за коллективизацию. Эта борьба тоже была нелегкой. Ее ведут сильные люди, убежденные в своей правоте, — коммунисты.

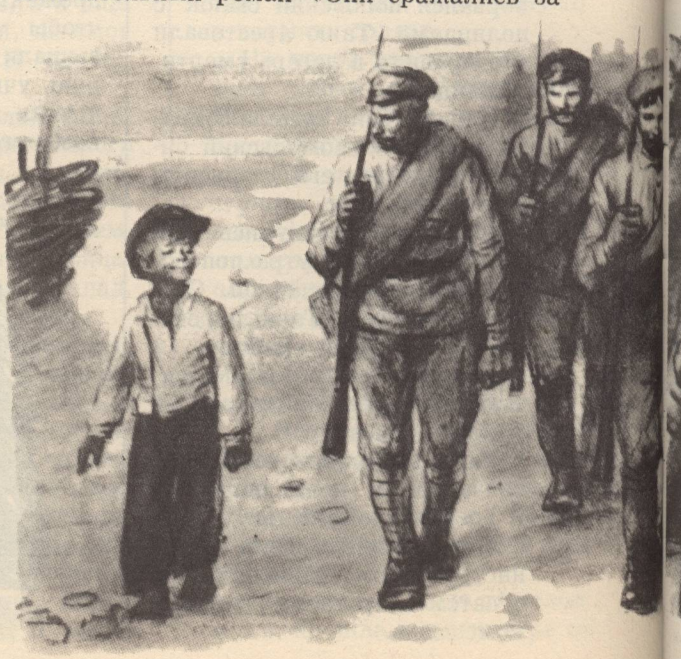
Путиловский рабочий Давыдов приезжает на Дон по зову партии. Он встает во главе первого колхоза. Трудно ему, рабочему, в деревне. Но, как и подобает коммунисту, он показывает пример в труде, он становится пахарем. «Умру на пашне, — думает Давыдов, — а сделаю! Ночью при фонаре буду пахать, а вспашу десятину с четвертью, иначе нельзя. Позор всему рабочему классу...»

Рядом с Давыдовым ведут каждодневный бой за советскую жизнь председатель сельсовета Разметнов и секретарь партийной ячейки Нагульнов. И каждый из них по-своему интересен и ярок.

Жизнь Михаила Александровича Шолохова неразрывно связана с жизнью нашей страны. Писатель переживает все радости и горести своего народа. И там, где трудно, там, где бой, где решается судьба советского человека, там всегда оказывается и он.

Начинается Великая Отечественная война. Шолохов заявляет, что он готов «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину».

Шолохов становится комиссаром. Он создает свой замечательный роман «Они сражались за

Родину» и вынашивает замысел рассказа «Судьба человека», который был написан после войны.

24 мая 1975 года вся страна торжественно отмечает семидесятилетие Михаила Александровича Шолохова, писателя народного, горячо любимого миллионами. Для книг Шолохова нет границ, они облетают весь мир, звучат на разных языках. Эти книги учат человека любить свою родную землю, свой народ, свою свободу и учат, если потребуется, мужественно сражаться за Родину.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Михаил Александрович Шолохов живет в станице Вешенской. К нему часто приезжают его молодые читатели, школьники из разных уголков нашей страны. На фотографии слева вы видите гостей из далекого Дагестана, а справа — земляков писателя с хутора Каргинский. Здесь писатель делал первые шаги в школьную науку. Михаил Александрович любит свою первую школу, он внес присужденную ему Ленинскую премию на строительство новой школы на хуторе Каргинском.

Фотографии В. ЧУМАКОВА.

ХУДОЖНИК И КНИГА

*Посмотрите, какие интересные иллюстрации сделал художник **Семен Трофимов** к новому изданию рассказа М. Шолохова «Нахаленок». Эта книга вышла в издательстве «Советская Россия».*

Лесное справочное бюро «АУ!»

КОГДА БЫВАЕШЬ В ЛЕСУ, УЧИСЬ НЕ ТОЛЬКО ЗОРКО СМОТРЕТЬ, НО И ЗАДУМЫВАТЬСЯ НАД ТЕМ, ЧТО ВИДИШЬ. У ТЕБЯ НАВЕРНЯКА ПОЯВЯТСЯ ВСЕВОЗМОЖНЫЕ «ПОЧЕМУ», В ТОМ ЧИСЛЕ И ТАКИЕ, НА КОТОРЫЕ САМ НЕ ОТВЕТИШЬ. ЧТО ТОГДА ДЕЛАТЬ? ОБРАЩАЙСЯ В ЛЕСНОЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО «АУ!». ОНО ОТКРЫВАЕТСЯ С ЭТОГО НОМЕРА.

Первыми до него долетели два ребячьих «почему» — девчоночье с Урала и мальчишечье из-под Баку. О чем же спрашивают Лиля Танана и Яша Гудзь?

Сперва познакомим наших читателей с Лилей. Она живет на Урале, среди лесов. Выдержка из ее Красной тетрадки «Сберегу поляну купав» была напечатана в прошлом номере «Пионера», на «Странице троллиусов». Лиля ведет календарь природы. Она часто бывает в лесу, и вот что она увидела.

ЛИЛЯ ТАНАНА: В двадцатых числах июля я шла по лесу. Вдруг из-под корня дерева вылетела птичка. Осторожно наклонившись, я разглядела гнездо с яичками. Почему птичка их так поздно снесла и почему скорлупа у них темная?

Гнездо с яичками—редкость для середины июля. В эту пору пустеют гнезда даже у тех птиц, которые делают по две кладки за лето. Снести и высиживать яйца в такое позднее время птичку заставила беда. Так поступает птица, которой не удалось вывести птенцов в срок,— то ли хищник, то ли рука человека разорили ее гнездо.

Какую птицу встретила Лиля, сказать трудно, так как она не описала ее примет. Низко у корней дерева (в лесу, на опушке, на лесных полянах) могут гнездиться зарянка, лесной конек, овсянка, пеночка... У всех этих птиц относительно темные, пестрые яйца. Такая окраска маскирует яички, делает их менее заметными для чужих глаз. Скорее всего это было гнездо лесного конька. Яйца у этой птицы бурые, с темно-коричневыми крапинками.

Птицы, которые гнездятся в дуплах или норах, не нуждаются в маскировке. Яйца дятлов, сов, береговых ласточек белые.

Так расцветка яичной скорлупы может рассказать о жизни птицы. И не только расцветка, но и толщина и прочность скорлупы, форма яйца.

А теперь представим читателям Яшу Гудзя, который живет на окраине Баку, у самого моря. Он написал нам свое первое письмо. Но мы уверены, что это письмо не последнее, что Яша заведет свою Красную тетрадку, потому что любит животных и не может быть равнодушным к жестокости.

ЯША ГУДЗЬ: У нас все меньше становится змей, и я догадываюсь, отчего. Однажды я видел, как двое мучили ужонка. В другой раз около мостика несколько человек молотили палками что-то похожее на змею. Они даже не знали, кого они бьют.

Мне не понятно, как это люди уничтожают змей, не разобравшись, ядовитые они или нет. Почему они так поступают?

По невежеству и по жестокости. Такие люди не могут отличить гадюку от ужа или ящерицы-веретенницы и бьют палкой все, что ползет.

Однако не следует убивать и ядовитых змей. Они уже стали редкими и нуждаются в защите. Ядовитые змеи уничтожают грызунов, вредителей полей. Из змеиного яда приготовляют ценные для здоровья человека лекарства. У нас в стране и за рубежом есть фермы, на которых разводят ядовитых змей.

Ядовитые змеи на человека первыми не нападают и всегда стремятся уйти. Если увидишь змею, не дразни и не бей ее, и она не тронет тебя.

Сегодня на ваши письма отвечала писательница Надежда Августиновна НАДЕЖДИНА.

МАЙСКОЕ ЗАДАНИЕ

1. НАЧИНАЕМ ЛЕСНУЮ ПЕРЕПИСЬ.

Какие птицы живут в вашем лесу, городе, поселке? Узнай и запиши на «Птичью страничку» в своей Красной тетрадке. Отметь, какие тебе уже знакомы, о каких знаешь со слов взрослых.

2. ПОМОГИ ПТИЦАМ-ДУПЛОГНЕЗДНИКАМ.

В лесах время от времени проводят «уборку», санитарную рубку. Лесники очищают лес от старых, гнилых деревьев. А там-то как раз у многих птиц любимые гнезда! Помоги им, сделай (в лесу или около дома) искусственные дуплянки. Они небольшие, похожи на пеньки, но пустые внутри и с окошком. Последи, кто прилетит в новый домик, как будет вить гнездо.

Вот птицы, которым ты можешь помочь,—мухоловка-пеструшка, горихвостка, скворец, синица большая, синица-московка.

3. МАЙСКИЙ ПЛАКАТ.

Нарисуй и повесь в школе или во дворе такой плакат:

МАЙ — МЕСЯЦ ТИШИНЫ! БЕРЕГИТЕ ПОКОЙ ПТИЦ! ПТИЦЫ НА ГНЕЗДАХ!

Если придумаешь другой майский плакат, напиши нам. Объявляем конкурс на лучший плакат в защиту птиц.

★

Военно-исторический конкурс

«Салют, Победа!»

закончен!

★

Целая армия юных военных историков — шесть тысяч ребят — приняла участие в конкурсе.

СЛОВО УЧАСТНИКАМ:

Пионеры отряда имени Зои Космодемьянской, семиклассники Луговицкой восьмилетней школы Полтавской области.

В этом году наша Родина отмечает 30-летие Победы над фашистской Германией. Детство наших пап и мам украла война. У многих из нас нет дедушек — они погибли, защищая нашу страну от врага. Погибли на поле битвы, умерли от ран... Нет! Они среди нас! Они встали памятниками на огромном пространстве от Волги до Берлина, они поросли в полях цветами, они в наших сердцах. Им, дяде Кати Щекоты, дедушке Вити Положая, дяде Тани Яценко, отцу Нади Варавы, всем тем, кто уже никогда не увидит, как встает солнце, как растет хлеб, как смеются дети, посвящается наш альбом.

Игорь Исаков, 7-й класс, город Брест, такими строчками закончил свои ответы на вопросы конкурса:

Я еще ничего не сделал,
Что в историю бы вошло.
Я—неподнятый парус белый,
Я—невскинутое весло.
Родина! Подрастающим верь мальчишкам,
Мы продолжим твои дела.
Никому не позволим, слышишь,
Пулю в сердце твое послать!

СЛОВО ЖЮРИ:

Каждый участник конкурса проделал огромную работу. Каждая тетрадка, каждый альбом хранит высокое волнение юных граждан нашей страны — гордость подвигом своего народа, горячее желание быть достойными своих отцов и дедов, героев Великой Отечественной войны. **Это главный и самый радостный итог конкурса.**

Во многих работах есть такие слова: «Пусть я не войду в число победителей, главное, что я узнал много нового о героическом прошлом нашей Родины, познакомился с замечательными героями».

В целом все участники конкурса проявили высокий интерес и хорошее знание отдельных вопросов истории Великой Отечественной войны и значения нашей Победы. Можно считать, что более половины участников справились с вопросами конкурса.

Лучшей признана работа **Сергея РУДЕНКО,** шестиклассника из города Харькова. Ему будет вручена путевка в ГДР на встречу юных военных историков.

За полные, правильные ответы на вопросы конкурса и за отличный следопытский поиск путевками в «Артек» награждаются:

Андрей ОЛЕФИРЕНКО, 7-й класс, г. Краснодар; **Лена КРЕХОВА,** 7-й класс, г. Минск; **Александр ГУНДОРОВ,** 8-й класс, село Б.-Окулово, Горьковская обл.; **Владислав ТАМБОВЦЕВ,** 8-й класс, г. Куйбышев; **Лена ОФИЦЕРОВА,** 7-й класс, Горьковская обл.; **Ира БЕРЖАНИНА,** 6-й класс, п/о Шайковка, Калужская обл.; **Олег Агританов,** 8-й класс, г. Плавск, Тульская обл.; **Галина СЕМИЩЕНКО,** 7-й класс, пос. Затобольск, Кустанайская обл.; **Олег РОЖКОВ,** 7-й класс, пос. Елизово, Камчатская обл.; **Оля АЛЕКСАНДРОВА,** 6-й класс, г. Щекино, Тульская обл.; **Женя ГРАЧЕВА** и **Лена ТРУСОВА,** 6-й класс, отряд «Поиск», г. Балашиха, Московская обл.

Почетными грамотами Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина награждаются:

Саша ВОРОНИН, 6-й класс, г. Узловая, Тульская обл.; **Галя КОРНЕВА,** 6-й класс, г. Алексин, Тульская обл.; **Коля ПОДОКСЕНОВ,** 6-й класс, г. Новосибирск; **Надя ЛАВРЕНТЬЕВА,** 7-й класс, г. Тобольск, Тюменская обл.; **Наташа ПОЖАРСКАЯ,** 7-й класс, г. Котлас, Архангельская обл.; **Жанна БАЖАН,** 7-й класс, г. Новороссийск; **Людмила ЛАПШИНА,** 7-й класс, г. Волгоград; **Елена МАЛИЕВА,** 8-й класс, г. Донецк.

Премиями журнала «Пионер» награждаются:

Елена КРАЕВА, 5-й класс, г. Томск; **Ирина НАУМЕНКО,** 5-й класс, г. Краматорск, Донецкая обл.; **Галя ПОНОМАРЕВА,** 6-й класс, г. Алексин, Тульская обл.; **Валерий МОРОЗОВ,** 4-й класс, г. Каменск-Шахтинский, Ростовская обл.; **Саша** и **Лена МИНАСЕНКО,** 9-й и 6-й классы, г. Жирновск, Волгоградская обл.; **Вера СЕМЕНЕНКО** и **Юра УСАЧЕВ,** 4-й класс, село Чубаревка, Запорожская обл.; **Саша ГОРБЕНКО,** 5-й класс, г. Калининград, Московская обл.; **Елена ЖДАНОВА,** 14 лет, село Мотызлей, Горьковская обл.; **Таня БАЛОВНЕВА,** 5-й класс, г. Москва; **Олег ИВАНОВ,** село Нижнеомка, Омская обл.; **Лена ШИШКИНА,** 6-й класс, г. Петропавловск-Камчатский; **Галя КАЛИНИЧЕНКО,** 5-й класс, пос. Гаджиево, Мурманская обл.; **Татьяна МИЩУК,** 7-й класс, г. Канск, Красноярский кр.; **Лена РАБИНОВИЧ,** 4-й класс, г. Куйбышев; **Лена СУТЯГИНА,** 5-й класс, г. Горький; **Лена БАХТИНОВА,** 6-й класс, г. Первоуральск, Свердловская обл.; **Марина АЛЕКСЕЕВА,** 7-й класс, г. Таллин; **Гузель МИНГАЛИЕВА,** 7-й класс, пос. Шугурово, Татарская АССР; **Лена МАМЕДОВА,** 3-й класс, г. Приморско-Ахтарск, Краснодарский кр.; **Владимир ВАВЕНКО,** 6-й класс, г. Ахтырка, Сумская обл.; **Аркадий КОЗЫРИН** и **Елена ЛЕУС,** 6-й класс, г. Славянск, на Кубани, Краснодарский край; **Алексей АНАНЬИН,** 7-й класс, г. Шахты, Ростовская обл.; **Марина ШУТЬКО,** 5-й класс, г. Красноармейск, Московская обл.; **Алеша КРУГЛИКОВ,** 4-й класс, г. Москва.

В № 8 «Пионера» мы назовем лучшие коллективные работы и продолжим список призеров нашего конкурса.

Не успела Калинка снять шапочку-невидимочку, как Лёка, Марина и Алеша окружили ее и в один голос воскликнули:

— Ну как экзамены, Калинка?

А за стеной, в Алешиной квартире, Бим-Бом тяжело захрипел, отстав от них ровно на три секунды.

— Кха-ха-хак, Калинка?

Калинка развела руками.

— Не знаю. Сдала три экзамена. Отметки у нас не говорят до завершения последнего коллоквиума. А там еще практический курс... Но... пока... по-моему, все хорошо.

— Ты ни капельки не волнуешься? — спросила Марина.— Я за тебя так волнуюсь, что даже мама за меня волнуется.

Все засмеялись, а Бим-Бом за стеной сказал:

— А... я... даже кха... кха... голос...— И замолк.

— Потерял он голос,— прошептал Алеша.— Мы все очень, очень переживаем.

— Спасибо. Так важно, чтобы кто-то о тебе волновался,— сказала Калинка.— Спасибо. Я даже на экзаменах обо всех вас помню...

— А где ты занимаешься, Калинка? — спросил Алеша.

— Ты хочешь спросить, не на моем ли кораблике? — засмеялась Калинка.— Конечно, нет. В своем домике, в рабочей комнате. А экзамены сдаю там... Оч-чень далеко... А сейчас забудем об экзаменах. Это тоже важно — переключаться. Я с большим удовольствием помогу вам готовить обед.

— Мне. Мне поможешь, Калинка.— Затараторила Лёка.— Сегодня моя очередь дежурить, мы с Калиночкой придумаем на обед что-нибудь необыкновенное.

— Несправедливо, — возмутился Алеша.— В обыкновенный день дежурь одна сколько хочешь, а с Калинкой мы все будем дежурить.

— Не ссорьтесь,— сказала Калинка.— Мир и тишина. Сейчас все идем гулять, а потом все будем готовить обед. Согласны?

— Конечно, согласны. А можно Чубчика с собой взять?

— Не только можно,— начала Калинка...

— Но и нужно,— хором закончили все и вприпрыжку бросились в коридор надевать куртки.

Два с половиной часа носились они по берегу канала. В салки играли, в прятки играли, в бадминтон играли, а потом с Чубчиком в мячик играли, пока он не устал да не свалился под березой. И еще, когда домой возвращались, на берегу канала щавель нашли. Большую охапку насобирали и домой принесли.

Все отдохнули немного, умылись и ринулись в кухню — обед готовить.

— Нет,— сказала Калинка.— Так у нас будет толчея. Пожалуй, Марину мы освободим. Пусть она учит свой музыкальный урок. Завтра ее дежурство, и она не успеет к послезавтрашней музыке подготовиться.

— Я с тобой, Марина, поменяться не могу,— сказала Лёка.— Завтра у нас сбор. Мы всем отрядом на пионерский парад идем.

Марине очень хотелось вместе с Калинкой кулинарничать, но спорить она не стала, это было бы неразумно. В самом деле, Лёка поменяться с ней не могла, а музыку учить надо.

— Но потом вы мне расскажете, как и что готовится. Не забудете?

— Конечно, не забудем. А какой у нас будет обед, Калинка?

Калинка посмотрела на щавель, заглянула в холодильник, проверила, сколько в кастрюле бульона, немного подумала и ответила:

— У нас сегодня весенний обед. Зеленые щи из щавеля. Творожники. На сладкое молочный кисель. Я буду шеф-поваром. Алеша готовит щи, Лёка кисель и творожники.

ЗЕЛЕНЫЕ ЩИ

Мясной бульон, картошка, щавель, зеленый лук

— В первую очередь, Алеша, налей в эту двухлитровую кастрюлю бульона и поставь на огонь. Очисть три-четыре картошки, порежь их маленькими кубиками и опусти в кипящий бульон. Щавель перебери, отбросив соринки и травинки, и хорошенько промой холодной водой. Теперь положи горстку щавеля на доску и режь тонкими полосками, как шинкуют капусту. Тонко-претонко. Сложи весь щавель в эту миску. И так же мелко нашинкуй пучок зеленого лука, предварительно промытого холодной водой. Бульон с картошкой уже кипит минут пять? Хорошо. Попробуй, достаточно ли соли.

— По-моему, надо еще чуть досолить.

— Досаливай и опускай щавель и лук. Минуты через четыре попробуй, не надо ли еще соли, да чуть подсахари, не больше чайной ложки.

Еще пять минут, и снимай кастрюлю с огня. Зеленые щи должны вариться минут 15—18.

— Мне почему-то всегда казалось, что щавелевые щи готовить очень сложно. А мы раз-два—и все сделали,— удивился Алеша.— А бабушка щавель зачем-то протирает.

— Каждый готовит по-своему. Я протертый суп не люблю. Если хочешь, могу рассказать, как готовит бабушка. Она тоже перебирает, промывает щавель и, сложив в дуршлаг, обдает его кипятком. Когда вода стечет, подставляет под дуршлаг миску и протирает в нее щавель. В дуршлаге останутся черенки от листочков, а в миске соберется щавелевое пюре. Вот это пюре и опустит бабушка в бульон. Следующий раз попробуй пригото-

вить, как готовит бабушка, и сам реши, что тебе больше понравится. К щавелевому протертому супу обязательно полагается мелко рубленное крутое яйцо и сметана, а суп из рубленого щавеля вкусен и без приправ. Такой же суп можно приготовить не на мясном бульоне, а с маслом.

— Скорее, Калинка, скорее,— затараторила Лёка.— Молоко закипело.

— Очень хорошо. Сейчас в две минуты у нас будет готов...

МОЛОЧНЫЙ КИСЕЛЬ

На литр молока надо стакан воды, пять столовых ложек сахара, столовую ложку картофельной муки и цедра (тонко срезанная кожица с четверти лимона или апельсина).

В двухлитровой кастрюле вскипяти воду с молоком. Добавь сахара, половину столовой ложки мелко нарезанной цедры, предварительно ошпаренной кипятком (чтобы сошла горечь). В чашку с холодной водой (примерно полчашки) насыпь картофельной муки, хорошенько размешай и сейчас же вылей в кипящее молоко. Вливай постепенно, размешивая смесь ложкой, чтобы не получилось комков.

Видишь, кисель загустел. Дай ему чуть закипеть и сейчас же выключи огонь. Попробуй, не надо ли добавить сахар. Кисель лучше быстро остудить, поставив кастрюлю в таз с холодной водой. Не забудь приоткрыть крышку, чтобы тепло выходило.

Лёка подула на ложку с киселем, попробовала.

— Вкусно, но знаешь, Калинка, что-то у нас сегодня все очень быстро готовится,— немного разочарованно сказала Лёка.— Творожники, надеюсь, надо готовить целый час?

— Очень сожалею,— засмеялась Калинка.— Но мои творожники готовятся двенадцать минут. Алеша! Собирай на стол да зови Марину. Мы за это время приготовим творожники.

ТВОРОЖНИКИ

На 500 граммов творогу — два яйца, половину столовой ложки сливочного масла, столовую ложку муки, полторы столовых ложки сахарного песку, чуть соли. Для формовки творожников — еще столовая ложка муки. Для жарения лучше всего топленое масло, примерно две столовые ложки, или кукурузное, или оливковое масло.

— В этой миске деревянной ложкой быстро растираем творог, сахар, масло, яйца, добавляем муку, щепотку соли. Получилась однородная желтоватая масса. Ставь вот эту большую сковороду на огонь. Пока минутки полторы она разогревается, мы должны успеть сделать творожники. Бери ложкой массу, выкатывай на доске в муке шарик, прихлопывай с двух сторон и отодвигай в сторону. Один... пятый... двенадцатый... пятнадцатый.

Сковородка горячая? Положи масло. Как только оно растопится и разогреется (примерно через минуту), начинай жарить творожники. Помнишь, как жарить котлеты? Так же и творожники. В середину, в горячее масло — и в сторону. Через минутку-две переверни. И еще раз. Вот и все!

— Вот и все...— Лёка посмотрела на часы.— Ровно тринадцать минут. А знаешь, Калинка, хорошо, что так быстро обед приготовили. Есть хочется очень. И обед такой свеженький! Чудо. Но в следующий раз мы будем готовить что-нибудь оч-чень сложное. Хорошо?

— И мне тоже очень хочется есть. Зови Марину обедать... А когда будут известны результаты твоих экзаменов? — спросил Алеша Калинку.

— Ровно через тринадцать дней.

— Ох, и пир мы устроим! — воскликнула Лёка.— На весь мир!

— И знаете, пусть каждый придумает что-нибудь необыкновенное, удивительное для этого всемирного пира, — предложил Алеша.— В честь Калинки... Мне давно хочется приготовить что-нибудь сладкое, необыкновенное. Например... пахлаву.

— Пахлаву? — удивилась Калинка.— Проще простого... А что касается слова «необыкновенное», то смотря с какой стороны к нему подойти. Для тебя борщ вкусная, но обыкновенная еда, а для человека, приехавшего из Индии, борщ экзотическое блюдо. Для тебя пахлава нечто удивительное, для армянского мальчика просто сладкий пирог. Будешь записывать?

— Конечно.— Алеша скорее достал свою книжку и открыл главу «Тесто».

ПАХЛАВА

3 стакана муки, 1 яйцо, 2 стакана холодной воды, $1/2$ чайной ложки соли, $1\,1/2$ стакана очищенных орехов, $1/2$ стакана изюма, стакан топленого масла, $1\,1/2$ стакана сахарного песка.

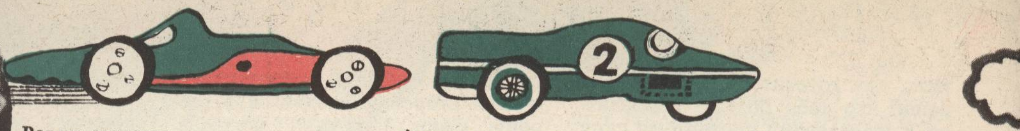
В первую очередь приготовить начинку: очистить орехи и потолочь в ступе или смолоть на мясорубке, изюм перебрать, очистить от веточек, промыть холодной водой и потушить на маленьком огне под крышкой минут 5—8 с ложкой масла. Смотри, чтобы не подгорел! Остывший изюм смешай с орехами.

В просторной миске взбить яйцо с солью, влить воду, разболтать и, всыпая постепенно муку, замешать тесто. Выложить тесто на доску, присыпанную мукой, и хорошенько помесить 3—4 минуты, чтобы получился гладкий, эластичный ком. Разделить тесто на 5 равных кусков и раскатать 5 тонких одинаковых лепешек. Зажечь духовку, смазать противень маслом, положить первую, потолще, лепешку, помазать маслом и посыпать начинкой. И так все три лепешки. Пятую, верхнюю, только помазать маслом. Сделать надрезы и поставить в духовку, наверх. Печь пирог минут 25. Сварить сироп из $1\,1/2$ стакана песка и $1/2$ стакана воды. Можно выжать туда сок одного апельсина, или половину лимона, или две столовые ложки жидкого варенья, или сока. Горячий пирог залить чуть остывшим сиропом. Остудить и тогда только снять с противня. До вечернего чая накрыть пирог полотенчиком. Обязательно!

Рисунки Т. ЛАРИОНОВОЙ.

Эти быстрые, быстрые модели...

Ю. БЕХТЕРЕВ, судья республиканской категории по автомобильному спорту

Ревут моторы.
Ох, как ревут эти моторы!
Мы, судьи, просто глохнем,
да и жителям
окрестных домов, видно,
тоже приходится несладко.
Впрочем, нет.
Вот уже много лет
участвую я в соревнованиях
юных автомоделистов
и ни разу не слышал
ни одной жалобы.
Зато все окна настежь.
И в каждом две-три головы.
Болельщики!

...Автомодельные соревнования. Тебе еще не приходилось бывать на них? Нет? Тогда давай вместе придем на автомодельный кордодром и посмотрим, что же там происходит. Поверь: состязания по автомоделизму — спортивный поединок, не менее интересный, чем жаркие хоккейные баталии или ледовые гонки мотоциклистов.

Ты только посмотри на этих ребят — участников стартов. Похоже, они чуть-чуть важничают: мы, мол, умеем такое, чего не умеет никто. Мы построили сложнейшие модели. Сами вот этими руками оживили их, дали им эти рычащие моторы. Мы заставили их нестись по кругу кордодрома со скоростями, какие настоящим «москвичам», «жигулям» и даже «волгам» и не снятся. Сто пятьдесят километров в час — это уже не скорость. Вот если за двести! А лучшие модели подбираются уже и к тремстам... Правда, это не у нас, это у взрослых автомоделистов, мастеров спорта, чемпионов Европы. Но ведь чемпионы-то — наши учителя! Значит, скоро и мы их догоним и перегоним.

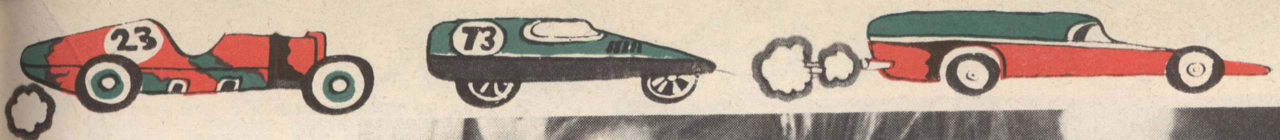
Так рассуждают юные автомоделисты из Ленинграда и Владивостока, Еревана и Йошкар-Олы. И еще из многих-многих городов.

Ты уже завидуешь им немножко? И в самом деле, есть чему. Они на равных разговаривают с шофером, они прекрасно разбираются в способах обработки металла и в особенностях работы двигателя. Они умеют сверлить и фрезеровать, делать из

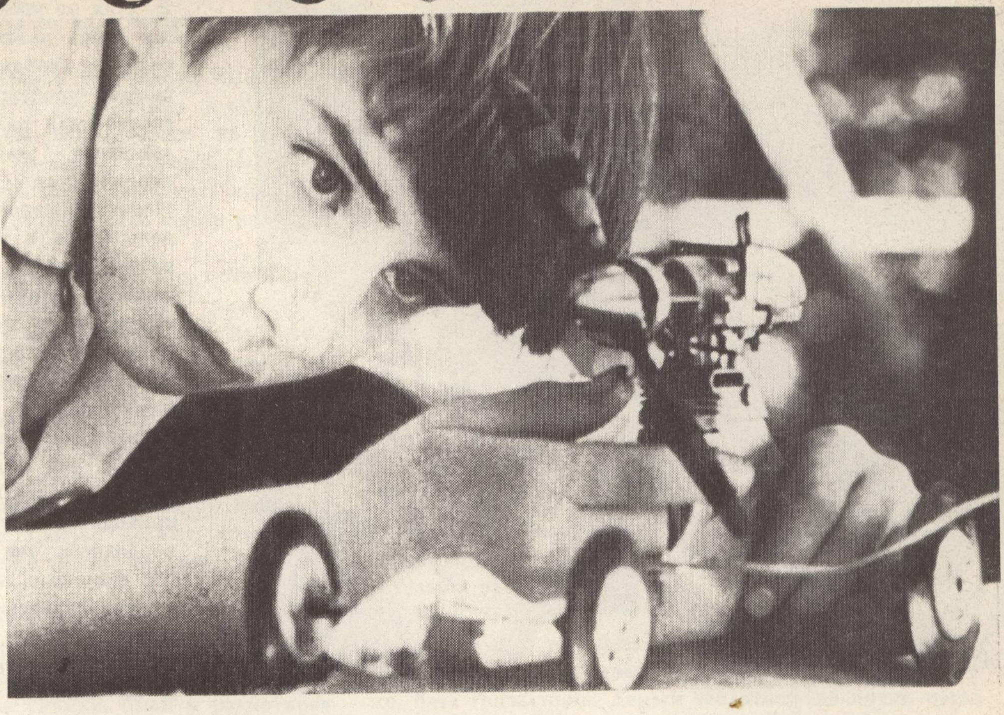

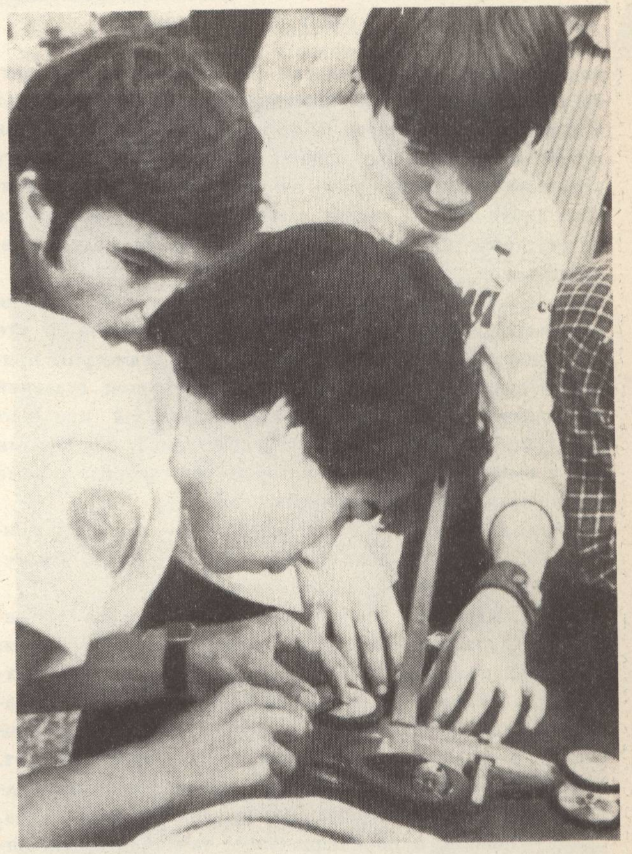
Фотографии В. ПОСТНИКОВА.

Рисунки А. БОРИСОВА.

*Мы с тобой —
на автомодельном
кордодроме.
Слева — старт.
Марат Баширов
из Башкирии
с помощью пускщитка
запускает
свою модель
по кругу.
Снимок внизу —
вместе с товарищами
по команде
Марат спешит
исправить поломку —
полетело колесо.
А справа —
победитель
соревнований,
Юра Богатых
из города
Жуковского
и его аэромобиль.*

сырой резины шины с настоящим протектором и составлять хитроумные горючие смеси. А как они разбираются в марках автомобилей, как солидно рассуждают об их достоинствах (и недостатках тоже)!

Им столько же лет, сколько и тебе. И они уже умеют все, что умеешь ты, и к тому же начали по-настоящему заниматься техникой.

...Что-что? Тебя интересует электроника? Так ведь ее в автомоделях полным-полно. Есть даже машины, управляемые по радио. И их тоже делают твои сверстники.

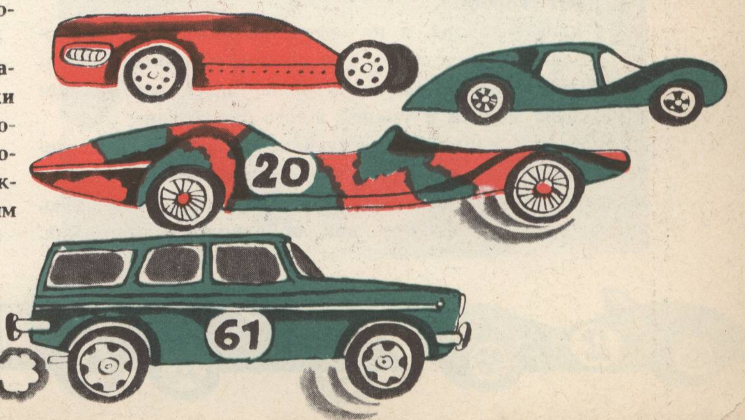
...Химия? Попробуй-ка запусти капризный двигатель внутреннего сгорания без хорошего знания химии. Попробуй отлакируй модель, если ты не знаешь, как «отнесется» металл к нитрокраске, которую ты собираешься нанести на кузов.

...Физика? И тут без знания основных законов механики ничего не получится. Зато на уроках ты сможешь говорить об этих законах с полным знанием дела.

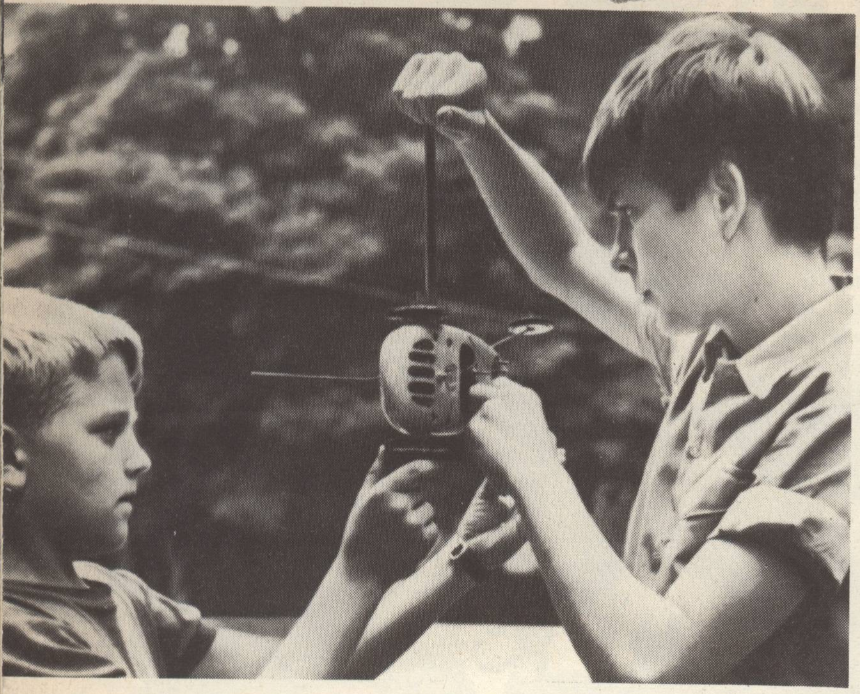
Только не подумай, что я так расхваливаю автомоделизм, потому что у него мало поклонников. Десятки тысяч ребят после школы занимаются в автомодельных кружках и лабораториях, придумывают новые машины-модели, встречаются на соревнованиях. Сначала у себя в кружке, потом на городских, потом на республиканских. Вот хотя бы на таких, о которых рассказывают эти снимки.

Самые разные модели привозят они для участия в стартах. Модели гоночные и модели-копии известных машин, модели с электродвигателем и с воздушным винтом, радиоуправляемые и простейшие — резиномоторные.

Есть и еще один — экспериментальный класс, так называемые трассовые модели. Эти маленькие машинки с электромоторчиками бегают в отличие от других моделей по три-четыре в ряд по замкнутой трассе, которая напоминает шоссе с многорядным движением. Каждая идет по своей дорожке — по чуть выступающим

И, судя по всему, свыкся с ней (это тоже очень важно при запуске), держит ее легко, свободно. Начинает такой мальчишка пробежку, глядь — пускшток (палка для разгона модели и запуска двигателя — ты ее видишь на фото, где показан старт башкирского спортсмена Марата Баширова) вылетел из рук, а модель ушла в круг, запутала кордовую нить и сама в песке извалялась. А то, бывает, бегает, бегает мальчишка по кругу, так и не запустив двигатель, и кричит что есть мочи товарищу по команде: «Ленька, тащи пассатижи!» Пока подбежал помощник, пока найдена причина неудачи, неумолимые часы отстукали три минуты (столько отпущено спортсмену на подготовку к старту), и приходится, опустив голову, покидать кордодром, так и не оживив модель.

С помощью пускштока или запуском с руки стартуют и гоночные и модели-копии. Конечно, модели с двигателями разной мощности соревнуются отдельно. И по каждому классу свои чемпионы.

Что-то не ладится у ребят из Дагестана...

над полотном дороги рельсам (по рельсам и подводится электрический ток). У каждого участника свой пульт управления. Увеличивая или ослабляя силу тока, он может заставить свою машину замедлить или ускорить ход, начать поворот, уйти от столкновения с соперником. Такие трассы строят чаще всего в школах и уже не раз проходили всесоюзные соревнования моделистов-трассовиков.

Ну, а мы с тобой сегодня пришли на соревнования кордовых моделей. Почему кордовых? Да потому, что они бегают не по прямой, а по кругу диаметром примерно двадцать метров, привязанные тонкой стальной проволокой-кордой. Много разных моделей проходит перед болельщиками на этих состязаниях. Кордовыми могут быть все модели, о которых мы говорили, кроме радиоуправляемых и трассовых.

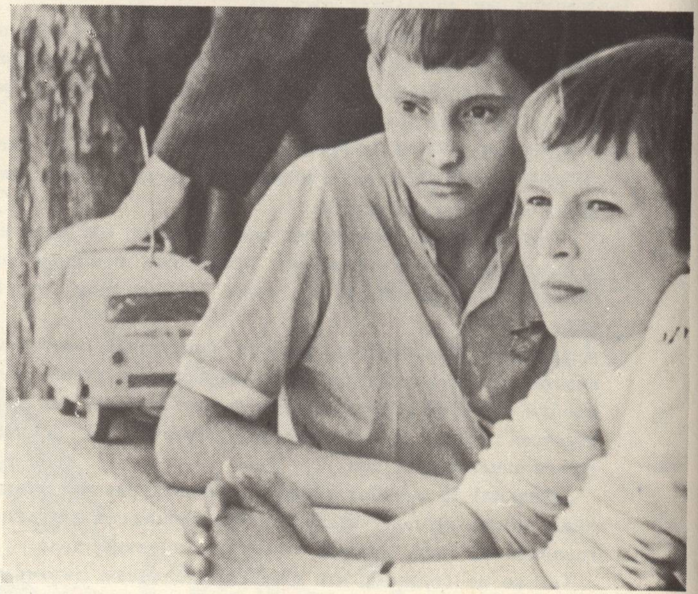
Сначала обычно стартуют тихоходы — с электродвигателем. Снаружи это точные копии «волг» и «жигулей», только во много раз меньше.

Когда судейская коллегия принимает модель у участников соревнований, очень тщательно проверяется: точная ли получилась копия. Придирчивые судьи — технические контролеры — смотрят, зажигаются ли габаритные огни, работают ли «дворники», есть ли звуковой сигнал. Даже форму протектора на колесах учитывают.

А потом модель идет на старт. Восемь кругов предстоит ей пробежать. Это по прямой полкилометра. Старт — финиш, и по специальным таблицам судьи определяют скорость.

По правде говоря, я не очень люблю старты кордовых «электро»: уж очень они какие-то спокойные, неторопливые. То ли дело, гоночные! Здесь все налицо: и качество модели и умение юного спортсмена.

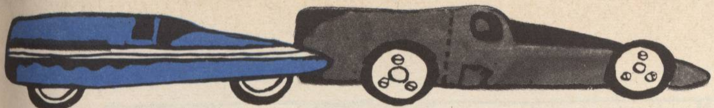
Много раз наблюдая с судейской трибуны за подготовкой к старту новичков, я с сожалением думал: как же так получается, и модель парень сделал неплохую, видно, с каким тщанием, как любовно она выполнена.

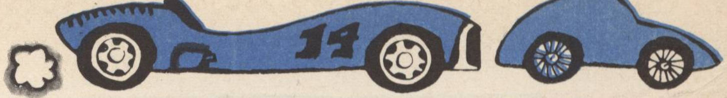

Как на каждом соревновании, и здесь было много болельщиков. Рядом — радиоуправляемая модель.

Вот и на тех соревнованиях, о которых рассказывают наши фотографии, одним из чемпионов стал Юра Богатых из подмосковного города Жуковского. Правда, он стартовал с особой гоночной — с воздушным винтом. Это самые простые среди моделей с двигателями внутреннего сгорания. Тут нет ни сложной системы передач на колеса, ни литых кузовов, ни мягких, как у автомобиля, рессор-подвесок. Зато все легко и быстро построить. А ведь хочется же поскорее посмотреть, как бегает первая модель. Вот потому-то начинающим и предлагают сначала строить аэромобили.

Откровенно скажу, Юре повезло. Он занимается у одного из самых лучших наших педагогов, Романа Сергеевича Хабарова, в прошлом известного моделиста, воспитавшего многих замечательных спортсменов, инженеров, конструкторов. Команда Хабарова не раз за-

воевывала первые места даже на всесоюзных соревнованиях.

А вот у ребят из Дагестана явно что-то не ладится. Это, сразу видно, новички. В руках у них пока еще не совсем самодельная модель. Она собрана из набора, который можно купить в магазине. Конечно, на чемпионское звание с такой моделью рассчитывать не приходится, но и последним не будешь, если мотор не подведет.

Впрочем, моделиста подводит не только мотор, но и колеса и остановочное устройство (оно ставится на каждую модель, чтобы после финиша она не бегала зря по кругу). Давно уже моделисты убедились, что такие колеса, как то, что ремонтирует Марат Баширов, не очень надежны: у них шина зажимается между двумя алюминиевыми дисками. Полетело колесо — развинчивай все, а времени-то на стартах совсем немного, да и товарищам по команде помочь надо: взаимопомощь — закон моделистов. Сейчас делают колеса по-другому: наваривают резину прямо на диск, это гораздо прочнее.

...Впрочем, я уже, кажется, пустился в технологию. А ведь мы посмотрели старты не всех классов моделей.

На республиканских соревнованиях в Ростове, о которых рассказывают наши снимки, были и радиоуправляемые модели (около одной из них — видишь антеннку над кузовом? — сидят, явно завидуя спортсменам, болельщики).

Были и экспериментальные конструкции. Ну, эксперимент есть эксперимент. На одну удачу приходится сотня неудач. Не получился запуск и у Петра Иванова из Смоленска. Он пытался заставить стартовать модель с воздушным винтом, да еще на воздушной подушке. Смелая затея, история нашего автомоделизма еще не знает стартов таких машин. Но не повезло. Хотя Петя, как помнится, был не очень огорчен. Скорее озабочен: почему же все-таки не получилось?

И, наконец, самый юный участник — ростовчанин Игорь Овод. Его модель с резиномотором пробежала дистанцию со скоростью почти тридцать пять километров в час. Для «резинки» — так называют эти модели наши спортсмены — результат совсем не плохой.

Вот, пожалуй, и все автомодели прошли перед тобой. Быстрые и не очень, сложные и не очень, послушные и не очень. Пришлась ли тебе какая-нибудь по вкусу? Да?

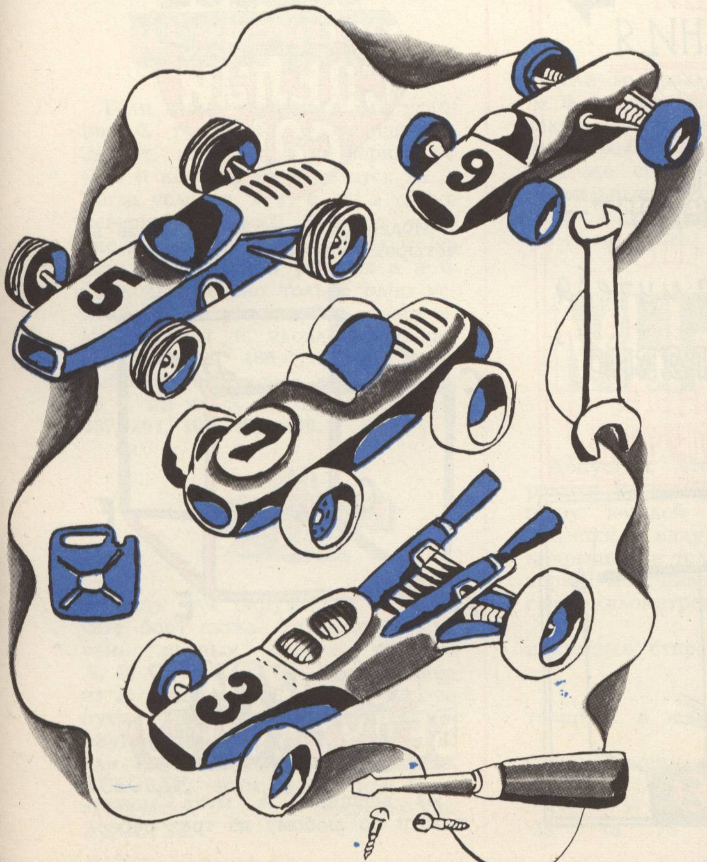
Тогда смело берись за конструирование. И помни, что наш век недаром называют веком автомобиля. И самый близкий путь к автомобилю через автомодельный спорт.

До встречи на стартах!

ОТ РЕДАКЦИИ. Захотелось тебе попробовать свои силы? Отправляйся в библиотеку, возьми подшивку журнала «Моделист-конструктор» за любой год, и ты обязательно найдешь подробные чертежи и описание моделей.

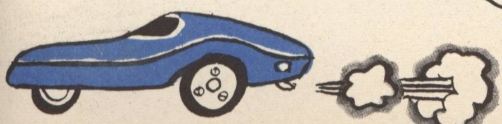
Если хочешь для начала собрать модель из набора, напиши по такому адресу: Горький, С-99, ул. Федосеенко, база Посылторга. Деньги заплатишь на почте, когда будешь получать посылку.

Игорь Овод был самым младшим на соревнованиях и тем не менее победил! Победу ему принесла модель с резиномотором.

А. ОРЛОВ,
А. РОЗЕНТАЛЬ

СОБАКИ, присланные из НОВОСИБИРСКА

$$\begin{array}{r} +\ \text{БАРБОС} \\ \text{БОБИК} \\ \hline \text{СОБАКИ} \end{array}$$

Расшифровку можно проводить, например, так.

Сложение в столбце сотен тысяч дает $С = Б + 1$. Сложение в столбце десятков тысяч показывает, что $А + Б = 10 + «О»$, либо $А + Б + 1 = 10 + «О»$ (букву О мы заключаем в кавычки, чтобы не спутать с нулем).

При сложении в столбце единиц получаем либо $С + К = И$, либо $С + К = 10 + И$. Разберем сначала первый случай. В столбце десятков $«О» + И = «О» + С + К$, то есть больше К, поэтому $«О» + И = 10 + К$. Следовательно, $С + «О» = 10$, $Б + 1 + «О» = 10$, $«О» = 9 - Б$. Из столбца сотен видно, что либо $2Б + 1 = А$, либо $2Б + 1 = 10 + А$. Комбинируя каждое из этих двух уравнений с одним из двух уравнений, полученных выше при рассмотрении столбца десятков тысяч (с заменой $«О» = 9 - Б$), получаем четыре системы двух уравнений с двумя неизвестными. Из них натуральные решения имеет только одна, которая дает $А = 5$, $Б = 7$. Следовательно, $С = 8$, $«О» = 2$. Подставляя расшифрованные цифры, получаем:

$$\begin{array}{r} +\ \text{75Р728} \\ \text{727ИК} \\ \hline \text{8275КИ} \end{array}$$

Из столбца тысяч получаем $Р = 4$. Поскольку $8 + К = И$, то $К = 1$, $И = 9$. Получаем расшифровку:

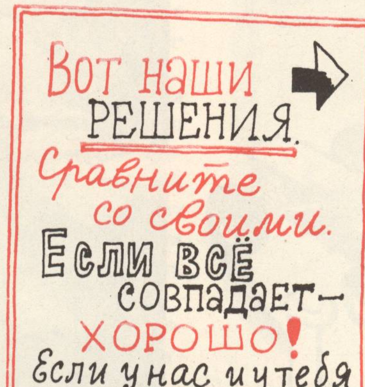
$$\begin{array}{r} +\ 754\,728 \\ 72\,791 \\ \hline 827\,519 \end{array}$$

Разберем случай $С + К = 10 + И$. Тогда $«О» + И = «О» + С + К - 10$, но $«О» + И + 1 = К$ или $«О» + И + 1 = 10 + К$. Поскольку равенство $«О» + С = 19$ невозможно, то $«О» + И + 1 = К$ и $«О» + С = 9$, $«О» = 8 - Б$. Сопоставляя последнее соотношение со сложением в столбце десятков тысяч, получаем $А + 2Б = 17$, либо $А + 2Б = 18$. Поскольку из столбца десятков в столбец сотен ничего не переносится, то $2Б = А$, либо $2Б = 10 + А$. Взяв по одному уравнению каждой пары, получим четыре системы двух линейных уравнений с двумя неизвестными. Только одна из них имеет натуральные решения $Б = 7$, $А = 4$. Следовательно, $С = Б + 1 = 8$, $«О» = 8 - Б = 1$. Подставим расшифрованные цифры:

$$\begin{array}{r} +\ \text{74Р718} \\ \text{717ИК} \\ \hline \text{8174КИ} \end{array}$$

Из столбца тысяч получаем $Р = 5$. Далее, $8 + К = 10 + И$ (столбец единиц), $К = 2 + И$, причем буквами К и И зашифрованы какие-то из цифр 0, 2, 3, 6, 9. Есть единственная возможность: $К = 2$, $И = 0$. Получили вторую (и последнюю) расшифровку.

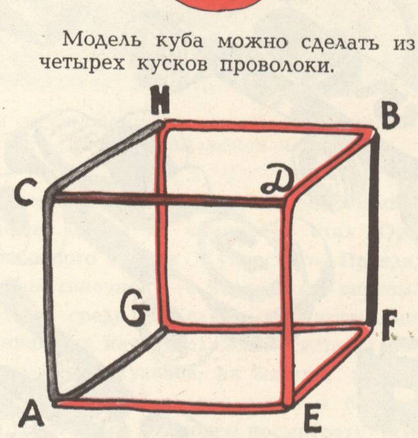
$$\begin{array}{r} +\ 745\,718 \\ 71\,702 \\ \hline 817\,420 \end{array}$$

СДЕЛАЙ САМ

Модель куба можно сделать из четырех кусков проволоки.

ВСЕ ПУТИ ВЕДУТ К МЕДУ

Из вершины А муха может ползти по любому из трех ребер.

Олимпиада трех неизвестных

Рисунки Б. Кыштымова.

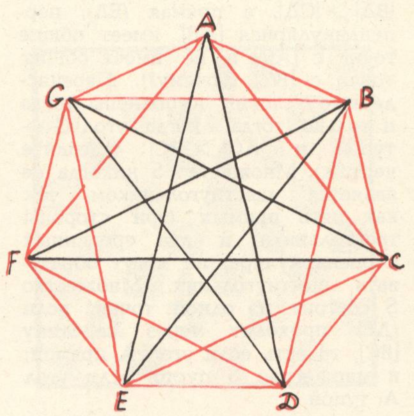
Число всех путей мухи можно получить, умножив — в силу симметрии куба — на **3** число «дорог», начинающихся с **АС**. Из **С** можно двигаться по **СД** или по **СН**. Число всех путей в $3 \times 2 = 6$ раз больше числа путей, начинающихся с **АСД**. Из **Д** можно идти либо сразу в **В**, либо в **Е**. Из **Е** можно идти только в **F**, так как в **А** муха уже была. Из **F** либо в **В**, либо в **G**. Из **G** — только в **Н**, а оттуда — только в **В**. Получаем, что с **АСД** начинаются ровно три пути: **АСДВ, АСДЕFВ, АСДЕFGНВ**. А всего имеется $6 \times 3 = 18$ путей мухи к меду.

Восемь неверных

Если верно условие **а** или условие **б**, то верно и условие **в**. Значит, ни **а**, ни **б** не верны, то есть **n** нечетно и не делится на 3. Тогда условия **в, г, е, ж, з** также неверны (почему?). Однако условие **д** выполнено — это следует из того, что неверны условия **а** и **б**. Поскольку верно только одно условие, то условие **и** неверно. Итак, среди **n**, удовлетворяющих неравенствам $486 < n \leqslant 501$, надо выбрать те, которые не делятся ни на **2**, ни на **3**, ни на **11**. Ответ: **487, 491, 493, 497, 499.**

На ледяной арене

Пусть эта окружность обозначает борт катка. Разделим ее на семь равных частей точками **А, В, С, Д, Е, F, G**. Если шайба из **А** попадет в **В** или **G**, то ее путь — правильный выпуклый семиугольник **АВСДЕFG**, если в **С** или **F** — звездчатый семиугольник **АСЕGВДF**, если в **Д** или **Е** — звездчатый семиугольник **АДGСFВЕ**.

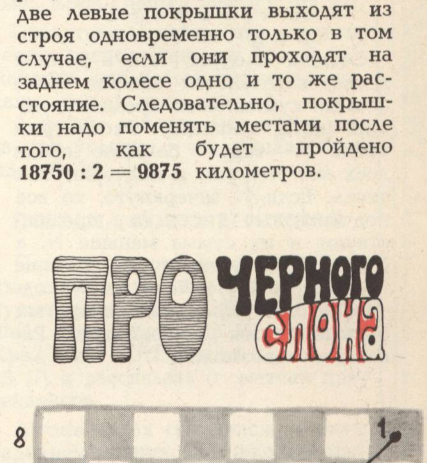

Если мы разделим окружность на **9** равных частей и проведем такие же построения, тоже получим **3** различных пути для шайбы. Тем же способом находим все правильные 11-угольники — их пять, и правильные 13-угольники — их шесть.

Мы едем едем едем...

Допустим, что покрышки стираются равномерно. Примем толщину каждой покрышки за **1** (имеется в виду толщина не всей покрышки, а только того слоя, который изнашивается). После тысячи километров пути передняя покрышка стирается на $\frac{1}{25}$ своей толщины, а задняя на $\frac{1}{15}$. Сумма толщин уменьшается при этом на $\frac{1}{25} + \frac{1}{15} = \frac{8}{75}$. Так как общая толщина двух покрышек равна **2**, то наибольшее расстояние, которое может пройти автомобиль до полного износа обеих покрышек, равно $2 : \frac{8}{75} = 18{,}75$ тысячи километров. Именно такое расстояние будет пройдено автомобилем, если обе покрышки выйдут из строя одновременно. Но на заднем колесе покрышки изнашиваются быстрее, чем на переднем. Поэтому две левые покрышки выходят из строя одновременно только в том случае, если они проходят на заднем колесе одно и то же расстояние. Следовательно, покрышки надо поменять местами после того, как будет пройдено $18750 : 2 = 9875$ километров.

Про черного слона

Будем на каждом поле шахматной доски писать число путей, которыми слон может пройти с поля **а1** на это поле, не нарушая условий задачи. Так, поле **в2** помечено числом **1**, так же помечены

поля c1, c3, d4, e5, f6, g7 и h8. Поле d2 помечено числом 2, так как на это поле слон может пройти двумя способами — с поля c1 и с поля c3. Поле e3 помечено числом 3, так как на него ведут два пути с поля d2 и один путь с поля d4. На поле e1 можно попасть только с поля d2, на которое ведут два пути, значит, и на поле e1 с поля a1 ведут только два пути. На поле f2 ведут 3 пути с поля e3 и два пути с поля e1, всего пять путей. Продолжая в том же духе, получим, что на поле h4 ведут 14 путей, а на вертикаль h ведут $(14 + 14 + 6 + 1) = 35$ путей.

2 Слишком много двоек 2

Если бы последовательность начиналась не с одной двойки, а с двух, то есть имела бы вид:

$2, 2, 4, 8, 16, 32, 64, \ldots, 2^{1975}$,

то, как легко заметить, каждое из чисел, начиная со второго, было бы равно сумме всех предшествующих ему:

$2 = 2$,
$4 = 2 + 2$,
$8 = 2 + 2 + 4$,
$16 = 2 + 2 + 4 + 8$,
и т. д.

Отсюда следует, что в данной последовательности каждое число больше суммы всех предшествующих (на 2 единицы). Рассмотрим число N — самое большое среди всех зачеркнутых и подчеркнутых чисел. Если N зачеркнуто, то все подчеркнутые числа ему предшествуют и их сумма меньше N, а сумма всех зачеркнутых больше N (или равна N). Если же N подчеркнуто, то сумма подчеркнутых больше суммы зачеркнутых. Равенство невозможно.

Сумма цифр суммы цифр

Известно, что сумма цифр делящегося на 9 числа сама делится на 9. Следовательно, **а**, **в** и **с** делятся на 9. Поскольку сумма цифр 1975-значного числа не превосходит $9 \times 1975 = 17\,775$, то число **а** записывается не более, чем пятью цифрами. Следовательно, сумма цифр числа **а** не более $9 \times 5 = 45$ и **в** не превосходит 45, а сумма цифр числа **в** не более $3 + 9 = 12$. Поскольку **с** делится на 9 и не превосходит 12, то **с** = 0, или **с** = 9. Если **с** = 0, то **в** = **а** = **А** = 0, что противоречит условию. Ответ: **с=9.**

А до вершины далеко...

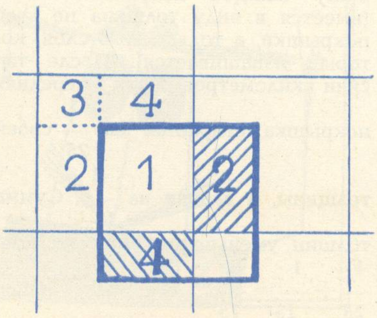
Начнем с более простого случая. Вместо треугольника будем рассматривать отрезок [KL]. Легко видеть, что множество точек M, от которых до L не дальше, чем до K,— это полуплоскость, лежащая справа от срединного перпендикуляра (PN) к отрезку [KL], включая сюда и точки (PN).

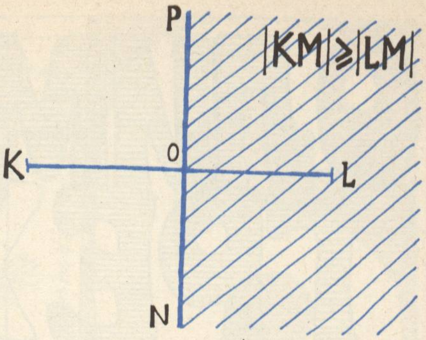
а) Теперь ясно, что искомое множество, которое мы обозначим буквой S, является пересечением треугольника и двух полуплоскостей, заданных неравенствами $|AM| \geqslant |BM|$ и $|BM| \geqslant |CM|$ соответственно.

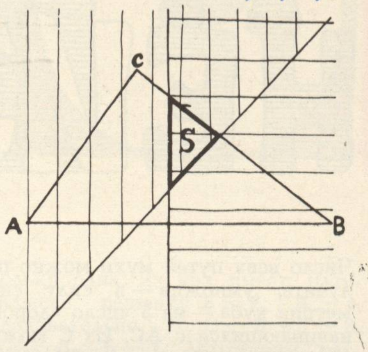
б) Множество S является пятиугольником в том и только в том случае, когда середина Д стороны [AB] удовлетворяет условию $|BД| > |CД|$, а прямая (ЕД), перпендикулярная [AB], имеет общие точки с [AC] и не имеет общих точек с [BC] (почему?). Перечисленные условия выполнены тогда и только тогда, когда угол C — тупой и $|AC| > |BC|$ (сделайте чертеж). Множество S никогда не является шестиугольником, так как пять прямых (три стороны треугольника и два срединных перпендикуляра) не могут образовать шестиугольник. Множество S состоит из одной точки, если (ДЕ) проходит через середину [BC], то есть если угол A прямой; и множество S пусто, если угол A тупой.

Снимается кино

Докажем сначала, что суммарная площадь кругов, накрытая каждой клеткой автобуса, равна площади одного круга. Для этого достаточно заметить, что область, накрываемую одной клеткой, можно разрезать на 4 части и переложить эти части так, чтобы они образовали целую клетку с «хорошим» узором. Отсюда следует, что и весь автобус накрывает одну и ту же площадь кругов.

О дробях

При решении полезно иметь в виду, что дробь сократима тогда и только тогда, когда числитель и знаменатель имеют общий множитель, отличный от единицы.

Справедливо равенство (проверьте!)

$$\frac{2n^2 - 1}{2n + 1} = \frac{n(2n + 1) - n - 1}{2n + 1} = n - \frac{n + 1}{2n + 1}.$$

Значит, если дробь $\frac{2n^2 - 1}{2n + 1}$ сократима, то и дробь $\frac{n + 1}{2n + 1}$ сократима, а значит и «перевернутая» дробь $\frac{2n + 1}{n + 1}$ сократима. Но $\frac{2n + 1}{n + 1} = \frac{2(n + 1) - 1}{n + 1} = 2 - \frac{1}{n + 1}$. Значит, если дробь $\frac{2n^2 - 1}{2n + 1}$ сократима, то и дробь $\frac{1}{n + 1}$ сократима. Но ясно, что $\frac{1}{n + 1}$ несократима. Следовательно, и $\frac{2n^2 - 1}{2n + 1}$ несократима ни при каком натуральном n.

От редакции: Решения двух задач под названием «Докажи, что лучше нельзя» мы опубликуем в следующих номерах.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

АНАТОЛИЙ КАРПОВ — ЧЕМПИОН МИРА

Это почетное звание присвоено ему Международной шахматной федерацией после того, как американец Роберт Фишер уклонился от матча с советским гроссмейстером.

«Я счастлив, что шахматная корона возвратилась в Советский Союз — великую шахматную державу»,— говорит двенадцатый чемпион мира Анатолий Карпов.

«Думаете ли вы, что Фишер избегал встречи с вами?» — спросили у Анатолия Карпова.

«Да, у меня есть основания полагать так,— ответил чемпион мира. — Директор-распорядитель американской шахматной федерации Эдмонсон утверждает, что, хотя Фишер за три года и не участвовал ни в одном турнире, ему удалось сохранить свою спортивную форму. Во всяком случае, я очень хотел, чтобы матч состоялся...»

Отвечая на вопрос о своих планах на будущее, Анатолий Карпов сказал:

«Буду участвовать в турнирах. Тренироваться, работать над повышением своего мастерства. Буду играть в шахматы».

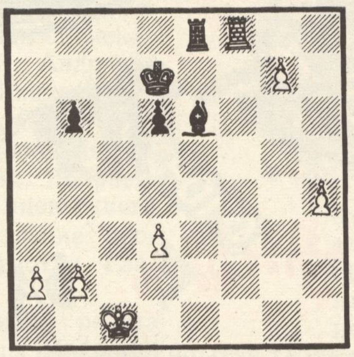
БЛИЗИТСЯ ФИНАЛ

По всей стране прошли турниры юных любителей шахмат, в них участвовали сотни тысяч ребят.

В июле будет проводиться финал соревнований клуба «Белая ладья».

Турниры этого года показали, как вырос класс игры школьных чемпионов.

Перед вами позиция, возникшая в партии между учеником шестого

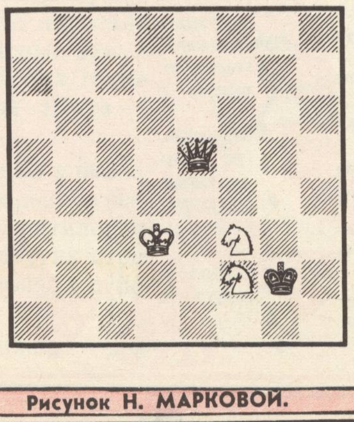
класса 22-й школы Вильнюса **Алонзасом Квейнисом** и львовским школьником **Витей Левиным.**

У черных лишняя фигура, но проходные пешки белых настолько сильны, что черным не избежать поражения. В партии было сыграно 1. h4—h5! Если теперь 1... Крd7—е7, то 2. h5—h6! и на 2... Лe8: f8 3. h6—h7! и белые выигрывают.

Найдите сами, как играл бы Алонзас в случае 1... Се6—g8?

КОНКУРС ПЕШКИНА

Пешкин предлагает вам задачу **Александра Гришина** из села Ермоловка, Ульяновской области.

Найдите, как в этом положении белые дают мат в два хода.

Мои друзья нет-нет да спрашивают: а в какую сторону ходят пешки? Напоминаю, обычно на диаграммах счет горизонталей идет снизу вверх. Но в этой позиции, в какую бы сторону ни ходили пешки, белые быстро дают мат. Белые: Крb4, Лg1, Лh1, Са2 (4) черные: Крh8, пешки b6, g7, h7 (4).

Представим себе, что черные пешки расположены на b6, g7, h7. Найдите, как белые, начиная игру, дают мат в три хода.

А потом найдите мат в три хода при условии, что пешки стоят на а2, b2, g3.

ПОБЕДИЛ КОСТЯ БЕРЕЖНОЙ

Помните, в прошлом году Пешкин предложил вам решить задачу-четырехходовку (Белые: Крh3, Фе4, Сg4, Кс4, Кс5 (5) черные: Кра2, Са1, Кh2, пешки а3, b3, b2, с3 (7) и рассказать о матчах претендентов.

Лучше всех справился с этим заданием ученик 18-й школы города Жданова **Костя Бережной:** он нашел, что мат в четыре хода достигается после 1. Фс2, или 1. Ка6. Ведет к цели и 1. Кd3. Подробно и точно Костя рассказал и о матчах.

Пешкин наградил Костю «Грамотой ферзя и ладьи» и премировал книгой о шахматах.

Книгами премируются **Сережа Тюренков** (Новосибирск), **Игорь Рябенький** (Гомель), **Тамара Балахнина** (Магнитогорск), **Александр Додонов** (Черемхово, Иркутская область), **Сережа Булатов** (г. Гай, Оренбургская область), **Виталий Кропман** (Пермь), **Таня Рубцова** (Всеволожск, Ленинградская область), **Оля Калашникова** (Челябинск), **Сережа Куприянов** (Саратов) и другие.

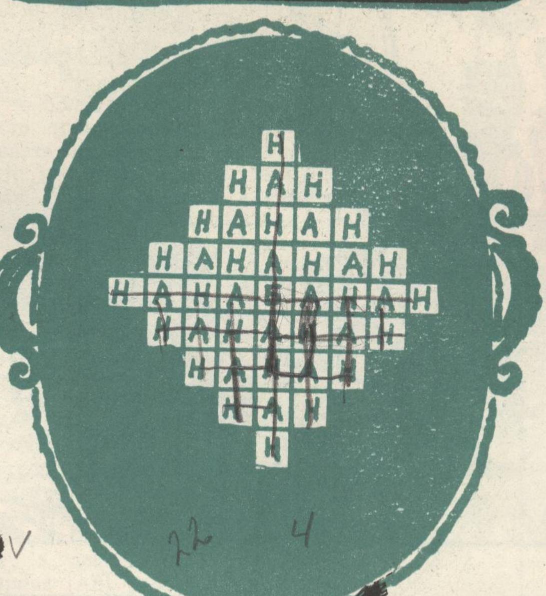
Рисунок Н. МАРКОВОЙ.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

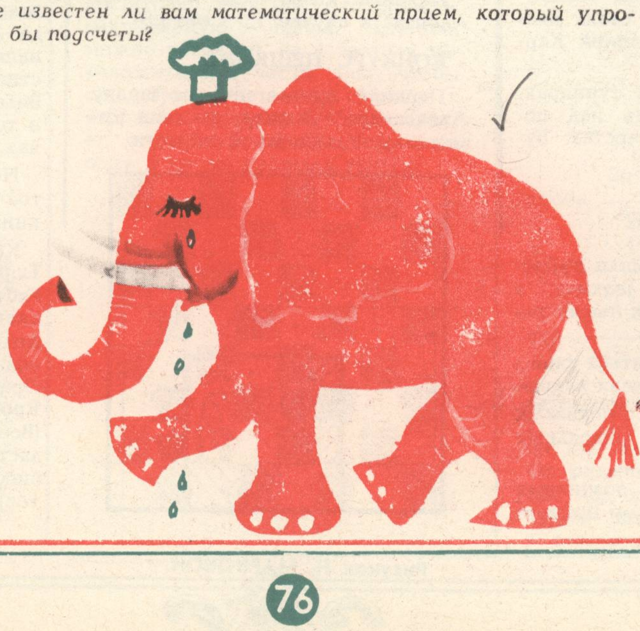
Обезьяны и бананы

Пятьдесят четыре обезьяны
Пригласил к себе на завтрак слон.
На подносе вкусные бананы,
Но хозяин чуточку смущен.
Он гостей тревожно озирает
(Я сейчас скажу вам почему),
Потому что, видимо, не знает,
Хватит ли им всем по одному!

СОВЕТ ЖИВЖИВКИ: *Пересчитайте скорее, сколько бананов на подносе. Читать слово «банан» можно в любом направлении и любыми зигзагами, но при одном условии: квадраты с буквами должны соприкасаться.*

Не известен ли вам математический прием, который упростил бы подсчеты?

Опять 25

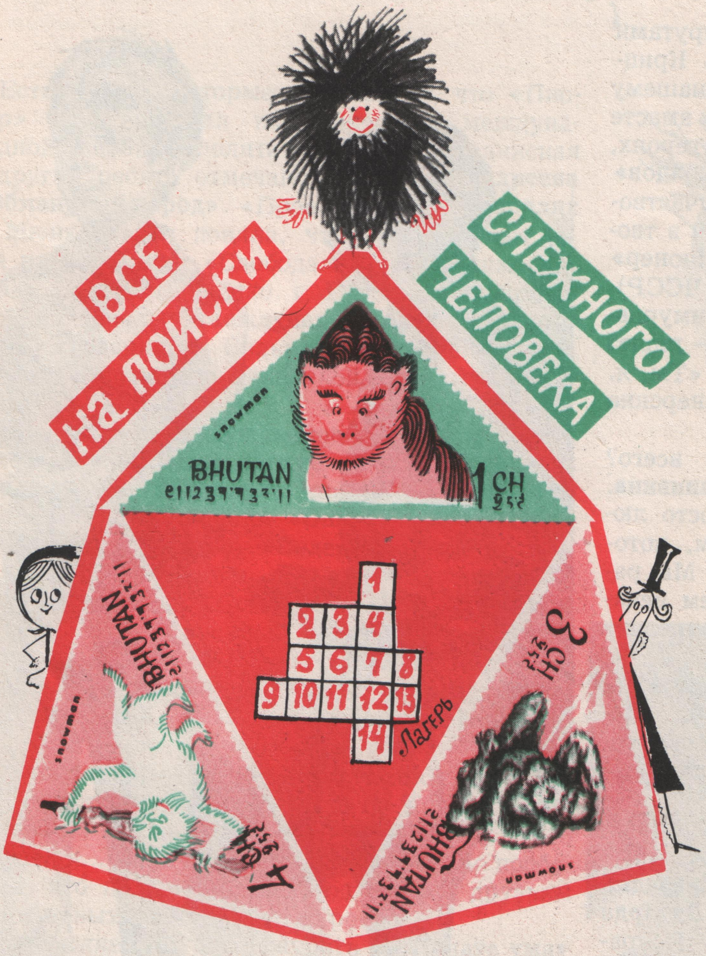
Из двадцати пяти спичек — ни одной больше и ни одной меньше! — мне удалось сложить фигуры двух спортсменов.

А что сложишь ты? Выбор у тебя неограниченный: это могут быть люди, животные, рыбы, птицы — все, что тебе захочется. Жду писем.

Живживка.

Игры Лупы и Пинцета

Некоторые ученые предполагают, что в самых недоступных местах Гималайских гор обитает «снежный человек». Никому, правда, не удавалось его увидеть и сфотографировать. Но тем не менее страна Бутан выпустила серию марок, на которых нарисован «снежный человек».

Отправимся в экспедицию и мы. Попробуем доставить «снежного человека» в наш лагерь. Для этого марку Бутана с первого квадрата надо перевести на тринадцатый. В других квадратах расположены марки: 2 — Камбоджи. 3 — Лаоса. 4 — Китая. 5 — Таиланда. 6 — Бирмы. 7 — Индии. 12 — Непала.

Помните: передвигать марки следует так, чтобы соприкасались только марки граничащих между собой стран. Желаем успеха!

Капитан Перо-86 ищет помощника

Когда сбор карандашей?

В руки Резинок попала шифровка, адресованная Карандашам.

Я предполагаю, что одинаковые буквы в уравнении соответствуют одинаковым цифрам. Здесь кроется ключ к расшифровке цифровой записи. Но пока что у меня ничего не получается. Жду вашей помощи.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4.

Игры Лупы и Пинцета.

Марки посылали три мальчика и три девочки. Каждый получил по две нигерийских и по одной австралийской.

Где и когда?

Битва состоялась на острове Крит в 1564 году.

Рыбки и ошибки.

В рисунке десять ошибок.

Что это?

В клетки нужно вписать такие слова: осина, телеграмма, заповедник, штангист, горилла, дрессировщица, дворняжка.

АНКЕТА «ПИОНЕР»-74

Вся редакция ждала этих писем с пометкой «Анкета «Пионер»-74». Еще бы! Целый год остался позади, еще одна толстая книжка — подшивка номеров журнала за двенадцать месяцев — появилась на полке в редакции. Какая она, эта книга? Вот это мы и хотели узнать от вас, наши читатели. И вы нам очень помогли — несколько тысяч ответов на вопросы анкеты получила редакция.

«Пионер» помогает нам идти маршрутами Марша «Всегда готов!», — пишет Игорь Крицкий из Челябинска. «Пионер» помог нашему отряду стать правофланговым. Мы все вместе читали и обсуждали очерки о пионерах-героях, о жизни ребят из других пионерских отрядов» (Нина Тройнина из Сыктывкара). «Мы участвовали во Всесоюзном сборе-поиске «Орден в твоем доме», который проводил журнал «Пионер» (Люба Неурочна, г. Братислава, ЧССР). «Я всегда начинаю читать журнал с тимуровских материалов и «Боевого листка», — пишет Вова Васин. «Материалы под рубрикой «Ты, я, наш отряд» помогали нам проводить пионерские сборы» (К. Тузов, Москва).

Какие повести понравились больше всего? **«Мальчик со шпагой» Владислава Крапивина.** Сережа Каховский стал для вас не просто любимым литературным героем, а другом, которому даже пишут письма и советуются. Мы рады сказать, что с этого номера начинаем печатать последнюю часть трилогии Владислава Крапивина — «Флаг-капитаны».

Любимыми повестями называют ребята **«Пароль — Надежда» Зои Воскресенской, «Повесть об отце» Юлии Калининой** в литературной записи **Ю. Капусто, «У меня есть лев» Юрия Яковлева.**

Из рассказов особенно понравились **«Качели в Пушкинских горах» Юрия Козлова, «Муха» В. Чернышева, «Бабушкина тетрадь» Е. Карпельцевой.** И, конечно, сказка **Эдуарда Успенского «Гарантийные человечки».** Понравились стихи **Валентина Берестова, Николая Заболоцкого, Юлиана Тувима.** Много хорошего пишут ребята о стихах **Юрия Луцкевича «Сумка Гайдара» и «Клятва летит по стране...».** Понравились рассказы о писателях и стихах: **«Читайте Гайдара» В. Смирновой, «Изнемогал от счастья бытия...» А. Крестинского, «Победил Пушкин» Фазиля Искандера.**

Что еще понравилось? Очерк **Сергея Иванова «БАМ, бамовцы...».** «Я словно побывала на этой грандиозной стройке комсомола», — говорит в своем письме Лена Лисицына из Москвы. Очерки **Юрия Крутогорова «Мамлакат» и «Уважаемый стан 2000».**

Есть ребята, которые признаются, что «Пионер» заинтересовал их вопросами международной жизни и политики. Женя Лебединская и другие ребята отмечают очерк **В. Андреева «Обманутый народ»**. «Прочитав о **«Радиовралях из Мюнхена»**, я поняла, что представляют собой радиостанции «Свобода» и «Свободная Европа» (Ирина Винченко, г. Воронеж). Понравились материалы **«Международного пионерского клуба «Товарищ»**. Большое впечатление произвело выступление чилийской патриотки **Гладис Марин.**

Среди лучших материалов журнала ребята отмечают очерки об охране природы **Надежды Надеждиной «Красная книга» тревоги»** и **«Свист иволги»**, очерки **«Операция под микроскопом» А. Калинко, «Соленый хребет планеты чудес» А. Гангнуса, «На плоту «муравьеды» и «ручейники» Ю. Сотника.**

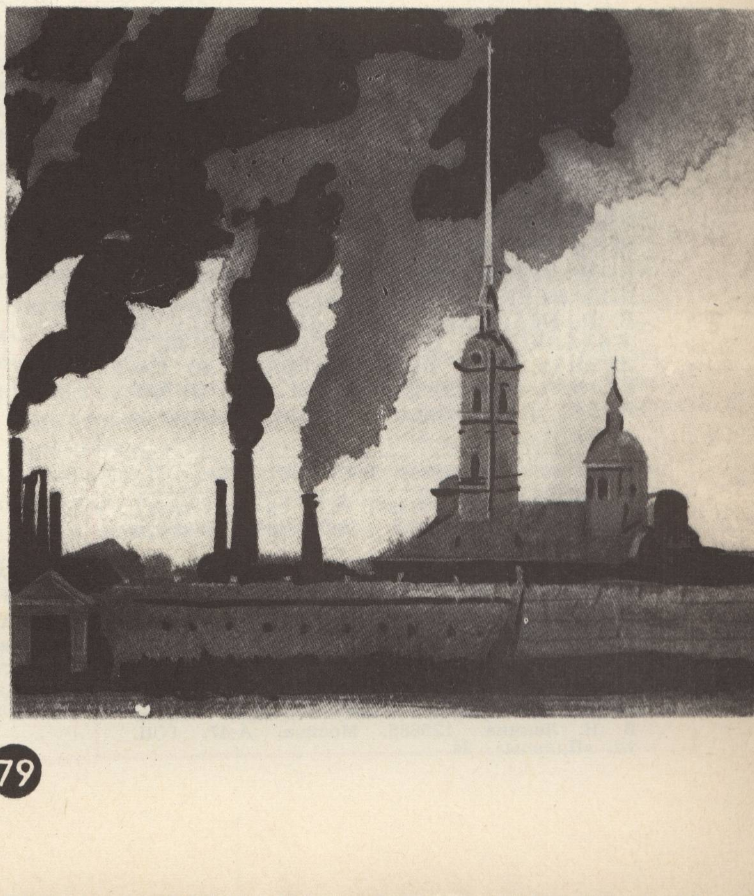
Понравились рисунки художников **Семена Трофимова, Бориса Гуревича, Юлии Карповой, Анатолия Борисова, Светозара Острова, Бориса Кыштымова, Аллы Вовиковой, Татьяны Ларионовой.**

«Калиночка, обязательно появляйся раз в месяц на страницах «Пионера», — просит Лена Попова из Москвы, а вместе с ней очень много девочек и... мальчиков. И Калинка твердо пообещала, что подарит в этом году своим друзьям много новых рецептов и выкроек.

По-прежнему будет дежурить в **«Палате ума» Никита Разговоров**, о котором ребята написали столько восторженных слов. Будут новые викторины и конкурсы. Будут встречи с **Тремя Неизвестными и с Пешкиным** из **«Страны Шаха — владыки черных и белых полей»**.

Мы постараемся выполнить все ваши пожелания, а их очень много. Вы хотите больше узнавать о строителях БАМа и героях пятилетки. Хотите читать о жизни пионеров в других странах и встречаться на страницах журнала с популярными артистами...

Вас ждет следующая толстая книжка — двенадцать новых номеров!

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке: «Атака». Рисунок И. Урманче.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Б. М. ЗУМАКУЛОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **В. П. КРАПИВИН, Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Л. С. СИМОНОВА** (зав. отделом школьно-пионерской жизни).

Технический редактор **В. П. БОРИСОВА.**

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, А-137, Бумажный проезд, 14. 11-й этаж. Телефон 253-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 24/II 1975 г. А 00809. Подписано к печати 1/IV 1975 г. Формат 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 565 000 экз. Изд. № 1001. Заказ № 416.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Собираем материалы о прославленной в боях 107-й стрелковой дивизии, формировавшейся в нашей республике.

Школа № 7, г. Волжск, Марийская АССР.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Провели 18-километровый поход по местам боев за Киев, встретились с освободителями нашего города.

6 «Б» класс, школа № 11, г. Киев.

СПАСИБО, ТИМУРОВЦЫ!

Мой первый командир

«Случайно открыл я девятый номер журнала «Пионер» за 1974 год, и в «Боевом листке» читаю: «Цветы для Андрея Слесова». Очень я тогда переволновался, ведь больше тридцати лет прошло с тех пор, как мы, шестеро мальчишек пятнадцати-шестнадцати лет, организовали нашу партизанскую группу. Командиром выбрали Андрея.

Что стало с Андреем потом, когда он ушел на фронт, где воевал и как погиб, я не знал... И вот теперь читаю в «Боевом листке» о его гибели, о болгарских пионерах, которые ухаживают за его могилой.

Спасибо вам, тимуровцы из Болгарии, за заботу о могиле советского солдата, за память о подвиге народа-освободителя. Спасибо «Пионеру» за то, что он рассказал о моем боевом товарище, моем первом командире Андрее Слесове».

Виктор Николаевич Гундоров,
Ростовская н/Д обл., Тацинский р-н,
пос. Жирново.

Операцию «Красные звезды Тимура» выполняем!

РАДОСТЬ—ЛЮДЯМ

В Люблинском районе Москвы в интернате для пенсионеров № 17 живут старые коммунисты, люди, которые участвовали в революции, сражались на фронтах гражданской войны... Многие из них теперь прикованы болезнью к постели. Над интернатом шефствуют тимуровцы люблинской средней школы № 331. Однажды к старым коммунистам приехали гости — тимуровцы из 620-й средней школы города Зеленограда.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Завершили операцию «Твоей республики сыны»: разыскали ветеранов Великой Отечественной войны в нашем поселке, записали их рассказы о войне. Материалы передали в школьный музей боевой славы.

5 «Б» класс, школа № 7, г. Алма-Ата.

ТЕЛЕГРАФ ТЧК

Шефствуем над двумястами ветеранами Великой Отечественной войны, живущими в нашем городе.

Красные следопыты клуба «Орбита», г. Магнитогорск.

★

Готовился к этой встрече весь интернат. Старые коммунисты встречали гостей в кинозале, празднично одетые, при всех орденах и медалях. Остались в комнатах лишь те, кто совсем не мог двигаться.

Но вот в приемниках местного радио раздался щелчок, включили микрофон, установленный в зале, и все комнаты наполнились звонкими ребячьими голосами. Они пели гимн коммунистов всего мира—«Интернационал». «Это есть наш последний и решительный бой»,— подпевали те, кто стоял в зале, и те, кто не смог прийти. Пели и плакали — эти слова звучали в эшелонах, шедших на фронт, и на стройках первых пятилеток...

Потом начался концерт: ребята читали стихи, пели, танцевали. А зрители смотрели на них из зала и вспоминали молодость... От всего сердца благодарили они ребят из средней школы № 620 города Зеленограда за тепло и радость, которую они принесли в этот дом.

ПОИСК ВЕДУТ «ОРЛЯТА»

В ночь с 24 на 25 марта 1944 года на Николаевском плацдарме высадился десант морской пехоты под командованием Константина Федоровича Ольшанского. 55 моряков, 12 саперов и связистов и один проводник должны были оборонять заминированный фашистами элеватор, спасти советских людей от угона в Германию.

25 километров десантники прошли по реке Буг в наскоро законопаченных рыбацких челнах. Вода в лодках быстро прибывала, моряки вычерпывали ее бескозырками.

У элеватора десантники заняли оборону. Фашисты атаковали без конца. Двое суток длилась оборона, отряд Ольшанского отбил 18 атак, уничтожил 600 фашистов.

Верховное командование присвоило всем участникам николаевского десанта звание Героя Советского Союза.

Материалы о подвиге десанта хранились во многих музеях страны: Николаевском, Севастопольском, Ленинградском. Но среди них не хватало двенадцати фотографий десантников, двенадцати семьям не были вручены награды погибших героев...

Рассказывают красные следопыты отряда «Орленок» при жэке № 1101 города Киева:

«О подвиге отряда Ольшанского мы узнали семь лет назад в Николаеве. И мы под пионерским салютом поклялись разыскать родных и близких двенадцати героев, найти их фотографии. Мы знали, что это будет трудный поиск.

Поиск первый. О Герое Советского Союза Пархомчуке Ефиме Онуфриевиче было известно только, что призвали его на службу из Одессы с улицы Столбовой, дом 2. Мы поехали в Одессу и на Столбовой улице разыскали этот дом. Расспросили всех жильцов, но никто из них Пархомчука не помнил. Только тогда мы заметили, что дом-то новый, послевоенный... На Столбовой улице мы разыскали всех старожилов. Одна старушка, ей 102 года, сказала: «Сейчас придет мой сын, ему всего 80 лет, у него прекрасная память». У сына действительно оказалась прекрасная память: он вспомнил, что был еще на Столбовой улице дом 2 «а» — общежитие стекольного завода.

Мы поехали на стекольный завод. Директор собрал ветеранов завода, объяснил цель нашего приезда. И тут один рабочий вспомнил, что жил у них в общежитии такой парень и звали его Ефим-гармонист, что была у него жена-молдаванка Аннушка...

В адресном бюро нам дали восемнадцать адресов Пархомчуков, мы прошли по всем этим адресам, но родных Пархомчука не нашли.

В военкомат мы уже писали, но теперь решили зайти сами. Попросили невостребованные документы. Полдня искали и... нашли. «Похоронка», извещение о том, что Пархомчук Ефим Онуфриевич пропал без вести. Извещение выслано на имя Урусовой Анны Ивановны на Столбовую, 2. В то время Анна Ивановна там уже не жила...

Мы вернулись в Киев, чтобы продолжить поиск на следующий год.

Тщательно изучая извещение, мы нашли еще одну ниточку: Пархомчук был уроженцем Каменецк-Подольской (ныне Хмельницкой) области. Летом мы отправились туда. И снова — милиция, военкомат... Нет сведений о Пархомчуке. В области двенадцать районов, где искать? И вот снова появилась ниточка — в Теофипольском районе, в селе Червоне-Дубино, живет 102 семьи Пархомчуков! И вот мы в Червоне-Дубино, в доме у двух сестер Ефима Онуфриевича. Оказалось, что и все Пархомчуки в селе — родственники. Ну и праздник они нам устроили!

На прощание сестры Пархомчука подарили нам расшитые полотенца и дали адрес жены Ефима Онуфриевича — жила она по-прежнему в Одессе, только по другому адресу, и фамилия ее была не Урусова, а Урсул. Анна Ивановна Урсул.

Мы снова в Одессе, на улице, по которой проходили, наверное, раз сто. Дверь нам открывает старая женщина. У нее трясутся руки и голова — во время оккупации фашисты зверски избили ее и маленькую дочь. Дочка умерла, а мать на всю жизнь осталась инвалидом. Мы рассказали Анне Ивановне о подвиге ее мужа, подарили букет роз. Женщина не могла выговорить ни слова, по ее лицу катились слезы...

Через несколько дней мы вручили фотографию Ефима Онуфриевича Пархомчука Николаевскому музею».

ОТ ШТАБА. Красные следопыты из Киева помогли Анне Ивановне Урсул получить персональную пенсию, въехать в новую квартиру. Молодцы, «Орлята»!

31

Эти боевые ордена были учреждены во время Великой Отечественной войны.

ОРДЕН СЛАВЫ

Учрежден 8 ноября 1943 года. Им награждались солдаты. Первым был награжден помощник командира саперного взвода 140-го полка 182-й стрелковой дивизии 2-го Прибалтийского фронта Георгий Аванесович Исраелян.

ОРДЕН «ПОБЕДА»

Учрежден 8 ноября 1943 года. 10 апреля 1944 года первыми этим орденом были награждены Маршалы Советского Союза Георгий Константинович Жуков и Александр Михайлович Василевский.

ОРДЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Учрежден 20 мая 1942 года. Капитан Иван Ильич Криклий — первым получил орден Отечественной войны I степени. В боях под Харьковом он уничтожил тридцать два фашистских танка.

ОРДЕН СУВОРОВА

Учрежден 29 июля 1942 года — высшая награда военачальникам.
Орденом Суворова I степени первым был награжден за Сталинградскую битву Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

ОРДЕН КУТУЗОВА

Учрежден 29 июля 1942 года. 19 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. Генерал Иван Иванович Федюнинский, участвовавший в этой операции, первым был награжден орденом Кутузова I степени.

ОРДЕН НАХИМОВА

Учрежден 3 марта 1944 года. Им награждали отважных моряков.
Первым кавалером ордена стал генерал-лейтенант береговой службы Петр Алексеевич Моргунов после освобождения Севастополя.

Цена 25 коп.
Индекс 70694